

**СЕРИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Филологические науки

Исторические науки

Журналистика

ISSN 2306-8450

**Вестник
Сыктывкарского
университета**

3(31)2024

<p>Вестник Сыктывкарского университета (научный журнал)</p> <p>Выходит 4 раза в год</p>	<p>Серия гуманитарных наук</p> <p>ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ ЖУРНАЛИСТИКА</p>	<p>12+</p> <p>ISSN 2306-8450</p> <p>Выпуск 3(31)</p> <p>2024</p>
--	---	--

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Волкова Т. Ф.</i> Цилемские книжники Ларионовы и Поповы	4
<i>Сокурова О. Б., Галиев Р. Ф.</i> Д. Е. Максимов (1904–1987): портрет ученого и поэта на фоне эпохи	18
<i>Сокурова О. Б.</i> Кафедра духовной свободы: Н. Н. Пунин, Л. П. Карсавин и их ученики в Абезьском лагере	34

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ, ОБЗОРЫ, МАТЕРИАЛЫ, ВОСПОМИНАНИЯ

Богородица в лоемских устных рассказах и магических текстах: избранные материалы из Фольклорного архива СГУ им. Питирима Сорокина (подгот. текстов <i>Т. С. Каневой</i>)	53
<i>Чистяков В. А.</i> Преодоление испытаний судьбы (Воспоминания политзаключенного) (подгот. текстов и комментарии <i>А. Н. Розова</i>)	62

Bulletin of Syktyvkar University (Science Magazine) Published 4 times a year	Humanities Series PHILOLOGICAL SCIENCES HISTORICAL SCIENCES JOURNALISM	12+ ISSN 2306-8450 Issue 3(31) 2024
---	--	--

CONTENTS

RESEARCHES

<i>Volkova T. F.</i> Tsilma scribes Larionov and Popov	4
<i>Sokurova O. B., Galiev R. F.</i> D. E. Maksimov (1904–1987): a portrait of a scientist and poet set against the time background	18
<i>Sokurova O. B.</i> Cathedral of spiritual freedom: H. N. Punin, L. P. Karsavin and his students in the Abez camp	34

PUBLICATION OF SOURCES, REVIEWS, MATERIALS, MEMORIES

The Mother of God in the Loima oral narratives and magical texts: selected materials from the Folklore Archive of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (texts selected by <i>T. S. Kaneva</i>)	53
Vladimir Alexandrovich Chistyakov (1923–2001). Overcoming the Trials of Fate (Memoirs of a Political Prisoner) (text and comments by <i>A. N. Rozov</i>)	62

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55)

Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар:
Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2024. Выпуск 3(31). 85 с.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

М. В. Мелихов, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина

Заместитель главного редактора:

Т. Ф. Волкова, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина

Редакционная коллегия:

Мелихов Михаил Васильевич, доктор филологических наук, профессор Сыктывкарского
государственного университета имени Питирима Сорокина (главный редактор)

Волкова Татьяна Федоровна, доктор филологических наук, профессор Сыктывкарского
государственного университета имени Питирима Сорокина (зам. главного редактора)

Обшанская Светлана Евстафьевна, начальник международного отдела, старший преподаватель
кафедры иностранных языков Сыктывкарского государственного университета
имени Питирима Сорокина

Адрес редакции:

167001, Республика Коми, Сыктывкар, Октябрьский пр., 55.
Тел./факс 8 (8212) 390-397

Редактор *Е. М. Насирова*

Корректор *О. В. Габова*

Верстка и техническое редактирование *А. А. Ергаковой*

Выпускающий редактор *Л. Н. Руденко*

Подписано в печать 11.12.2024. Дата выхода в свет 20.12.2024.

Формат 70x108/16. Усл. п. л. 9,9.

Заказ № 113. Тираж 27 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Коми республиканская типография»,

167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81
knigikomi@komitip.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCHES

Научная статья / Article

УДК 929.522

<https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-3-4>

Цилемские книжники Ларионовы и Поповы

Татьяна Федоровна Волкова

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия,
volkovatf777@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0119-5343>

***Аннотация.** В статье характеризуются материалы базы данных о печорских книжниках, связанные с двумя цилемскими фамилиями — Ларионовыми и Поповыми. Используя списки книжников, составленные В. И. Мальшевым, и архивные документы, собранные А. В. Новиковым, а также записи цилемских книжников на рукописных и старопечатных книгах и отчеты об археографических экспедициях на Цильму, автор статьи описывает, какие рукописи и печатные кириллические книги принадлежали представителям этих семей, приводит оставленные ими на полях старинных книг записи. В совокупности эти материалы дают представление о составе родовых библиотек Ларионовых и Поповых.*

***Ключевые слова:** Цилемский омелинский скит, книжники Ларионовы, книжники Поповы, Нижняя Печора, старообрядческая книжность*

Для цитирования: Волкова Т. Ф. Цилемские книжники Ларионовы и Поповы // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2024. № 3. С. 4–18.
<https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-3-4>

Tsilma scribes Larionov and Popov

Tatyana F. Volkova

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia,
volkovatf777@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0119-5343>

***Abstract.** The article describes the materials of the database on Pechora scribes connected with two Tsilma families — the Larionovs and the Popovs. Using the lists of scribes compiled by V. I. Malyshev and archival documents collected by A. V. Novikov, as well as the records of Tsilma scribes on handwritten and early printed books and reports on archaeological expeditions to Tsilma, the author of the article describes which manuscripts and printed Cyrillic books belonged to representatives of these families, and cites the notes they left in the margins of old*

books. Taken together, these materials provide an idea of the composition of the Larionovs' and Popovs' family libraries.

Keywords: *Tsilma Omelinskii Skete, Larionov scribes, Popov scribes, the Lower Pechora, Old Believer bookishness*

For citation: Volkova T. F. Tsilma scribes Larionov and Popov. *Vestnik Syktyvkarского uni- versiteta. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series.* 2024, 3: 4–18. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-3-4>

Несколько лет назад автор статьи приступила к созданию серии очерков о печорских книжниках — представителях печорских, пижемских и цилемских родов, в которых сохранялись в течение многих десятилетий остатки родовых библиотек. Анализ составленной мною базы данных о печорских книжниках показал, что старинная книжность в Усть-Цилемском районе Республики Коми сохранялась и переписывалась представителями этих родов. Всего нами было выделено 23 фамилии, среди представителей которых были книжники — писцы, владельцы рукописей, читатели старинной книги. Составление очерков о книжниках печорских родов имело отдаленную цель — создать в будущем «Словарь книжников Нижней Печоры», идея которого возникла еще в 1998 г. [Волкова, 1998]. К настоящему времени эта подготовительная работа подходит к концу: опубликовано 19 очерков о создателях и хранителях печорской рукописной традиции — представителях разных печорских, пижемских и цилемских родов [Волкова, 2010, 2014, 2019а–ж; 2020, 2021а–б, 2023а–б, 2024; Волкова, Вокуева, 2019; Волкова, Дронова, 2024; Волкова, Мелихов, 2024], три очерка — о книжниках Кирилловых-Антоновых, Поздеевых и Шишеловых — находятся в печати. Данная статья о цилемских книжниках Ларионовых и Поповых завершает наши исследования о родовых библиотеках печорских крестьян.

О цилемских книжниках Ларионовых и Поповых сохранилось не так много информации, поэтому обобщение материалов базы данных об этих книжниках было оставлено мною на завершающий этап исследования. За это время появилась книга краеведа А. В. Новикова [Новиков, 2009], в которой автор собрал обширный материал государственных архивов и устные предания о Цилемском ските и его обитателях, опубликовал некоторые записи на книгах, найденных В. И. Мальшевым в д. Омелино на Цильме, где и был основан в середине XVIII в., как считал В. И. Мальшев, Цилемский скит, просуществовавший до середины XIX в. На территории бывшего Омелинского скита в 20-е гг. XXI в. побывали наш фольклорист Т. С. Канева и исследователь печорских икон А. В. Афанасьев, опубликовавшие свои наблюдения об особенностях топографии омелинского поселения и описавшие сакральные артефакты, обнаруженные авторами в экспедициях последних лет [Афанасьев, Канева, 2023]. Эти публикации облегчили работу по реконструкции рукописного собрания двух связанных с Цилемским скитом семей — Ларионовых и Поповых, предоставили архивный материал для прояснения родственных связей представителей этой семьи, имена которых нам были известны по записям на сохранившихся книгах из д. Омелино, по спискам

книжников, составленным В. И. Малышевым [Малышев, 1960а, с. 16–18, 24–26; Малышев, 1962, с. 455–456], по научным описаниям рукописей, привезенных с Цильмы.

Учитывая изученность материалов, связанных с Цилемским скитом и его «насельниками», приведем лишь самые общие сведения о возникновении и закрытии скита и первых его обитателях и сосредоточимся на филологической стороне исследования — приведем сведения о тех книгах, которые читали, хранили и переписывали книжники Ларионовы и Поповы.

Омелинский (Цилемский) скит, основанный мезенцами в середине XVIII в., а по другой версии еще раньше — в 1668 г. [Новиков, 2009, с. 100] на притоке Печоры реке Цильме, был создан поморцами и организован по образцу Выго-Лексинского общежительства, как и Великопоженский скит на Пижме. Сохранилась переписка омелинцев с выговскими старцами. Расцвет Омелинского скита приходится на вторую половину XVII — начало XIX в. В ските имелась часовня, были мужские и женские кельи. В 1805 г. в нем проживало около 40 человек. Обитатели скита занимались хлебопашеством и скотоводством. В ските имелась достаточно обширная библиотека, были свои переписчики, была небольшая школа, в которой обучались дети мезенских староверов. Во всех семьях были старинные рукописные и старопечатные книги. Омелинский скит был вторым (после Великопоженского общежительства) центром распространения грамотности и книги в верховьях Мезени [Малышев, 1960а, с. 11–12]. Это была самая скрытая старообрядческая община в Мезенском уезде. Епархиальные власти обнаружили Омелинский скит только в 1831 г. [Новиков, 2009, с. 59], но, возможно, и раньше [Новиков, 2009, с. 62]. Более десяти лет шла официальная переписка по поводу судьбы скита и его жителей. Наконец в 1844 г. скит был закрыт по распоряжению архангельского губернатора. Колокола, иконы и часовенная утварь поступили в 1846 г. в Усть-цилемскую церковь, а книги отослали 23 мая 1845 г. в семинарскую библиотеку (ГААО. Ф. 29, Оп. 4. Т. 2. Д. 1676. Л. 50) [Новиков, 2009, с. 83]). Оставшиеся люди продолжали жить в деревне Омелино, устраивать богослужения в небольшой построенной ими часовне. И еще долго, вплоть до 90-х гг. XIX в., Омелино оставалось для жителей округа центром духовной жизни.

Какие же имена книжников из семей Ларионовых и Поповых нам сейчас известны по архивным документам? Эти два рода — Ларионовы и Поповы — прослеживаются в документах с 1623 г. Представители этих семей первоначально числились жителями д. Койнас, находящейся на левом берегу р. Мезень, рядом с устьем ее притока, ручья Койнасский. Родоначальником цилемских Ларионовых был крестьянин Онфимко Васильев, упоминаемый в переписи 1623 г. как имеющий «осьмину» пашни и свой двор [Новиков, 2009, с. 90–91]. А родоначальником семьи Поповых по переписи 1623 г. стал поп Филипп Меркурьев, а в переписной книге 1678 г. называются и два сына Филиппа — Василий и Ермолай, которые уже записаны как крестьяне [Новиков, 2009, с. 92].

Род Поповых, согласно документам, имел в Койнасе две ветви, происходившие от разных предков. С Цилемским скитом связана та ветвь, родоначальницей которой стала «девка» Агафья, дочь Романа Политовича, 1779 г. р. Первое о ней упоминание отыскивается в метрической книге, где сообщается о том, что 30 декабря 1814 г. у нее родился сын (имя его не названо), а в 1819 г. родился второй сын Авраам, который до 1841 г. в документах фигурирует как раскольник, но при венчании его 12 января 1841 г. «присоединился к православию, в чем дал расписку» (доклад койнасского священника Евграфа Каллиникова 10 окт. 1846 г. Консistorии) [Новиков, 2009, с. 67].

Объединение рода Ларионовых с родом Поповых произошло, когда Иван Антипыч Ларионов 21 января 1833 г. обвенчался с дочерью Фёдора Попова Татьяной, о чем сохранилась запись в метрической книге [Новиков, 2009, с. 68]. Однако и до этого венчания Ларионовы и Поповы в документах упоминаются вместе как населявшие Цилемский скит, а после его закрытия — Цилемский выселок [Новиков, 2009, с. 89].

Обратимся к материалам нашей базы данных о печорских книжниках. Начнем ее обзор с рода Ларионовых. По записям и спискам В. И. Малышева нам известно шесть Ларионовых, в той или иной мере причастных к книжной культуре. В первую очередь следует назвать старожилов скита, переписчиков рукописей Антипа Марковича Ларионова и его сына Ивана Антиповича. **Антип Маркович** назван в двух списках В. И. Малышева, составленных по устным рассказам печорских старожилов, — списке писцов (с пометой «д. Омелино; умер в начале XIX в.») [Малышев, 1960а, с. 18] и списке владельцев рукописей как владелец значительного собрания [Малышев, 1960а, с. 26]. Согласно архивным разысканиям А. В. Новикова, непосредственными предшественниками Антипа Марковича по прямой родословной линии были Иев Ларионов 1705 г. р. и отец Антипы — Марк, сын Иева, 1731 г. р. Антип Маркович родился в 1766 г. Он официально зафиксирован архивными документами как наставник Омелинского скита, переписчик книг, имевший связь с Выговским общежитием. Антип Маркович унаследовал все скитские дома, владельцем которых он указан (ГААО. Ф. 29. Оп. 4, Т. 2. Д. 1676, Л. 1, 2, 37 об. [Новиков, 2009, с. 101–102]).

Свидетельством писцовой деятельности Антипы Марковича служат записи его сына **Ивана Антиповича**, сделанные на сборной рукописи ИРЛИ, УЦ 32 последней трети XVIII в., в 4-ку, написанной на 137-ми листах полууставом и скорописью; переплет не сохранился [Малышев, 1960а, с. 89–91]. Рукопись содержит вначале несколько повестей о чудотворных богородичных иконах (Тихвинской, Владимирской, Новгородской), старообрядческое сочинение об Илье Пророке, «Общебратское душеспасительное установление» Выгорецкого общежития об одежде, обуви, ношении волос, крашении пасхальных яиц, собирании ягод и о другом; соборное постановление Выгорецких общежителеев о новобрачных от 1777 г.; выписки из челобитных попа Лазаря царю Алексею Михайловичу и патриарху Иоасафу; выписки из Киево-Печерского патерика и др. На л. 91 сразу после текста «Повести о Новгородской иконе Богородицы» читается за-

пись, сделанная мелкой скорописью XIX в.: «Сию повѣсть писалъ цылемскаго выскѣлка крестьянинъ Антипъ Марковичъ Ларионовъ в министры (!) за Онѣгой 1798 года июля 18 числа по вѣчеру. Подписалъ сынъ его Иванъ Ларионовъ», после чего следует подпись составителя записи. А на л. 137 в середине листа после текста приписано: «Конецъ сей книги у отца родителя Антипы Марковича Ларионова. Писалъ сынъ его Иванъ Антипичъ Ларионовъ 1866 года февраля 27 числа воскресенья». Оценил Иван Антипич и содержание книги: в верхней части л. 137 об. он написал: «1856 года июня 24 Архангельской губерни Мезенскаго уезда Лѣвцкой волости Палащельскаго общества Койниской деревни Цылемс[кой] выскѣлки крестьянинъ Иванъ Антипинъ Ларионовъ [от] доски [д]о доски прочиталъ оногo дня — безценное сокровище (тире в записи)». Сам Антипа Маркович сделал на том же листе 137 об. запись о цене книги: «Книги сией цена восьмь рублей — сама дорога книга. Писалъ Антипа Ларионовъ», а ниже, видимо, его сыном, сделана более мелким почерком запись сходного содержания о цене книги: «Книги сей цѣна восемь рублей. Сама дорога книга».

Еще одна рукопись, связанная с именем Антипы Марковича, — «Зерцало великое» — хранится в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук (БАН 33.1.11 (Сев. 586) сборник № 31). На л. 1 сохранилась запись: «Книга глаголемая Зерцало великое переплетом поновлена 1796-го года старанием Ивана Тимофеева Долгова, а трудами Антипы Марковича Ларионова — мезенца» [Новиков, 2009, с. 44]. Приведенные выше датированные записи на рукописях ИРЛИ и БАН с упоминанием Антипы Марковича позволяют, по мнению А. В. Новикова, установить годы пребывания Антипы Марковича в Выговском общежительстве — с 1796 по 1798 [Новиков, 2009, с. 45], где он переписывал и переплетал старообрядческие книги [Новиков, 2009, с. 73].

К Антипе Марковичу в Цилемский скит с разными бытовыми просьбами обращались жители соседних сел. Об этом свидетельствует письмо некоего Федора Анисимова, которое было использовано при обклейке нижней крышки переплета рукописи первого десятилетия XIX в. ИРЛИ, УЦ 266 [Малышев, 1961, с. 603], содержащей «Хождение Трифона Коробейникова». На л. 82 об. читается владельческая запись Ивана Мяндина скорописью и его же запись полууставом: «а писал Иван Мяндин». Письмо Федора Анисимова содержит просьбу о покупке «самоедских» поясов: «Милостивой мой государь Антипа Марковичъ, жилаю вам много летъ здравствовать [с] своею супругою Анисьею Елпидифоровною. Покорно прошу васъ купить на мой щетъ поясовъ сам[ое]тъскихъ толстыхъ 50 (далее в рукописи обрыв листа). Еще купить поясовъ тонки[x] сажень сто или два или три. Покорно прошу купить, по весны прислать, а денги вамъ .... (далее неразборчиво). Вашъ Федор Анисимовъ».

В списках писцов и владельцев рукописных собраний В. И. Малышев называет Ларионова Ивана Антоновича [Малышев, 1960а, с. 26]. Но А. В. Новиков в своей книге высказывает предположение, что в списке Малышева Иван Антонович назван ошибочно, так как на Цильме не было Ларионова Ивана Антоновича,

а был только **Иван Антипович**. Ему, по-видимому, и принадлежит запись писца на последнем листе небольшой рукописи, содержащей «Службу на перенесение мощей Николы Мирликийского» (ИРЛИ, УЦ 355, в 4-ку, на 6-ти листах, подражание печатному шрифту — см. в Древлехранилище ИРЛИ неизданное описание богослужебных рукописей, составленное В. И. Малышевым). Дата рукописи приведена в записи: «*Иван Ларионов, 1874 года, апреля 24*». Возможно, ему же принадлежит помета на рукописном Часослове (ИРЛИ, УЦ 372) второй четверти XVIII в., в 8-ку, на 89-ти листах, написанном полууставом (см. описание богослужебных рукописей): «*Иванъ Ларионовъ подписалъ*» (л. 83 об., скоропись). Приведем еще одну запись Ивана Ларионова, где он выступает как читатель древнерусского сочинения. Запись сделана на рукописи середины XVIII в. (ИРЛИ, УЦ 265, в 4-ку, на 95-ти листах), написанной полууставом и содержащей польское сочинение «Суждение дьявола против человека» [Малышев, 1961, с. 603]. На л. 39 об. читается владельческая запись священника Афанасия Каткина: «*Сия книжица принадлежит Паназерского прихода священнику Афанасию Каткину во владѣние подписалъ сын его*». А на л. 40 по правому полю «кудрявой» скорописью приписано: «*Хозяину сей книги великия благодарность будет читателя. Иванъ Ларионовъ*».

Оставил Иван Ларионов свой автограф и на рукописи, сейчас хранящейся в Усть-Цилемском новом собрании ИРЛИ (УЦ н. 185). Это Устав второй четверти XVIII в. (в 8-ку, на 181-м листе, написан полууставом, переходящим в скоропись; переплет — доски, покрытые тисненой кожей — см. в Древлехранилище ИРЛИ неизданное описание Усть-Цилемского нового собрания). На л. 2 рукописи читается запись: «*1866 года марта 28 дня во вторникъ свѣтлыя недели писалъ Иванъ Ларионовъ по вѣчеру*». Так Иван Ларионов посчитал важным отметить факт своего обращения к этой рукописи.

Еще одна рукописная книга, согласно помете-автографу, находилась в собрании книжников Ларионовых. Это сборная рукопись XVI–XVII вв. ИРЛИ, УЦ 3 (в 8-ку, на 219 лл., написана скорописью; переплет из бересты, покрыт тисненой кожей [Малышев, 1960а, с. 51–52]). Рукопись содержит ряд статей уставного характера: о поклонах, посте, крестном целовании, великопостной службе, монастырской трапезе, чине причащения, водосвятия, о размещении в трапезной и т. п. Далее читается «Поучение и наказание попом», как им подобает учить и наказывать своих духовных детей, «Правило святых отец... из никонския книги», касающееся вопроса о том, может ли епископ, оставив епископство, в дальнейшем снова на него претендовать. Рукопись содержит также выписки из Альфы толковой, стихиру Сретенью из Октоиха и ряд указов из «Ока церковного» (о движении часов в годовом цикле, о днях седмицы «како поются каноны», указатель утренних евангельских чтений в первую неделю Петрова поста и в другие периоды церковного годового круга. На л. 66 читается помета-автограф: «*Иванъ Ларионовъ Даниловъ*».

Как владельцы значительных собраний рукописей в списке В. И. Малышева, опубликованном в его монографии «Усть-цилемские рукописные сборники...»,

указаны еще два Ларионовых: **Василий Иванович** и **Варфоломей Васильевич** [Мальшев, 1960а, с. 26]. В сохранившихся омелинских рукописях нет владельческих записей или помет этих книжников. Но книга А. В. Новикова позволяет уточнить некоторые биографические данные о них. Оба они — отец и сын — были наставниками в Цилемском выселке до официального закрытия омелинской часовни в 1930 г. Установлены и даты их рождения: Василий Иванович родился в 1840 г., Варфоломей Васильевич в 1871-м [Новиков, 2009, с. 102].

Таков круг источников о книжниках Ларионовых, обитателях Омелинского скита на Цильме. Рукописные книги, приведенные в статье как непосредственно связанные с семьей Ларионовых, безусловно, лишь малая часть их родовой библиотеки. По-видимому, часть этих рукописей погибла, а некоторые, на которых книжники Ларионовы не оставили своих помет, возможно, попали в другие селения Усть-Цилемского района и не могут быть причислены к собраниям цилемских Ларионовых. Но даже то, что удалось идентифицировать с собранием рукописей этих цилемских книжников, свидетельствует о том, что в этом собрании были и достаточно ранние рукописи, и рукописи, созданные самими цилемскими писцами, что их интересовали как повести о чудесах от богородичных икон, так и уставная литература, о том, что иногда они считали необходимым дать и высокую оценку содержанию прочитанной книги.

Рассмотрим далее материалы нашей базы данных о цилемских книжниках Поповых. Самая ранняя по времени запись одного из Поповых сохранилась на рукописной Псалтири последней четверти XV в., найденной в д. Абрамовской (ИРЛИ, УЦ 339). Это рукопись в 4-ку, на 185 листах, написанная полууставом трех почерков; переплет дощатый с четырьмя железными жуками и одним медным жуком, кожа переплета не сохранилась. Лл. 1–13 и 123 написаны в XVI в.; лл. 153–185 — в самом конце XV в. Заглавия и начальные буквы киноварные, используется вязь (см. неизданное описание богослужебных рукописей Усть-цилемского собрания ИРЛИ, составленное В. И. Мальшевым и хранящееся в Древлехранилище). На внутренней стороне нижней крышки переплета Псалтири сохранились записи Андрея Яковлевича Попова: 1. «Лета 7031 (1523), марта в 20 день, подписал сию книгу многогрешной Ондрейко Яковлев сын Попов (1687)»; 2. Списал ...(далее неразборчиво) целовальник Ондрей». Неясно, почему в записи фигурируют две даты — XVI и XVII вв. Первая дата 7031 в описании переведена на современное летоисчисление неверно — 1573 г., должно быть 1523. Человека, названного в записи, мы не обнаружили ни в списках книжников, составленных В. И. Мальшевым, ни в архивных материалах А. В. Новикова. Тем не менее запись позволяет считать, что уже в XVI (или XVII) веке в роде Поповых был целовальник, чиновник, выбранный из посадских людей или черносошных крестьян для выполнения различных финансовых или судебных обязанностей, который оставил свой автограф на рукописи XV века.

Ряд других Поповых-книжников мы находим в отчетах об экспедициях В. И. Мальшева и его списках книжников. Так, в списке владельцев рукописных собраний В. И. Мальшев в разделе Усть-Цильма называет **Попова Андрея Ва-**

ильевича [Малышев, 1960а, с. 24], а в отчете об экспедиции 1949 года он упоминает А. В. Попова в числе жителей Усть-Цильмы, у которых он видел значительные собрания рукописей, насчитывающие по 15–20 книг [Малышев, 1949, с. 470].

В том же списке владельцев рукописных собраний В. И. Малышев упоминает и **Попова Ивана Яковлевича** [Малышев, 1960а, с. 24], о котором Малышев говорит как об уполномоченном типографии Г. К. Горбунова в Усть-Цильме. Такие уполномоченные появились в Усть-Цильме после того, как в 1906 г. старообрядцам разрешили выпускать свои книги. «На Печору сразу же хлынул мощный поток печатной продукции типографий Г. К. Горбунова, П. П. Рябушинского, А. В. Симакова из Уральска и других старообрядческих издательств, выпускавших книги самого разнообразного содержания (служебные, духовно-нравственные, исторические, полемические и т. д.). Немедленно в Усть-Цильме, на Пижме, Цильме и Нерице из местных жителей появились комиссионеры этих фирм, занявшиеся пропагандой и распространением их книг» [Малышев, 1960а, с. 22].

Как владелец собрания рукописей в одном из списков Малышева упоминается **Попов Иван Ларионович** [Малышев, 1962, с. 456, № 40]. Других сведений о нем в нашей базе данных нет. Нет дополнительных сведений и о **Попове Михаиле Абрамовиче**, которого В. И. Малышев также включил в список владельцев рукописей, указав на место его проживания — д. Омелино на Цильме [Малышев, 1960а, с. 26].

В ходе экспедиции 1949 г. в Усть-Цильму В. И. Малышев зафиксировал наиболее интересные рукописи, которые он видел в домах устьцилемов и привел эти сведения в своем отчете об экспедиции. Среди владельцев интересных рукописей В. И. Малышев назвал и **А. Н. Попову**, у которой он видел «Повесть о Григории папе» XIX в. и «Повесть о двенадцати снах царя Шахаиши» также XIX в. [Малышев, 1949, с. 473].

Несколько имен книжников из рода Поповых удалось установить благодаря записям и пометам на рукописных и старопечатных книгах. Так, в сборнике ИРЛИ, УЦ н. 8 (конец XIX в., в 8-ку. 64 л.; скоропись разных почерков; переплет картонный), в котором содержатся такие литературные сочинения, как «Повесть о 12-ти снах царя Мамера», «Чудо Георгия о змее», поучение о матерной брани, «Слово о смерти, како на поли некоему воину прииде», духовные стихи (см. неизданное описание Усть-Цилемского нового собрания ИРЛИ, имеющееся в Древлехранилище), оставили пометы несколько устьцилемов («*Прокопей Петровъ Дуркинъ*», «*Федоръ Филиповъ Кисляковъ*», «*Игнатей Тороповъ Василь[е]виць*»). Среди них читается и помета **Попова Ивана**: «*Иван Попов руку приложил*» (л. 39 об., на левом поле). А на листах 64 и 64 об. читаются его записи, которые в описании Усть-Цилемского нового собрания ИРЛИ определены как писцовые: «*Ивананъ (!) Поповъ писалъ*» (л. 64, на нижнем поле); «*Писаль сию книгу*» (л. 64 об., вверху л., карандаш, скоропись).

Ряд Поповых оставили свои записи на старопечатных книгах, найденных на Нижней Печоре. Так, на Кирилловой книге (М., 1644, апрель, в 2-ку, 583 л.; переплет: доски в коже, застежки утрачены), полученной в 1981 г. сыктывкарскими археографами от известного печорского книжника и писателя С. А. Носова (НБ СГУ, УЦ п. 26), читаются записи о том, как **Петру и Василию Поповым** досталась эта книга: «1890-го г. по разделу по второму досталась Василию Попову мая 7-го дня» (на нижней крышке переплета), а на верхней крышке просматривается дефектная запись, частично заклеенная: «Досталась ... Петру Попову». О том, что книга меняла владельцев, свидетельствует еще одна запись на верхней крышке переплета, в которой после комментария к содержанию книги («Книга святого нашего Кирилла Иерусалимского на 8-ой век, сиречь на 8-ую тысячу лет — пророчество его от святых писаний») следует просьба: «Передать Фатею или Ефиму».

Еще один Попов — **Феодосий Васильевич** — как минимум держал в руках, а возможно, и имел в своей библиотеке старопечатный «Пролог» (сентябрь-февраль), напечатанный в Вильно в 1791 г. (НБ СПбГУ, ОРК 6582) [Савельев 1997, с. 84, № 76]. На подклейке нижней крышки переплета сохранилась запись полууставом «*Попов Федосей Васильевич*», которая была кем-то зачеркнута, возможно, новым владельцем книги.

Как составитель сборников духовных стихов известен **Яков Попов**, его в ряду других усть-цилемских переписчиков духовных стихов — И. С. Мяндина, А. М. Бажукова, И. С. Ермолина, С. А. Носова и др. — называет в своей статье Л. А. Петрова [Петрова, 1989, с. 96]. Сохранилась и запись-автограф Якова Попова на сборной рукописи конца XVIII в. ИРЛИ, УЦ 16 (рукопись в 4-ку, переписана полууставом и скорописью нескольких почерков на 149-ти л.; переплет: картон в тисненой замше, корешок ветхий, заглавия и начальные буквы киноварные) [Мальшев, 1960а, с. 69–71]. Рукопись содержит Службу Богородице, Канон мученице Акилине, духовные стихи, «Житие великомученика Никиты», выписки из «Звезды Пресветлой», «Пчелы», поучения Иоанна Дамаскина и Иоанна Златоуста, эсхатологическое сочинение «Послание об антихристе и тайном царствии его». На л. 141 об. читается запись скорописью первой половины XVIII в.: «*Писал Яков Попов*».

Сохранилась читательская запись **Зинаиды Николаевны Поповой** на рукописи, сейчас хранящейся в НБ СГУ (УЦ р. 63, XVIII–XIX вв. в 2-ку, на 77 л.; написана крупным полууставом; киноварь в заголовках и инициалах; переплет картонный поздний [Памятники, 1989, с. 169]). Рукопись содержит чтения из Евангелия на праздники господские и богородичные, воскресные, дневные и общие святым; получена в 1984 г. от жителя с. Усть-Цильмы Алексея Ефремовича Кириллова. Книга пользовалась у устьцилемов большим спросом: на нижней крышке переплета оставили пометы Чупрова Лукерья Васильевна («1952 года ноября 24-го дня»), Анисим Кириллов, прочитавший ее «до убрусу» в марте 1981 г., а в январе 1982 года «сию книгу читала Попова Зинаида Николаевна».

Остатки библиотеки Цилемского скита попали в собрание еще одной представительницы рода Поповых — **Е. В. Поповой**. От нее во время экспедиции 1958 г. было получено несколько омелинских рукописей. В своем отчете об этой экспедиции В. И. Малышев писал: «В рыбацьем поселке на Тобуше и в дер. Номбург рукописных книг не оказалось. Проживающая в Номбурге Е. В. Попова, местная наставница, бывшая жительница дер. Омелино, передала нам пять рукописей XVII–XIX вв., подобранных ею в Омелине по чердакам и сараям пустующей деревни незадолго до нашего приезда. По ее словам, в настоящее время в Омелине “не осталось ни одного письменного листочка”. Вместе с омелинскими рукописями на Цильме приобретено всего семь рукописных книг» [Малышев, 1960б, с. 515]. Е. В. Попову В. И. Малышев упоминает и в перечне печорцев, «понимающих значение археографической работы», которые могут помочь археографам поддерживать связь с владельцами рукописных книг [Малышев, 1960б, с. 518].

Таковы материалы нашей базы данных о цилемских книжниках Поповых. При всей их скромности они все же дают представление о том, какими книгами представители этой фамилии владели, что читали и переписывали для себя.

Список источников

1. *Афанасьев, Канева, 2023* — Афанасьев А. В., Канева Т. С. К вопросу о северных старообрядческих киновиях: Цилемский скит // Рябининские чтения — 2023 : материалы IX конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера (Петрозаводск, сентябрь 2023 г.) / отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск: Карельский научный центр Российской академии наук, 2023. С. 3–7.

2. *Волкова 1998* — Волкова Т. Ф. «Словарь книжников Печоры» (задачи и проблемы издания) // Мир старообрядчества : сб. науч. трудов. М.: Изд-во МГУ, 1998. Вып. 4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. С. 116–122.

3. *Волкова, 2010* — Волкова Т. Ф. Мяндины — переписчики, хранители и читатели старинной книги // Вторые Мяндинские чтения : материалы всерос. науч.-практ. конференции. 11–12 июля 2010 г., с. Усть-Цильма : в 2 т. Сыктывкар: ООО «Издательство “Кола”», 2010. Т. 1. С. 86–98.

4. *Волкова, 2014* — Волкова Т. Ф. К вопросу о крестьянских старообрядческих книжных собраниях на Нижней Печоре: род Чупровых. (По материалам Банка данных «Печорская книжность») // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. Вып. 1 (7). С. 193–205.

5. *Волкова, 2019а* — Волкова Т. Ф. Книжники-старообрядцы из пижемского рода Бобрецовых // Acta Neophilologica. 2019. Т. XXI (2). С. 243–252.

6. *Волкова, 2019б* — Волкова Т. Ф. Книжники-старообрядцы Усть-Цилемского края: род Михеевых // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. Филологические науки, исторические науки, психологические науки, социологические науки, политические науки, культурология, журналистика. 2019. Вып. 2 (10). С. 30–38.

7. *Волкова, 2019в* — Волкова Т. Ф. Книжники из печорского рода Палкиных // Двадцать шестая годовичная сессия Ученого совета Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина: Февральские чтения, посвященные 130-летию со

дня рождения П. А. Сорокина : сб. материалов нац. конференции. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. С. 18–23.

8. *Волкова, 2019г* — Волкова Т. Ф. Вклад крестьян Поташовых в сохранение Печорской рукописно-книжной традиции // Рябининские чтения — 2019 : материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера / музей-заповедник «Кижи». Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. С. 500–502.

9. *Волкова, 2019д* — Волкова Т. Ф. Печорский старообрядческий род Хозяиновых в истории книжной культуры Усть-Цилемского края // Семнадцатый Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура». Мир славянской письменности и культуры в православии, социогуманитарном познании : материалы междунар. науч.-практ. конф. / сост. О. В. Терехова. Челябинск: ЧГИК, 2019. С. 222–228.

10. *Волкова, 2019е* — Волкова Т. Ф. Ермолины-книжники (к вопросу о создателях и хранителях печорской рукописной традиции) // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в науке, музейной и библиотечной работе : труды IV Междунар. науч. конференции (Мир старообрядчества. Вып. 10) / сост. Ю. С. Белянкин, Е. В. Воронцова, Н. В. Литвина. М.: Изд-во Московского университета, 2019. С. 39–52 (Труды исторического факультета МГУ: Вып. XXX. Сер. II: Исторические исследования, XX).

11. *Волкова, 2019ж* — Волкова Т. Ф. Пижемцы Осташовы и их вклад в создание и сохранение печорской рукописно-книжной традиции // Старообрядчество: история, культура, современность : материалы конференции. 21–22 ноября 2019 г. М., 2019. С. 32–37.

12. *Волкова, 2020* — Волкова Т. Ф. Книжники из печорского рода Тирановых // Acta Neophilologica. 2020. Вып. XXII (2). С. 235–245.

13. *Волкова, 2021а* — Волкова Т. Ф. Книжники из печорского старообрядческого рода Кисляковых // Представления о прошлом в памятниках письменности XVI–XX вв. / отв. ред. А. Х. Элерт. Новосибирск, 2021. С. 99–115 (Археография и источниковедение Сибири; вып. 40).

14. *Волкова, 2021б* — Волкова Т. Ф. Устьцильмы Тороповы и их вклад в создание и сохранение рукописно-книжной традиции Усть-Цильмы // Вестник СГУ. 2021. № 3. С. 24–33.

15. *Волкова, 2023а* — Волкова Т. Ф. Печорские крестьяне Чуркины — владельцы и читатели старинных книг // Вестник СГУ. Серия гуманитарных наук. 2023. № ½. С. 49–61.

16. *Волкова, 2023б* — Волкова Т. Ф. К реконструкции семейного книжного собрания усть-цилемских крестьян Бульгиных // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 117–128.

17. *Волкова, 2024* — Волкова Т. Ф. К вопросу о духовной культуре крестьян Нижней Печоры: книжники Вокуевы // Двадцать второй Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура». Человек в горизонтах русской духовной культуры: ценности — смыслы — практики служения Отечеству : материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / сост. И. Н. Морозова. Челябинск: Челяб. гос. ин-т культуры, 2024. С. 179–185.

18. *Волкова, Вокуева, 2019* — Волкова Т. Ф., Вокуева Т. Д. Книжники из печорского рода Дуркиных (по материалам архивов и банка данных «Печорская книжность») // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 4 (28). С. 258–268.

19. *Волкова, Дронова, 2024* — Волкова Т. Ф., Дронова Т. И. Книжники из усть-цилемского старообрядческого рода Бабиковых // Человек. Культура. Образование. 2024. № 1. С. 102–116.

20. *Волкова, Мелихов, 2024* — Волкова Т. Ф., Мелихов М. В. Вклад старообрядца С. А. Носова в создание и сохранение рукописно-книжной традиции на Нижней Печоре :

по материалам базы данных о печорской книжности // Археография и источниковедение Сибири. 2024. № 1 (43). С. 261–272.

21. *Мальшев, 1949* — Мальшев В. И. Отчет о командировке в село Усть-Цильму Коми АССР // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 7. С. 469–480.

22. *Мальшев, 1960a* — Мальшев В. И. Усть-цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. 214 с.

23. *Мальшев, 1960b*. — Мальшев В. И. Отчет об археографической командировке на Печору 1958 г. // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 16. С. 513–521.

24. *Мальшев, 1961* — Мальшев В. И. Усть-цилемские рукописи XVII–XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 17. С. 561–604.

25. *Мальшев, 1962* — Мальшев В. И. Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII–XIX вв. // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 18. С. 442–457.

26. *Новиков, 2009* — Новиков А. В. Цилемский скит : исторический очерк. Архангельск: Поморский университет, 2009. 222 с. : [8] л. цв. ил., [1] л. вкл. карт.

27. *Памятники, 1989* — Памятники письменности в хранилищах Коми АССР : каталог-путеводитель / сост.: Т. Ф. Волкова (отв. сост.), А. А. Амосов, А. Н. Власов, Л. А. Петрова. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. Ч. 1. Вып. 1: Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета. 288 с.

28. *Петрова, 1989* — Петрова Л. А. Духовные стихи в усть-цилемской рукописной традиции // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар: б.и., 1989. С. 86–101.

29. *Савельев, 1997* — Савельев А. А. Книги кириллической печати с берегов Печоры в собрании научной библиотеки Санкт-Петербургского университета // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Т. Ф. Волкова. Сыктывкар, 1997. С. 66–85.

References

1. *Afanas'ev, Kaneva, 2023* — Afanas'ev A. V., Kaneva T. S. On the issue of northern old-believers kinoviyas: Tsilma skete. *Ryabininskie chteniya — 2023 : materialy IX konferencii po izucheniyu i aktualizacii tradicionnoj kul'tury Russkogo Severa (Petrozavodsk, sentyabr' 2023 g.)* [Ryabinin Readings — 2023 : proceedings of the IX Conference on the study and actualization of the traditional culture of the Russian North (Petrozavodsk, September 2023)]. Ed. by T. G. Ivanov. Petrozavodsk: Karel'skiji nauchnyi centr Rossiiskoi akademii nauk, 2023. Pp. 3–7. (In Russ.)

2. *Volkova, 1998* — Volkova T. F. “Dictionary of Pechora scribes” (tasks and problems of publication). *Mir staroobryadchestva : sb. nauch. trudov* [The World of Old Believers : collection of scientific works]. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1998. Issue 4. Living traditions: results and prospects of comprehensive research of Russian Old Believers. Pp. 116–122. (In Russ.)

3. *Volkova, 2010* — Volkova T. F. The Myandins — scribes, keepers and readers of the ancient book. *Vtorye Myandinskie chteniya : materialy vseros. nauch.-prakt. konferencii. 11–12 iyulya 2010 g., s. Ust'-Cil'ma : v 2 t.* [The second Myandin readings : materials of the All-Russian scientific and practical conference. July 11–12, 2010, Ust-Tsilma village : in 2 volumes]. Syktyvkar: Kola Publishing House LLC, 2010. Vol. 1. Pp. 86–98. (In Russ.)

4. *Volkova, 2014* — Volkova T. F. On the issue of peasant Old Believer book collections in the Lower Pechora: the Chuprov family. (Based on the materials of the Pechora Book Data-

base). *Vestnik Ekaterinburgskoj duhovnoj seminarii* [Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary]. 2014. Vol. 1 (7). Pp. 193–205. (In Russ.)

5. *Volkova, 2019a* — Volkova T. F. The scribes are Old Believers from the Pizhem family of the Bobretsovs. *Acta Neophilologica*. 2019. Vol. 21 (2). Pp. 243–252. (In Russ.)

6. *Volkova, 2019b* — Volkova T. F. The Old Believer scribes of the Ust-Tsilma region: the Mikheevs family. *Vestnik Syktyvkerskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk* [Bulletin of Syktyvkar university. Humanities series]. 2019. No 2 (10). Pp. 30–38. (In Russ.)

7. *Volkova, 2019c* — Volkova T. F. Scribes from the Pechora Palkins family. *Dvadcat' shestaya godichnaya sessiya Uchenogo soveta Syktyvkerskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Pitirima Sorokina: Fevral'skie chteniya, posvyashchennye 130-letiyu so dnya rozhdeniya P. A. Sorokina : sb. materialov nac. konferencii* [Twenty-sixth Annual Session of the Academic Council of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University: February readings devoted to the 130th anniversary of P. A. Sorokin's birth]. Syktyvkar, 2019. Pp. 18–23. (In Russ.)

8. *Volkova, 2019d* — Volkova T. F. The Potashovs peasants contribution to the preservation of Pechora manuscript and book tradition. *Ryabininskie chteniya — 2019 : materialy VIII konferencii po izucheniyu i aktualizacii tradicionnoj kul'tury Russkogo Severa* [Ryabininskie readings 2019: Proceedings of the 8th conference on the study and actualisation of the Russian North traditional culture]. Kizhi Museum-Reserve. Petrozavodsk, 2019. Pp. 500–502. (In Russ.)

9. *Volkova, 2019e* — Volkova T. F. The Khozyainovs Pechora Old Believers family in the book culture history of the Ust-Tsilma region. *Semnadcatyj Slavyanskij nauchnyj sobor «Ural. Pravoslavie. Kul'tura»*. *Mir slavyanskoj pis'mennosti i kul'tury v pravoslavii, sociogumanitarnom poznanii : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Seventeenth Slavic Scientific Council 'Ural. Orthodoxy. Culture'. The world of Slavic writing and culture in Orthodoxy, socio-humanitarian cognition : proceedings of the international scientific-practical conference]. Comp. O. V. Terekhova. Chelyabinsk, 2019. Pp. 222–228. (In Russ.)

10. *Volkova, 2019f* — Volkova T. F. The Ermolins-scribes: to the question of the creators and keepers of the Pechora manuscript tradition. *Yazyk, kniga i tradicionnaya kul'tura pozdnego russkogo srednevekov'ya v nauke, muzejnoj i bibliotechnoj rabote : trudy IV Mezhdunar. nauch. konferencii (Mir staroobryadchestva. Vyp. 10)* [Language, Book and Traditional Culture of the Late Russian Middle Ages in Science, Museum and library work : proceedings of the IV International Scientific Conference (The World of Old Believers. Issue 10)]. Comp. Y. S. Belyankin, E. V. Vorontsova, N. V. Litvina. Moscow: Publishing House of Moscow University, 2019. pp. 39-52 (Proceedings of the Faculty of History of Moscow State University: Issue XXX. Series II: Historical Research, XX). (In Russ.)

11. *Volkova, 2019g* — Volkova T. F. The Ostashovs from Pizhma and their contribution to the creation and preservation of the Pechora manuscript-book tradition. *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost' : materialy konferencii. 21–22 noyabrya 2019 g.* [Old Believers: History, Culture, Modernity : conference papers, 21–22 November 2019]. Moscow, 2019. Pp. 32–37. (In Russ.)

12. *Volkova, 2020* — Volkova T. F. The scribes from the Pechora Tiranovs family. *Acta Neophilologica. Ol'shtyn*. 2020. Vol. 2 (XXII). Pp. 235–245. (In Russ.)

13. *Volkova, 2021a* — Scribes from the Pechora Old Believer Kislyakov family. *Predstavleniya o proshlom v pamyatnikah pis'mennosti XVI–XX vv.* [Representations of the past in the monuments of writing of the 16th-20th centuries]. Ed. by A. H. Ehlert; Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Institute of History. Novosibirsk, 2021. 316 p. (Archaeography and Source Studies of Siberia; vol. 40). Pp. 99–115 (In Russ.)

14. Volkova, 2021b — Ust-Tsilma Toropovs and their contribution to the creation and preservation of the manuscript-book tradition of Ust-Tsilma. *Vestnik Syktyvkar'skogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk* [Bulletin of Syktyvkar university. Humanities series]. 2021. No 3. Pp. 24–33. (In Russ.)
15. Volkova, 2023a — Volkova T. F. Pechora peasants Churkins — owners and readers of old books. *Vestnik Syktyvkar'skogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk* [Bulletin of Syktyvkar university. Humanities series]. 2023. No 1–2. Pp. 49–61. (In Russ.)
16. Volkova, 2023b — Volkova T. F. To the reconstruction of the family book collection of the Ust-Tsilma peasants Bulygins. *Istoricheskij kur'er* [Historical Courier]. Novosibirsk, 2023. No 2 (28). Pp. 117–128. (In Russ.)
17. Volkova, 2024 — Volkova T. F. To the question of spiritual culture of the Lower Pechora peasants: scribes Vokuevs. *Dvadcat' vtoroj Slavyanskij nauchnyj sobor «Ural. Pravoslavie. Kul'tura»*. *Chelovek v gorizontah russkoj duhovnoj kul'tury: cennosti — smysly — praktiki sluzheniya Otechestvu : materialy vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* [The twenty-second Slavic Scientific Council "Ural. Orthodoxy. Culture". A man in the horizons of Russian spiritual culture: values — meanings — practices of service to the Fatherland : materials of the All-Russian scientific and practical conference with the International with participation]. Comp. I. N. Morozova. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Institute of Culture, 2024. Pp. 179–185. (In Russ.)
18. Volkova, Vokueva, 2019 — Volkova T. F., Vokueva T. D. Scribes from the Pechora Durkin family (based on the materials of the archives and the Pechora Knmizhnost data bank). *Vestnik Ekaterinburgskoj duhovnoj seminarii* [Bulletin of Ekaterinburg theological seminary]. 2019. No 4 (28). Pp. 258–268. (In Russ.)
19. Volkova, Dronova, 2024 — Volkova T. F., Dronova T. I. Scribes from the Ust-Tsilma Old Believer Family of the Babikovs. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education]. 2024. No 1. Pp. 102–116. (In Russ.)
20. Volkova, Meluhov, 2024 — Volkova T. F., Melihov M. V. Old Believer S. A. Nosov's contribution to the creation and preservation of the manuscript-book tradition on the Lower Pechora: Based on the materials of the database on the Pechora book tradition. *Arheografija i istochnikovedenie Sibiri* [Archaeography and historiography of Siberia]. Novosibirsk, 2024. No 1 (43). Pp. 261–272. (In Russ.)
21. Malyshev, 1949 — Malyshev V. I. Report on a business trip to the village of Ust-Tsilma Komi ASSR. *TODRL* [TODRL]. Moscow; L., 1949. Vol. 7. Pp. 469–480. (In Russ.)
22. Malyshev, 1960a — Malyshev V. I. *Ust-Tsilemskie rukopisnye sborniki XVI–XX vv.* [Ust-Tsilma manuscript collections of the 16th-20th centuries]. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1960. 215 p. (In Russ.)
23. Malyshev, 1960b. — Malyshev V. I. Report on an archaeological trip to Pechora in 1958. *TODRL* [TODRL]. Moscow; L., 1960. Vol. 16. Pp. 513–521. (In Russ.)
24. Malyshev, 1961 — Malyshev V. I. Ust-Tsilma manuscripts of the 17th–19th centuries of historical, literary and everyday content. *TODRL* [TODRL]. Moscow; L., 1961. Vol. 17. Pp. 561–604. (In Russ.)
25. Malyshev, 1962 — Malyshev V. I. Correspondence and business papers of the Ust-Tsilma peasants of the 18th-19th centuries *TODRL* [TODRL]. Moscow; L., 1962. Vol. 18. Pp. 442–457. (In Russ.)
26. Novikov, 2009 — Novikov A. V. *Cilemskij skit : istoricheskij ocherk* [Tsilemskii skit: historical review]. Archangelsk: Pomorsk university, 2009. 222 p. (In Russ.)

27. *Pamyatniki, 1989* — *Pamyatniki pis'mennosti v hranilishchah Komi ASSR : katalog-putevoditel'. Ch. 1. Rukopisnye knigi. Vyp. 1. Rukopisnye sobraniya Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Monuments of writing in the repositories of the Komi ASSR : a catalog guide. Part 1. Handwritten books. Issue 1. Handwritten collections of Syktyvkar State University]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1989. 288 p. (In Russ.)

28. *Petrova, 1989* — Petrova L. A. Sacred poems in the Ust-Tsilma manuscript tradition *Ustnye i pis'mennye tradicii v duhovnoi kul'ture Severa* [Oral and written traditions in spiritual culture of the North]. Syktyvkar, 1989. Pp. 86–101. (In Russ.)

29. *Savelyev, 1997* — Savelyev A. A. Books of Cyrillic printing from the banks of Pechora in the collection of the Scientific Library of St. Petersburg University. *Issledovaniya po istorii knizhnoj i tradicionnoj narodnoj kul'tury Severa : mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Research on the history of book and traditional folk culture of the North: interuniversity Sat. scientific tr.]. Rep. ed. T. F. Volkova. Syktyvkar, 1997. Pp. 66–85. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Волкова Татьяна Федоровна

Tatyana F. Volkova

доктор филологических наук, профессор
кафедры русской филологии, Сыктыв-
карский государственный
университет имени Питирима Сорокина

Doctor of Philology, Professor
of the Department of Russian Philology,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

167001, Россия, Сыктывкар,
Октябрьский пр., 55

55, Oktyabrskii Pr., Syktyvkar, 167001,
Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	15.11.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	17.11.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	20.11.2024

Научная статья / Article

УДК 94(47)084

<https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-3-18>

Д. Е. Максимов (1904–1987): портрет ученого и поэта на фоне эпохи

Сокурова Ольга Борисовна¹, Галиев Радмир Фадисович²

Институт истории СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия,

¹ sokurova_ob@mail.ru

² galiev.radmira.2003@mail.ru

Аннотация. В фокусе статьи — жизнь и творчество Д. Е. Максимова (1904–1987), выдающегося литературоведа, профессора ЛГУ, создателя научной школы по изучению культуры Серебряного века, заслужившего огромный авторитет в нашей стране и за

рубежом. В то же время его поэтическое творчество известно только в узких кругах и пока еще мало изучено. Д. Е. Максимов — современник, свидетель и участник событий почти всего двадцатого столетия. На основе архивных материалов, автобиографических свидетельств и воспоминаний коллег и учеников Д. Е. Максимова в статье реконструируется жизненный и профессиональный путь ученого. Авторы статьи являются представителями старшего и молодого поколения исследователей: О. Б. Сокурова — ученица Д. Е. Максимова, Р. Ф. Галиев — студент Института истории СПбГУ, который в своей научной работе занимается историей ленинградской культуры позднесоветского периода. Авторы уделяют особое внимание знаменитому Блоковскому семинару, действовавшему под руководством Д. Е. Максимова на филологическом факультете ЛГУ. Семинар оказал существенное влияние на становление и научный рост нескольких поколений ученых-гуманитариев, а также на творчество целого ряда ленинградских поэтов 1960–1980-х гг. В статье показана интегрирующая роль Д. Е. Максимова в научной и культурной жизни города и страны.

Ключевые слова: Дмитрий Максимов, Ленинградский университет, филология, Серебряный век, Блоковский семинар, ленинградская поэзия Бронзового века, самиздат, «вторая культура»

Для цитирования: Сокурова О. Б., Галиев Р. Ф. Д. Е. Максимов (1904–1987): портрет ученого и поэта на фоне эпохи // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2024. № 3. С. 18–33. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-3-18>

D. E. Maksimov (1904–1987): a portrait of a scientist and poet set against the time background

Olga B. Sokurova¹, Radmir F. Galiev²

St Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

¹ sokurova_ob@mail.ru

² galiev.radmir.2003@mail.ru

Abstract. *The article focuses on the life and work of D. E. Maksimov (1904–1987), the outstanding literary critic, professor of Leningrad State University, creator of the scientific school of studying the culture of the Silver Age, who is recognized as a great authority in Russia and abroad. At the same time, his creativity as a poet is known only in narrow circles and has not been studied yet. D. E. Maksimov was a contemporary, witness and participant in the events of the 20th century. D. E. Maksimov's life and professional path were reconstructed based on archival materials, autobiographical testimonies and memoirs of his colleagues and students. The authors of the article are representatives of the older and younger generation of researchers: O. B. Sokurova is D. E. Maksimov's student; R. F. Galiev is a graduate of the Institute of History of St. Petersburg University, who does a research on the history of Leningrad culture in the late Soviet period. Special attention is paid to the famous A. Block seminar, which used to function under D. E. Maximov's leadership at the Faculty of Philology of the Leningrad State University. It had a significant impact on the formation and scientific growth of several generations of humanities scientists, as well as on the work of a number of Leningrad poets of the 1960s and 1980s. The article shows the integrating role D. E. Maksimov played in the scientific and cultural life of the city and the country.*

Keywords: *Dmitrii Maksimov, Leningrad University, philology, Silver Age, seminar of Blok, Leningrad poetry of the Bronze Age, samizdat, "second culture"*

For citation. Sokurova O. B., Galiev R. F. D. E. Maksimov (1904–1987): a portrait of a scientist and poet set against the time background. *Vestnik Syktyvkarского universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*. 2024, 3: 18–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-3-18>

«Наука, поднятая до вершин культуры, становится поэзией...» [Лотман, 1986, с. 4]

Ю. М. Лотман

Дмитрий Евгеньевич Максимов (1904–1987) — крупнейший отечественный ученый-гуманитарий XX века, профессор филологического факультета Ленинградского государственного университета, член Союза писателей СССР. Он положил начало всестороннему теоретическому, историко-культурному и текстологическому изучению эпохи Серебряного века и был выдающимся педагогом, духовным и творческим наставником целого ряда ленинградских деятелей науки и культуры 1960–1980-х гг.

Огромный авторитет Дмитрия Евгеньевича, передача от учителя ученикам ценностных ориентиров легендарного прошлого были точно выражены современным поэтом Сергеем Георгиевичем Стратановским (род. 1944) в письме учителю: «...*Вы являетесь в моих глазах, наверное, в глазах многих Ваших учеников... связующим звеном между нами и культурой 1920-х гг., продолжившей предреволюционную русскую культуру*» [ОР РНБ. Ф. 1136, л. 1–2; Галиев, Пиперкова]. Д. Е. Максимов сам был носителем этой культуры. Даже в облике своем он нес отпечаток Серебряного века, с его холодноватым блеском, его тайной, его светотенью.

Главным поэтом его жизни был Александр Блок. В доверительных разговорах Максимов иногда признавался, что Блок далеко не во всем ему близок. Но, как представляется, он понимал Блока как никто другой. Его связывало с Блоком «благородство запоздалое» и абсолютная нравственная честность, даже в мелочах, тем более — в значительных жизненных и творческих темах.

Известно, что Дмитрий Евгеньевич лично знал некоторых представителей Серебряного века. Он общался с Андреем Белым на его даче в Подмоскowie [Максимов, 1986, с. 350–403], приводил однажды на семинар с юности знакомую с Блоком Надежду Павлович; переписывался с Борисом Пастернаком, дружил с Анной Ахматовой. Она жила с ним в одном, так называемом «писательском доме» на Петроградской стороне и частенько запросто заходила к Максимовым, причем обыкновенно сидела в удобном старинном кресле возле письменного стола, на которое Максимов, подчеркивая это обстоятельство, усаживал почетных гостей или отличившихся учеников. Кроме того, Анна Андреевна звонила,

когда ей нужно было посоветоваться по каким-нибудь важным для себя вопросам. Об одной из таких ситуаций, относящихся к 1965 г., вспоминает Людмила Александровна Иезуитова (1931–2008), крупнейший в нашей стране специалист по творчеству Леонида Андреева, которая в то время была аспиранткой Дмитрия Евгеньевича: *«Сижу в знаменитом кресле в кабинете Д. Е. на очередной “экзакуции”. Звонит Анна Андреевна. Получила из Оксфорда описание ритуала вручения мантии почетного доктора. Оказывается, нужно встать на колени перед английской королевой. Что делать? — Д. Е.: немедленно написать королеве, что она, Ахматова, этого не сделает: как это может королева русской поэзии (это поважнее, чем быть просто королевой Англии!) стать перед кем-либо на колени! Пусть ради Вас изменят ритуал»* [Иезуитова, 2007, с. 121].

Биография Д. Е. Максимова отражена в воспоминаниях современников, опубликованных в юбилейных сборниках [Лотман, 1986; Дмитрий Евгеньевич Максимов, 2007] и некоторых работах по специальным научным проблемам [Лавров, 2019, с. 224–238; Азадовский, Лавров, 1994, с. 583–591; Магомедова, 1988, с. 186–192; Саббатини, 2015, с. 197–212; Зыкова, Пенская, 2014, с. 34–47]. Однако осуществляемое в рамках настоящей статьи очередное обращение к многогранной и сложной личности выдающегося ученого представляется актуальным, тем более что в декабре 2024 г. исполняется 120 лет со дня его рождения. Поэтому считаем уместным воспроизвести краткую реконструкцию его жизненного пути и, наряду с этим, постараемся выявить его роль в науке и культуре своего времени.

Д. Е. Максимов, «последний царскосёл», родился в 1904 г. в семье экономиста, общественного деятеля, публициста и историка Евгения Дмитриевича Максимова (1858–1927). *«Побуждением интереса к литературной работе я обязан именно ему, а также моему старшему брату, писателю, литературоведу В. Евгеньеву-Максимову»,* — писал Дмитрий Евгеньевич в своей автобиографии [ЦГАЛИ СПб Ф. 371, л. 11]. Воспитанием занимался отец¹.

Затем юноша переехал в Петербург, где поступил в частную гимназию Я. Г. Гуревича на Лиговке. В годы учебы Д. Е. Максимов заинтересовался современной поэзией и литературоведением: *«В результате взаимодействия сближавшихся для меня, но не сливавшихся “науки” и “поэзии”, я окончательно решил продолжить свое образование на филологическом факультете Петроградского (вскоре он стал Ленинградским) университета...»* [Максимов, 1987, с. 169]. В это время и возник его интерес к Серебряному веку и ключевой фигуре этого периода — А. А. Блоку.

В 1920–1921 гг. Максимов, будучи добровольцем Красной армии, участвовал в обороне Петрограда во время наступления войск Н. Н. Юденича [ЦГАЛИ СПб, л. 4].

---

¹Л. А. Иезуитова в упомянутых выше воспоминаниях приводит замечательные выдержки из Дневника Е. Д. Максимова, хранящегося в РНБ, из которых видно, что он был глубоко верующим человеком, постоянно размышляющим с позиций христианской любви о судьбе России и русского народа, о духовном росте своих детей (см.: [Иезуитова, 2007, с. 113–115]).

После окончания гимназии он поступил в Петроградский / Ленинградский университет, на литературоведческое отделение факультета языкознания и материальной культуры (ныне филологический факультет СПбГУ). Учителями его были выдающиеся филологи Борис Михайлович Эйхенбаум (1886–1959), Борис Викторович Томашевский (1890–1957), Виктор Владимирович Виноградов (1895–1969), Разумник Васильевич Иванов-Разумник (1878–1946) [Дмитрий Евгеньевич Максимов, 2007, с. 7]. В автобиографии Д. Е. Максимова есть интересное замечание о разнообразном внешнем виде студенческой молодежи того времени (указывающем на ее социальный срез): *«Здесь были и студенты в обывательских пальто, в солдатских шинелях — только что демобилизованные, вернувшиеся со всех фронтов гражданской войны, и фигуры в меховых полушубках, в бескозырках, и архаические студенты в дореволюционных синих форменных фуражках...»* [Максимов, 1987, с. 169–170].

Во время обучения Максимов был слушателем литературно-лингвистического отделения факультета общественных наук, изучал историю культуры, литературы, поэтику, русскую историю [ЦГА СПб. Ф. Р. 7240, л. 8]. Он окончил университет в 1926 году. Тема его диплома, согласно автобиографическим данным, «Эстетические журналы конца XIX — начала XX в. как выразители отдельных течений русского символизма» [ЦГА СПб. Ф. Р-7240, л. 1]².

В 1927 г. Д. Е. Максимов начал трудиться в издательстве Академии наук СССР. Эту работу он считал скучной, но небесполезной для жизненного опыта. В дальнейшем в стенах той же Академии он стал членом Пушкинской, Лермонтовской, Блоковской комиссий [ЦГАЛИ СПб. Ф. 371, л. 11]. В 1930-х гг., как указано в автобиографии, ученый читал лекции в Институте литературы и языкознания и в Государственной академии искусствознания, а также в лектории Ленинградского горкома [ЦГАЛИ СПб. Ф. 371, л. 11]. Интересно, что в это время Д. Е. Максимов руководил литературно-творческим кружком (ЛИТО) [ЦГАЛИ СПб. Ф. 371, л. 11], подробной информации о котором, к сожалению, не сохранилось, а также был сотрудником журнала «Звезда» [ЦГАЛИ СПб. Ф. 371, л. 12]. Первая научная монография «Из прошлого русской журналистики» была опубликована литературоведом в 1930 г. в соавторстве с братом В. Е. Евгеньевым-Максимовым.

В 1933 г. был арестован; проходил по делу Р. В. Иванова-Разумника, ложно обвиненному в создании «народнической организации»; приговорен к 3 годам в Сибири и в августе отправлен в село Колпашево Нарымского округа. В марте 1934 г. был по ходатайству В. Д. Бонч-Бруевича освобожден из ссылки, вернулся в Ленинград [Азадовский, Лавров, 1994, с 584]³.

---

² В сборнике к 100-летию юбилею Максимова приводится другая формулировка темы: «“Северный вестник” и символисты».

³ См.: <https://www.персоналии-ленинградской-области.рф/ru/personalia/568> (дата обращения: 30.10.2024). Существуют непроверенные данные, что Максимов в 1935 г. находился на ссыльном поселении в Петрозаводске (<http://arch.iofe.center/showObject/61055717> (дата обращения: 30.10.2024)).

С 1938 г. Д. Е. Максимов начинает работать в Ленинградском университете на кафедре истории русской литературы. А перед началом Великой Отечественной войны им был создан Блоковский семинар. Это начинание было прервано войной, и деятельность семинара возобновилась через многие годы. В 1940 г. была опубликована монография Д. Е. Максимова «Поэзия В. Брюсова», на основе которой он защитил кандидатскую диссертацию.

В блокадном Ленинграде Д. Е. Максимов рыл окопы, участвовал в противовоздушной обороне города. Впоследствии он был награжден медалью «За оборону Ленинграда» [ЦГАЛИ СПб. Ф. 371, л. 12 об.]. Несмотря на тяжелые условия, ученый продолжал работу над статьями, участвовал в создании радиопередач. Пережитая трагедия войны отразилась и в поэтическом творчестве Д. Е. Максимова. В его стихах военного времени важнейшее место занимает тема душевных страданий, которые переданы в описании тяжелых будней блокады, когда смерть, при всей привычной для того времени простоте и обыденности, тем более страшно и сильно являет себя в детски непосредственном испуганном восприятии:

«...Не хватило тете каши,
И под шубой чуть дыша,
Мы увидели с Наташей,
Как рвалась ее душа [Карамов, 1982, с. 10]. <...>

Спустя годы души умерших продолжают светло и скорбно жить в душах живых:

И наши души
С таких утрат
Какие суши
Не озарят?» [Карамов, 1982, с. 11].

В июле 1942 г. Д. Е. Максимов уехал в эвакуацию в Иваново, где читал лекции по истории литературы, участвовал в работе госпиталя, писал письма на фронт [ЦГАЛИ СПб. Ф. 371, л. 15]. В 1944 г. ученый работал в Музее им. А. М. Горького в Татарской АССР.

После возвращения в Ленинград творческая и научная работа продолжалась. В этой связи хотелось бы отметить примечательное и достаточно ярко характеризующее Д. Е. Максимова событие, нашедшее отражение в его неопубликованных воспоминаниях, которые хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) [РО ИРЛИ РАН. Ф. 79].

Как известно, город Пушкин (бывшее Царское Село), малая родина Максимова, в годы блокады был оккупирован немецко-фашистскими захватчиками, и культурное наследие «города муз» подверглось варварскому уничтожению. Как вспоминал Максимов, «в Царском Селе находилась испанская “Голубая дивизия”, библиотеки были уничтожены нацистами» [РО ИРЛИ РАН. Ф. 79]. В Пушкине жил в то время упомянутый выше критик и литературовед, научный

руководитель Максимов Р. В. Иванов-Разумник. В своих воспоминаниях Д. Е. Максимов передает слова учителя, исполненные мужества и уверенности в победе в наиболее трагический, первый период Великой Отечественной войны: *«Не знаю, выживем ли мы, а Гитлер в этой войне сломает себе шею»* [РО ИРЛИ РАН. Ф. 79]. Судьба самого Иванова-Разумника в условиях оккупации складывалась тяжело, о чем можно судить по дневнику его знакомой Лидии Осиповой (1902–1958), вставшей в дальнейшем на сторону врага: *«Жизнь становится все ужаснее <...>. У Ивановых-Разумников положение хуже нашего. Они принципиально не хотят работать на немецкий паек...»* [Ломагин, 2002, с. 930], *«Погибла библиотека Разумника Васильевича <...>. А там было несколько тысяч томов, и все интереснейшие раритеты. Солдаты рвут и топчут, и топят печки ими. И там была его переписка с такими поэтами, как Вячеслав Иванов, Белый, Блок»* [Ломагин, 2002, с. 930]. Тем не менее, как оказалось впоследствии, погибла не вся библиотека ученого. В 1942 г. его семья была выслана в лагерь под Данцигом (ныне — Гданьск), и после освобождения на некоторое время переселилась в Литву. Р. В. Иванов-Разумник, видный деятель Серебряного века и носитель лучших традиций университетской науки, о котором Дмитрий Евгеньевич часто, с большим пиететом и каким-то внутренним глубоким пониманием вспоминал, скончался в 1946 г. в Мюнхене.

И вот в августе 1944 г. Максимов, вернувшись из эвакуации, будучи докторантом-«пушкидомцем», отправился в пустующую квартиру учителя, где нашел его архив, все-таки во многом сохранившийся. *«У моих ног лежало сокровище, и над ним нависала опасность уничтожения»* [РО ИРЛИ РАН. Ф. 79, л. 3], — отмечал в своих воспоминаниях Д. Е. Максимов. Тогда было решено остатки рукописей перенести в архивохранилище Пушкинского Дома. Именно благодаря тому, что героически «пришлось перетаскивать на спинах, в мешках» [РО ИРЛИ РАН. Ф. 79, л. 3] эту бесценную библиотеку, сохранились редкие рукописи деятелей культуры и искусства начала XX века, автографы А. Блока, черновик романа «Петербург» А. Белого, протоколы собраний Вольной философской ассоциации. Это была большая заслуга Д. Е. Максимова перед отечественной наукой [РО ИРЛИ РАН. Ф. 79. Оп. 2. Ед. хр. 84]⁴.

Упомянем еще одну выразительную страницу из биографии ученого. В 1944 г. Максимов попытался вступить в Союз писателей СССР, однако принять его, мягко говоря, не торопились, несмотря на то, что в разное время ему давали рекомендации Б. М. Эйхенбаум, Лидия Яковлевна Гинзбург (1902–1990), Корней Чуковский. Свой писательский билет Д. Е. Максимов получил лишь в 1958 г. Он был принят в Союз писателей как литературный критик и специалист по русской литературе XX в.

Круг научных интересов Д. Е. Максимова был связан с именами М. Ю. Лермонтова, В. Я. Брюсова, А. А. Блока, а также с историей русской культуры XIX–

---

⁴ Опубл.: Максимов Д. Е. Спасенный архив // Огонек. 1982. № 49. С. 19.

XX вв. Книга «Поэзия Лермонтова» (1959; 2-е изд. 1964) и статьи о нем стали основой докторской диссертации.

Высокую оценку монографии Максимова о творчестве Лермонтова дал Борис Пастернак. В одном из неопубликованных писем, адресованных Максимова, копию которого ученый передал одному из авторов настоящей статьи, он признавался: *«Я хочу <...> высказать удивление и благодарность по поводу Вашего Лермонтова, по поводу первых страниц статьи Вашей, где так метко и с такою силою, не в бровь, а в глаз, в самый нерв Вы определяете существо магнетической лермонтовской притягательности...»* [Пастернак]

Выдающийся культуролог и литературовед, глава Тартуской школы Юрий Михайлович Лотман (1922–1993), считавший Д. Е. Максимова своим учителем, дал его научным трудам следующую характеристику: *«В работах Д. Е. Максимова <...> чувствуется <...> историк, стоящий вне <...> эпохи и наблюдающий ее глазами мыслителя, вооруженного знанием последующего исторического опыта»* [Лотман, 1986, с 4].

Активный этап педагогической деятельности ученого связан с послевоенным временем. Известно, что сразу после «ленинградского дела», в 1949–1950 гг., на филологическом факультете в университете был отменен ряд курсов, в том числе по современной литературе. Но, несмотря на это, Д. Е. Максимов продолжал читать лекции и проводить занятия, посвященные поэтам начала XX в. *«Вы выстояли рубеж тогда, когда он был почти всеми покинут, и именно благодаря Вам возможно сегодняшнее бурное всемирное изучение русского символизма...»* [ОР РНБ. Ф. 1136, л. 1–1 об.]⁵, — так утверждал Ю. М. Лотман в письме Д. Е. Максимова от 20 октября 1986 г. Известный культуролог считал Максимова создателем русской науки о символизме и видел в этом его историческую заслугу.

Учебные планы спецкурсов и спецсеминаров Д. Е. Максимова, посвященных русской литературе XX в., которые он вел во второй половине 1950-х и в 1960-е гг., включали имена не только крупнейших советских писателей, таких, как М. Горький и В. Маяковский, но и лидеров русского символизма — В. Я. Брюсова, А. А. Блока, Ф. К. Сологуба. В программы было включено также изучение литературного наследия виднейших представителей Серебряного века, оказавшихся в эмиграции, — Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, В. И. Иванова, К. Д. Бальмонта [ОР РНБ Ф. 1136, л. 17], что было рискованным новаторством и отражало свободомыслие в научной и творческой среде эпохи «оттепели».

Как свидетельствует, например, одна из участниц Блоковского семинара Вера Викторовна Аствацатурова (род. 1947), *«можно было написать курсовую работу, в том числе и по Мандельштаму. Но уже с дипломной работой было сложнее. Ее надо было куда-то сдать, отчитаться. Желательно было предпо-*

---

⁵ Опубликовано: Из переписки Д. Е. Максимова с Ю. М. Лотманом и З. Г. Минц / подг. и комм. Б. Ф. Егорова // Звезда. 2004. № 12. С. 110–144.

честь кого-то другого, это было спокойнее, хотя Мандельштама [вроде бы] не запрещали...» [Галиев].

В 1960-е гг. шло активное сотрудничество участников Блоковского семинара и представителей так называемой Тартуской школы структурализма, возглавляемой Ю. М. Лотманом. Как считает Елена Андреевна Купман (1938–2013), геолог и поэтесса, дружившая со многими писателями и учеными того времени, «известная Тартуская школа и изучение литературы Серебряного века восходило именно к Блоковскому семинару» [Купман, 2016, с. 35].

Под руководством профессора Максимова защитили дипломы и диссертации будущие выдающиеся ученые: Л. А. Иезуитова, Ю. К. Герасимов (1923–2003), А. В. Лавров (род. 1949), С. С. Гречишкин (1948–2009), К. М. Азадовский (род. 1941), С. А. Лурье (1942–2015) и др. [ОР РНБ. Ф. 1136, л. 255]; под его научным руководством писали работы также талантливые поэты и писатели: С. Г. Стратановский, В. Б. Кривулин (1944–2001), Т. А. Калинина (род. 1948), К. М. Бутырин (1940–2016), Л. А. Ильюнина (род. 1957), Б. Ю. Улановская (1943–2005) и др.

Приведем лишь некоторые краткие отзывы о Максимове его учеников, опубликованные в сборнике к 100-летию юбилею.

Лариса Михайловна Солдатова: «В непростое время он сумел отстоять и сохранить внутреннюю свободу и глубокое внимательное отношение к людям. Он оставил в жизни многих и многих настолько глубокий след, что и по сей день <этот след> ощущается как его “присутствие”» [Дмитрий Евгеньевич Максимов, с. 163].

Дина Махмудовна Магомедова: «Главное для нас — унаследовать его преданность своему делу и отношение к литературоведению как духовной науке» [Дмитрий Евгеньевич Максимов, с. 4].

Петр Евгеньевич Бухаркин: «Русскую культуру он в себе нес и ее представлял. Он был философски мыслящим человеком, ориентировался на мир сущностей, а не явлений. Непрестанно шел по торному и трагическому пути» [Дмитрий Евгеньевич Максимов, с. 197].

Константин Маркович Азадовский: «Максимов стремился в Блоке увидеть главное: нравственную подоплеку его творчества. Каждая его книга глубоко продумана, выношена и вычитана. Для него были характерны бесконечные правки собственных текстов, творческое недовольство собой. Придет время, и наша литературоведческая наука, преодолев болезнь «интертекстуальных» изучений, обратится к методам, освоенным Максимовым в 1960-е — 1970-е годы, — к его пониманию текста как живого организма, мыслимого и постигаемого лишь в широком охвате — в “необозримом потоке человеческих знаний”» [Дмитрий Евгеньевич Максимов, с. 161].

Людмила Александровна Ильюнина: «Дмитрий Евгеньевич недаром написал статью о “пути Блока”, он сам всю жизнь был в пути, он искал, он не примирялся с буднями. “И не постигнешь Синего Ока, пока не станешь сам как стезя”, — любил он повторять слова Блока. А в конце дней он старался осмыслить всю свою жизнь и эпоху, в которую ему выпало жить» [Дмитрий Евгеньевич Максимов, с. 237].

Виктор Борисович Кривулин: «Общаясь с Дмитрием Евгеньевичем, я получил на всю жизнь колоссальный урок, значение которого до сих пор не утрачено. Дмитрий Евгеньевич как-то обронил фразу, ставшую впоследствии для меня решающей во всех жизненных ситуациях. Он сказал: “Вы должны выбрать: будете ли Вы писать стихи или заниматься филологией”. Вот это слово “выбор”, пожалуй, ключевое, любимое слово Дмитрия Евгеньевича, приобрело и научную модификацию, и человеческую. Ощущение собственной жизни как пути, ощущение литературы как пути, ощущение истории как пути, я думаю, что это, на самом деле, форма интеллигентской религиозности» [Дмитрий Евгеньевич Максимов, с. 156].

***

Отдельное место в биографии Д. Е. Максимова занимает его поэтическое наследие⁶. Свои стихи он писал под псевдонимами Иван Игнатов и Игнат Карамов. Писал, никогда не думая их публиковать, практически «в стол». Однако некоторые из них были опубликованы в самиздатских и «тамиздатских» журналах еще при жизни ученого. Наконец, в 1994 г., уже после смерти Дмитрия Евгеньевича, вышел сборник его стихов, составленный К. М. Азадовским и выпущенный издательским отделом языкового центра СПбГУ. Как считал сам Д. Е. Максимов, стихи не были главным делом его жизни [Топоров, 1989, с. 20].

Об этих стихах существуют неоднозначные отзывы известных филологов и в то же время близких знакомых автора. П. Е. Бухаркин, например, отмечал, что Максимов писал «угловатые и гротескные стихи», и видел в них своеобразное ответвление позднего авангарда. К. М. Азадовский признавался, что стихи Максимова часто «царапают» своей нарочитой инфантильностью, намеренным пренебрежением формой, «вымученным голосом подпольного человека». Он склонен согласиться с мнением Ахматовой, что это «неприятные стихи», хотя при этом нельзя забывать первые ее слова о них: «Самобытно и властно». Сам же автор стихов объяснял в своем весьма своеобразном «Письме Ахматовой на тот свет» [Максимов, 1988, с. 108–110], написанном после смерти поэтессы в 1966 г., что в его стихах честно отражена жизнь как она есть: «*в ее болезни, угловатости, в ее угрозах, корчах, ее неразрешенности, ее ущемлении*». Как поэт, Максимов принадлежал более поздней, чем Анна Андреевна, эпохе, с еще более явными

---

⁶ Среди заслуживающих внимания работ о поэзии Д. Е. Максимова можно назвать статьи его коллег и учеников: Хмельницкая Т. Ю. О лирике Ивана Игнатова. Послесловие // Д. Максимов. Стихи. СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1994. С. 161–170; Топоров В. Н. Стихи Ивана Игнатова. Представление читателю // Блоковский сборник, IX. Тарту: Тартуский университет, 1989. С. 22–43; Жаравина Л. В. Логос Петербурга: Д. Е. Максимов — поэт // Культура и история: актуальные проблемы теории и истории культуры : сб. ст. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 85–101; Крышук Н. П. Д. Е. Максимов: поэзия и проза // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников: к 100-летию со дня рождения. С. 131–145; а также представительницы младшего поколения филологов: Гарафутдинова Г. Р. Лирика Д. Е. Максимова. // Там же. С. 273–284.

признаками разрушения, абсурда и неблагополучия жизни, требующими иного звучания, новых образов и форм.

Л. А. Ильюнина, которая стала ученицей Максимова в последние годы его жизни, так вспоминает о первом впечатлении от его стихов: *«Я до сих пор помню этот миг, когда меня посетило чувство раскрывшейся чуждой души, то ниспосланное свыше мгновение, когда она стала до боли близкой и родной. И совсем по-другому стала восприниматься мною ирония Дмитрия Евгеньевича, которая была ему свойственна, его подчас едкие насмешки над кем-то и чем-то <...>. Все это — второстепенное, а главное — душа, которая выражается в стихах»* [Ильюнина, 2007, с. 237].

В самом деле, именно эти странные, часто удивлявшие самого автора и его читателей поэтические опыты отразили и душевный склад, и духовно-эстетические поиски Максимова. Стихи позволили с еще одной важной стороны приблизиться к тайне его личности. Л. В. Жаравина, размышляя о Логосе Петербурга в поэзии Максимова и сделав ряд точных и тонких наблюдений, увидела в его стихах *«обращенность души поэта к другим через эмоции жалости и сострадания»*. Т. Ю. Хмельницкая отмечала, что наиболее часто употребляемые в его поэзии эпитеты — *«милая», «бедная»*. В найденных им своеобразных, запоминающихся образах (например, *«седые глаза», «он уходил со всех сторон», «лампа исподлобья вперилась в сердце»*) присутствовала одинокая, чуткая, страдающая «Душа в городе», как названо одно из лучших стихотворений его посмертного сборника. Приведем некоторые фрагменты этого стихотворения:

Когда в свой город зачумленный
Она спускалась с вышины,
За ней влачился истомленный,
Бессонный лик ее вины.
И довременные каналы,
И глуби серые дворов
Уже готовили капканы
И ей сулили свой улов.

.....

И не спросившему сказала:
«О, сон кривой! О, ночи жало!
Я от тебя утаена,
Я позабыла имена.
Но этот дикий город любит
Меня. И совесть вниз ведет
И мне Фонтанка песнь поет —
Небытие мое голубит».
И шла согбенная душа,
По темным улицам шурша.

В своем стремление первородном
На дальний зов путем Обводным [Максимов, 1994, с. 70].

Перед нами — необычный подвижный ракурс в узнаваемой топографии Петербургского текста. Страница-Душа нисходит в город с вышины и уходит, согнувшись под грузом совести, вниз, в глубину дворов-колодцев, на дно темных вод Фонтанки, в убаюкивающее забвение небытия. Но здесь нет остановки, нет конца: трудным, непрямым — «обводным»! — **путём** душа все же движется «в своем стремление первородном», ибо душа в своем первородстве — Божье творение, и не может не стремиться на призывный «дальний зов». Точно так же и душа Александра Блока во многих его циклах не могла забыть, при всех своих блужданиях в «страшном мире» города, о «дальнем берегу» изначально высокого нездешнего призвания.

Таким образом, при всей оригинальности своей поэзии и поэтики, совершенно не похожей на музыкальный строй блоковской музыки, Максимов на духовном *содержательном* уровне все же встречался с главным героем своих научных книг.

***

Значительная роль Д. Е. Максимова в прокладывании пути от Серебряного века культуры к ее Бронзовому периоду 1960-х — 1980-х гг. была отмечена и в ученой, и в художественной среде. Но все же эта роль, как представляется, пока далеко не в полной мере осознана и оценена. Научная, педагогическая деятельность Д. Е. Максимова, его поэтическое творчество как разные ипостаси единой уникальной личности, а также его не только интеллектуальное, но и нравственное влияние на окружающих людей, и прежде всего университетскую молодежь, еще ждут дальнейших исследований, глубокого осмысления и благодарного отклика.

Список сокращений

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
РО ИРЛИ РАН — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.
ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.
ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга.

Список источников

1. *Азадовский, Лавров, 1994* — Азадовский К. М., Лавров А. В. Памяти Д. Е. Максимова // Литературное наследство. М.: Наука, 1994. Т. 98. С. 583–591.
2. *Галиев* — Галиев Р. Ф. Интервью с В. В. Аствацатуровой от 23.05.2024 // «Говорят физики и лирики...» [Электронный ресурс]. URL: <https://oralhistory.spbu.ru/respondents/astvacaturova-vera-viktorovna> (дата обращения: 01.10.2024).

3. *Галиев, Пиперкова* — Галиев Р. Ф., Пиперкова С. Е. Интервью с С. Г. Стратановским от 28.02.2024 // «Говорят физики и лирики...» [Электронный ресурс]. URL: <https://oralhistory.spbu.ru/respondents/stratanovskij-sergej-georgievic> (дата обращения: 01.10.2024).

4. *Дмитрий Евгеньевич Максимов, 2007* — Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников: к 100-летию со дня рождения / отв. ред. Л. А. Иезуитова, И. С. Приходько. М.: Наука, 2007. 438 с.

5. *Жаравина, 2004* — Жаравина Л. В. Логос Петербурга: Д. Е. Максимов — поэт // Культура и история: актуальные проблемы теории и истории культуры : сб. ст. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 85–101.

6. *Зыкова, Пенская, 2024* — Зыкова Г. В., Пенская Е. Н. Д. Е. Максимов в переписке с А. И. Журавлевой: документы к истории лермонтоведения второй половины XX века // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2014. № 6. С. 34–47.

7. *Из переписки, 2004* — Из переписки Д. Е. Максимова с Ю. М. Лотманом и З. Г. Минц / подг. и комм. Б. Ф. Егорова // Звезда. 2004. № 12. С. 110–144.

8. *Иезуитова, 2007* — Иезуитова Л. А. Наброски к портрету Дмитрия Евгеньевича Максимова // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников: к 100-летию со дня рождения / отв. ред. Л. А. Иезуитова, И. С. Приходько. М.: Наука, 2007. С. 112–125.

9. *Ильюнина, 2007* — Ильюнина Л. А. «...Пока не станешь сам как стезя» // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников: к 100-летию со дня рождения / отв. ред. Л. А. Иезуитова, И. С. Приходько. М.: Наука, 2007. С. 233–241.

10. *Карамов, 1982* — Карамов И. Стихи. Lausanne : L'Age d'Homme, 1982. 79 с.

11. *Купман, 2016* — Купман Е. Ближний подступ к легенде. СПб.: Журнал «Звезда», 2016. 432 с.

12. *ОР РНБ* — ОР РНБ. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 54.

13. *ОР РНБ* — ОР РНБ. Ф. 1136. Оп. 2. Д. 28.

14. *ОР РНБ* — ОР РНБ. Ф. 1136. Оп. 2. Д. 602.

15. *ОР РНБ* — ОР РНБ. Ф. 1136. Оп. 3. Д. 73.

16. *ОР РНБ* — ОР РНБ. Ф. 1136. Оп. 3. Д. 82.

17. *Лавров, 2019* — Лавров А. В. Д. Е. Максимов // Вопросы литературы. 2019. № 1. С. 224–238.

18. *Ломагин, 2002* — Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. СПб.: Нева; М.: Олма-Пресс, 2002. 960 с.

19. *Лотман, 1986* — Лотман Ю. М. О поэзии науки (к 80-летию Дмитрия Евгеньевича Максимова) // Блоковский сборник. VII. Тарту: Тартусский университет, 1986. С. 3–6.

20. *Магомедова, 1988* — Магомедова Д. М. На страже духа и культуры... (Д. Е. Максимов — исследователь русской литературы XX в.) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1988. Т. 47. № 2. С. 186–192.

21. *Максимов, 1987* — Максимов Д. Е. О себе // Факт, домысел, вымысел в литературе. Иваново: ИГУ, 1987. С. 165–174.

22. *Максимов, 1988* — Максимов Д. Е. Письмо А. А. Ахматовой на тот свет / подг. и публ. К. М. Азадовского // Литературное обозрение. 1988. № 4. С. 108–110.

23. *Максимов, 1982* — Максимов Д. Е. Спасенный архив // Огонек. 1982. № 49. С. 19.

24. *Максимов, 1994* — Максимов Д. Стихи / сост. и вступ. ст. К. М. Азадовского; подг. текстов Д. М. Поцепни. СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1994. 174 с.

25. *РО ИРЛИ РАН* — РО ИРЛИ РАН. Ф. 79. Оп. 2. Д. 84.

26. *Пастернак* — Пастернак Б. Л. Письмо Дмитрию Евгеньевичу Максиму от 25 октября 1957 г. // Личный архив О. Б. Сокуровой.

27. *Саббатини, 2015* — Саббатини М. Дмитрий Максимов — самосознание и путь филолога-поэта в контексте советской идеологии // *Toronto Slavic Quarterly*. 2015. № 53. С. 197–212.

28. *Топоров, 1989* — Топоров В. Н. Об одном письме к А. А. Ахматовой // Ахматовский сборник. Париж: Институт славянских исследований, 1989. № 1. С. 13–32.

29. *Топоров, 1989* — Топоров В. Н. Стихи Ивана Игнатова. Представление читателю // Блоковский сборник, IX. Тарту: Тартуский университет, 1989. С. 22–43.

30. *ЦГА СПб* — ЦГА СПб. Ф. Р. 7240. Оп. 7. Д. 1516.

31. *ЦГАЛИ СПб* — ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 2. Д. 128.

32. *ЦГАЛИ СПб* — ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 3. Д. 372.

33. *Электронный архив* — Электронный архив научно-информационного центра «Фонд Иофе». URL: <http://arch.iofe.center/showObject/61055717> (дата обращения: 30.10.2024).

34. *Имена на карте* — Имена на карте Ленинградской области [Электронный ресурс]. URL: <https://www.персоналии-ленинградской-области.рф/ru/personalia/568> (дата обращения: 30.10.2024).

References

1. *Azadovskii, Lavrov, 1994* — Azadovskii K. M., Lavrov A. V. *Pamyati D. E. Maksimova. Literaturnoe nasledstvo* [In memory of D. E. Maksimov. Literature heritage]. Moscow: Nauka, 1994. Vol. 98. Pp. 583–591. (In Russ.)

2. *Galiev* — Galiev R. F. Interview with V. V. Astvatsaturova on 23.05.2024 “Govoryat fiziki i liriki...” [“Physicists and lyricists speak...”]. Available at: <https://oralhistory.spbu.ru/respondents/astvatsaturova-vera-viktorovna> (accessed: 01.10.2024). (In Russ.)

3. *Galiev, Piperkova* — Galiev R. F., Piperkova S. E. Interview with S. G. Stratanovskii on 28.02.2024. “Govoryat fiziki i liriki...” [“Physicists and lyricists speak...”]. Available at: <https://oralhistory.spbu.ru/respondents/stratanovskij-sergej-georgievic> (accessed: 01.10.2024). (In Russ.)

4. *Iezuitova, Prihod'ko, 2007* — Iezuitova L. A., Prihod'ko I. S. *Dmitrii Evgen'evich Maksimov v pamyati druzej, kolleg, uchenikov: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya* [Dmitrii Evgenievich Maksimov in his friends, colleagues and students memories: to 100th anniversary]. Moscow: Nauka, 2007. 438 p. (In Russ.)

5. *Zharavina, 2004* — Zharavina L. V. Pteresburg Logos: D. E. Maksimov — the poet. *Kul'tura i istoriya: aktual'nye problemy teorii i istorii kul'tury : sb. st. SPb: SPbGU* [Culture and history : relevant issues of culture theory and history. St Petersburg University]. 2004. Pp. 85–101. (In Russ.)

6. *Zykova, Penskaya, 2024* — Zykova G. V., Penskaya E. N. D. E. Maksimov in Correspondence with A. I. Zhuravlyova: Papers for the History of Lermontov Studies in the Second Half of the XX Century. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology]. 2014. No 6. Pp. 34–47. (In Russ.)

7. *From the correspondence* — From the correspondence by D. E. Maksimov with Yu. M. Lotman and Z. G. Mints / compiled and commented by B. F. Egorova. *Zvezda* [Star]. 2004. No 12. Pp. 110–144. (In Russ.)

8. *Iezuitova, 2007* — Iezuitova L. A. Sketches to Dmitrii Evgenievich Maksimov's portrait. *Dmitrii Evgen'evich Maksimov v pamyati druzej, kolleg, uchenikov: k 100-letiyu so dnya*

rozheniya. [Dmitrii Evgenievich Maksimov in his friends, colleagues and students memories: to 100th anniversary]. Ed. L. A. Jesuitova, I. S. Prikhodko. Moscow: Nauka, 2007. Pp.112–125. (In Russ.)

9. *Il'yunina, 2007* — Il'yunina L. A. «...Until you become like a path yourself» *Dmitrii Evgen'evich Maksimov v pamyati druzhej, kolleg, uchenikov: k 100-letiyu so dnya rozheniya*. [Dmitrii Evgenievich Maksimov in his friends, colleagues and students memories: to 100th anniversary]. Ed. L. A. Jesuitova, I. S. Prikhodko. Moscow: Nauka, 2007. Pp. 233–241. (In Russ.)

10. *Karamov, 1982* — Karamov I. *Stihi* [Poems]. Lausanne: L'Age d'Homme, 1982. 79 p. (In Russ.)

11. *Kupman, 2016* — Kupman E. *Blizhnii podstup k legende* [Close access to the legend]. SPb.: Zhurnal “Zvezda” Ltd., 2016. 432 p. (In Russ.)

12. *OR RNB — OR RNB* [OR RNB]. F. 1136. Op. 1. D. 54. (In Russ.)

13. *OR RNB — OR RNB* [OR RNB]. F. 1136. Op. 2. D. 28. (In Russ.)

14. *OR RNB — OR RNB* [OR RNB]. F. 1136. Op. 2. D. 602. (In Russ.)

15. *OR RNB — OR RNB* [OR RNB]. F. 1136. Op. 3. D. 73. (In Russ.)

16. *OR RNB — OR RNB* [OR RNB]. F. 1136. Op. 3. D. 82. (In Russ.)

17. *Lavrov, 2029* — Lavrov A. V. D. E. Maksimov. *Voprosy literatury* [Literature issues]. 2019. No 1. Pp. 224–238. (In Russ.)

18. *Lomagin, 2002* — Lomagin N. A. *Neizvestnaya blokada* [Unknown blockade]. SPb.: Neva; M.: Olma-Press, 2002. 960 p. (In Russ.)

19. *Lotman, 1986* — Lotman Yu. M. About science poetry (to Dmitrii Evgenievich Maksimov 80th birthday). *Blokovskii sbornik. VII* [Block collection. VII]. Tartu: Tartu university, 1986. Pp. 3–6. (In Russ.)

20. *Magomedova, 1988* — Magomedova D. M. On the guards of the spirit and culture... (D. E. Maximov — researcher of Russian literature of the 20th century). *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Izvestiya AN SSSR. Series literature and language]. 1988. Vol. 47. No 2. Pp. 186–192. (In Russ.)

21. *Maksimov, 1987* — Maksimov D. E. About myself. *Fakt, domysel, vymysel v literature* [Fact, speculation, fiction in literature]. Ivanovo: IGU, 1987. Pp. 165–174. (In Russ.)

22. *Maksimov, 1988* — Maksimov D. E. Letter to A. A. Ahmatova to the other world / prepared and published by K. M. Azadovskii. *Literaturnoe obozrenie* [Literature review]. 1988. No 4. Pp. 108–110. (In Russ.)

23. *Maksimov, 1982* — Maksimov D. E. Salvaged archive. *Ogonyok* [A light]. 1982. No 49. P. 19. (In Russ.)

24. *Maksimov, 1994* — Maximov D. *Stihi* [Poems]. Comp. and the introductory article by K. M. Azadovsky; subg. texts by D. M. Pontsepni. St. Petersburg: St. Petersburg State University Language Center, 1994. 174 p. (In Russ.)

25. *RO IRLI RAN — RO IRLI RAN* [RO IRLI RAN]. F. 79. Op. 2. D. 84. (In Russ.)

26. *Pasternak* — Pasternak B. L. Letter to Dmitrii Evgenievich Maksimov dated 25 October 1957. *Lichnyj arhiv O. B. Sokurovoj* [O. B. Sokurova personal archive]. (In Russ.)

27. *Sabbatini, 2015* — Sabbatini M. Dmitrii Maksimov — self-consciousness and philologist-poet's way in the Soviet ideology context. *Toronto Slavic Quarterly*. 2015. No 53. Pp. 197–212. (In Russ.)

28. *Toporov, 1989* — Toporov V. N. About one letter to A. A. Ahmatova. *Ahmatovskij sbornik* [Ahmatova collection]. Paris: Institut slavyanskih issledovanij, 1989. No 1. Pp. 13–32. (In Russ.)

29. *Toporov, 1989* — Toporov V. N. Ivan Ignatov's poems. Introducing to the reader. *Blokovskii sbornik. IX* [Block collection. IX]. Tartu: Tartu university, 1989. Pp. 22–43. (In Russ.)

30. *CGA SPb* — *CGA SPb* [CGA SPb]. F. R.7240. Op. 7. D. 1516. (In Russ.)

31. *CGALI SPb* — *CGALI SPb* [CGALI SPb]. F. 371. Op. 2. D. 128. (In Russ.)

32. *CGALI SPb* — *CGALI SPb* [CGALI SPb]. F. 371. Op. 3. D. 372. (In Russ.)

33. *Site of archive* — *Elektronnyj arhiv nauchno-informacionnogo centra «Fond Iofe»* [Site of archive “Fond Iofe”]. Available at: <http://arch.iofe.center/showObject/61055717> (accessed: 30.10.2024). (In Russ.)

34. *Electronic catalogue* — *Imena na karte Leningradskoj oblasti* [Names on the map of the Leningrad region] [Electronic resource]. Available at: <https://www.personalii-leningradskoj-oblasti.rf/ru/personalia/568> (accessed: 30.10.2024). (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Сокурова Ольга Борисовна

доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры СПбГУ, член Союза театральных деятелей РФ
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

199034, Россия, Санкт-Петербург,
наб. Макарова, 4

Olga B. Sokurova

Doctor of Cultural Studies, Candidate of Art History, Associate Professor of the Department of History of Western European and Russian Culture St Petersburg University
Member of the Union of Theatre Workers of the Russian Federation
Institute of Russian Literature (Pushkin House)

4, nab. Makarova, St. Petersburg, 199034,
Russia

Галиев Радмир Фадисович

студент IV курса бакалавриата Института истории СПбГУ

199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7/9.

Radmir F. Galiev

A fourth-year Bachelor student
Institute of History St. Petersburg University

7/9, University embankment, St. Petersburg,
199034, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	15.10.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	17.10.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	19.10.2024

**Кафедра духовной свободы: Н. Н. Пунин, Л. П. Карсавин
и их ученики в Абезьском лагере**

Ольга Борисовна Сокурова

Институт истории СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия?
sokurova_ob@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются судьбы выдающихся ученых — религиозного философа Л. П. Карсавина и искусствоведа Н. Н. Пунина, находившихся в конце 1940-х — начале 1950-х гг. в лагере особого назначения в Абези (Коми АССР), предназначенном для стариков и инвалидов. На основе воспоминаний А. А. Ванеева и Ю. К. Герасимова, проходивших в лагере под руководством знаменитых профессоров свои «университеты», а также других источников и научных исследований в статье воссоздана бытовая обстановка и духовная атмосфера, окружавшая тесный круг этих людей, близких друг другу по интеллектуальным интересам и внутренним запросам. Приводятся портретные характеристики ученых, даны примеры богословских, философских, искусствоведческих диспутов, которые помогали непрестанно развиваться, «жить и оставаться людьми» в трудных лагерных условиях.*

***Ключевые слова:** Абезь, лагерь особого назначения, больничный стационар, Л. П. Карсавин, Н. Н. Пунин, А. А. Ванеев, Ю. К. Герасимов, опыт духовного сопротивления*

***Для цитирования.** Сокурова О. Б. Кафедра духовной свободы: Н. Н. Пунин, Л. П. Карсавин и их ученики в Абезьском лагере // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2024. № 3. С. 34–52. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-3-34>*

**Cathedral of spiritual freedom: H. N. Punin, L. P. Karsavin
and his students in the Abez camp**

Olga B. Sokurova

St Petersburg University, Saint Petersburg, Russia,
sokurova_ob@mail.ru

***Abstract.** The article examines the fate of outstanding scientists — religious philosopher L. P. Karsavin and art historian N. N. Punin, who were in the late 1940s — early 1950s in a special-purpose camp in Abezi (Komi ASSR), intended for the elderly and disabled. Based on the memoirs of A. A. Vaneev and Yu. K. Gerasimov, who held their "universities" in the camp under the guidance of famous professors, as well as other sources and scientific research, the author of the article recreates the household environment and the spiritual atmosphere surrounding a small circle of these people, close to each other in intellectual interests and internal*

needs. There are portrait characteristics in this article, and examples of theological, philosophical, and art history debates are given there, which helped to constantly develop, "live and remain human" in difficult camp conditions.

Keywords: *Abez, Special purpose camp, hospital, L. P. Karsavin, N. P. Punin, A. A. Vaneev, Y. K. Gerasimov, experience of spiritual resistance*

For citation: Sokurova O. B. Cathedral of spiritual freedom: H. N. Punin, L. P. Karsavin and his students in the Abez camp. *Vestnik Syktyvkarskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series.* 2024, 3: 34–52. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-3-34>

Недалеко от Северного полярного круга, в Республике Коми, находится небольшой железнодорожный поселок Абезь. В 1940-е гг. на его территории был создан лагерь особого назначения для заключенных, которые по старости или болезням не были способны выполнять тяжелые физические работы в каменноугольных шахтах Инты и других лагерях Крайнего Севера.

К концу 1940-х гг. сюда было собрано много людей из других мест заключения, осужденных по разным поводам, как обоснованным (бандеровцы, пленные немцы, агенты иностранных разведок, уголовники), так и по политическим делам, зачастую сфабрикованным. А сроки для «политических» были немалые — не менее 8–10 лет, и пожилые люди с серьезными болезнями особо не рассчитывали выйти отсюда на свободу.

Прибывшие на новое место отбывания наказания, как правило, начинали искать земляков или людей с близкими взглядами и интересами.

И получилось так, что к 1950 г. в Абези собрался небольшой круг людей, интеллектуально и художественно одаренных, связанных в разные периоды жизни с Ленинградом и Ленинградским университетом. Среди них были два выдающихся ученых: Лев Платонович Карсавин (1882–1952) и Николай Николаевич Пунин (1888–1953).

Л. П. Карсавин — религиозный философ Серебряного века, всю жизнь глубоко и нетривиально размышлявший о метафизике всеединства, историк-медиевист, писавший монументальные научные труды о религиозной жизни средневековой Италии, автор концепции «симфонической личности». Он был экстраординарным профессором Петербургского, затем Петроградского университета. В 1922 г. выслан из страны Советов вместе с Н. А. Бердяевым, Н. С. Трубецким, С. Л. Франком, Б. В. Вышеславцевым, С. Н. Булгаковым и другими отечественными мыслителями на знаменитом Философском пароходе. В эмиграции стал одним из главных идеологов евразийства. В 1927 г. переехал из Парижа в Литву, преподавал в Каунасе, перед войной вместе с университетом оказался в Вильно. После войны ему было запрещено преподавать в советской Литве, и на некоторое время он стал директором местного Художественного музея. В 1949 г. последовал арест (см.: [Веттер, 1990]). Карсавин был обвинен в руководстве «белоэмигрантской организацией “Евразия”» (хотя к тому времени он уже не являлся участником этого движения). Приговор — 10 лет лишения свобо-

ды. Во время следствия Карсавин заболел туберкулезом, поэтому после прибытия в Абезь осенью 1950 г. был помещен в стационар лагерной больницы.

В тот же стационар из основного лагерного барака был на время перемещен Н. Н. Пунин, профессор-искусствовед из Ленинграда. В широких кругах он был известен как второй муж Анны Ахматовой. В узких профессиональных кругах его ценили за энциклопедически разносторонние и глубокие знания в разных областях искусства (см.: [Пунин, 1976, 2000]). Он был знатоком византийской и древнерусской иконописи, изучал искусство Возрождения, интересовался японской гравюрой; еще в 1910-е гг. увлекся авангардом и организовал в Русском музее отделение новейших течений (см.: [Пунин, 1927]); заведовал художественной частью Фарфорового завода. Как и Карсавин, Пунин в юности окончил Петербургский университет; в 1930-х — 1940-х гг. преподавал в *alma mater* и одновременно читал лекции в Академии художеств — те, кто у него учился, говорили, что эти лекции были незабываемыми.

Пунин трижды был арестован. В 1921 г. — по надуманному и благополучно развалившемуся делу об участии в Петроградской боевой организации; тогда он провел в тюрьме месяц. В 1935 г., по другому ложному обвинению, его держали и допрашивали около двух недель. Но в конце 1940-х гг. положение оказалось более серьезным: Пунин вынужден был уйти из Академии художеств и университета в связи с развернувшейся кампанией борьбы против формализма и космополитизма. Последующий вслед за тем арест и суровый приговор на 10 лет лишения свободы Пунин связывал, тем не менее, не с «формализмом», а со своей неосторожностью в высказываниях. Так, например, на лекции в Ленинградском университете, говоря о классовой идейности в искусстве, он пообещал: «Ничего, татарское нашествие пережили, и это переживем». Подобные остроты профессора бдительно фиксировались и доносились «куда надо».

О причинах своего пребывания в Абези Пунин поведал молодому товарищу по несчастью Анатолию Анатольевичу Ванееву, так как знал, что ему можно доверять. К тому же несомненное преимущество «нынешнего положения» Пунин видел в том, что «здесь особой осмотрительности в словах не требовалось. Каждый говорил что хотел и как хотел» [Ванеев, 1990, с. 36]. Перед нами — парадоксальный вывод о том, что в тюрьме в некоторых отношениях свободнее, чем на воле...

А. А. Ванеев (1922–1985) оставил драгоценные воспоминания об Абезьском лагере, об интереснейших разговорах с Н. Н. Пуниным и, главное, о своем учителе Л. П. Карсавине, знакомство с которым произвело в его внутреннем мире настоящий и благотворный переворот [Ванеев, 1988, 1990]. Его дед, Анатолий Александрович Ванеев, был соратником и другом В. И. Ленина, одним из руководителей Союза борьбы за освобождение рабочего класса. Умер в ссылке. В семье чттили его память и разделяли марксистско-ленинское мировоззрение. Отец Ванеева, его двойной тезка, являлся ведущим инженером Петроградской радиотехнической лаборатории, ездил на стажировку в Америку, был убежденным атеистом. Анатолий Ванеев, получив в 1939 г. аттестат с отличием, без сдачи эк-

заменов поступил на химический факультет ЛГУ. В 1941 г., как и отец, он ушел на фронт. Через некоторое время отец был объявлен пропавшим без вести, а потом выяснилось, что погиб. Сам Ванеев в 1943 г. получил тяжелое ранение в ногу, осложненное остеомиелитом. После демобилизации преподавал физику в школе № 32 г. Ленинграда, много читал, пробовал писать стихи и прозу. В 1944 г. поступил в студию начинающего автора при Доме писателей им. Маяковского. Студией руководил писатель Борис Дмитриевич Четвериков. Он неожиданно был арестован в 1945 г., а вслед за ним — и его студийцы. Анатолий Ванеев был обвинен как участник конспиративной группы, намеревавшейся ни много ни мало «уничтожить партийную советскую литературу». В следственной тюрьме на Шпалерной, в ожидании приговора, он написал стихи и послал их матери (цит. по: [Шаронов 2023а, с. 102]):

Время земное измерено
Суток пустыми кругами.
Меж 4-х стен затерянный
Меряю время шагами.
Мысли дорогой таинственной
Стены презрев — свободны ...
Я обладаю единственный —
Этой свободой... бесплодной.

Здесь зафиксирован важный экзистенциальный опыт: мысль человека свободна, перед ней бессильны «презренные стены» тюрьмы, но плодов этой мысли и этой свободы, даже на грани жизни и смерти, не видно. И время, измеренное шагами в одиночной камере, осталось «пустым».

Ему дали 10 лет. Сначала работал в исправительно-трудовых лагерях Архангельской области, затем из-за больной ноги был направлен в Абезьский инвалидный лагерь, где и встретился с Л. П. Карсавиным. Но незадолго до этой встречи, будучи несправедливо посаженным на несколько суток в карцер, Ванеев вновь зафиксировал в душе бесплодное отбывание времени в крошечном помещении, в котором днем можно было только стоять или сидеть на холодном полу. И он вновь оказался «наедине со своей пустотой».

А ведь он очень много читал (этому способствовала ограниченная трудовая деятельность из-за больной ноги), проявлял, по собственным словам, готовность «с радостью учиться». «Ванеев постоянно углублял свое знание немецкого языка, изучил латынь, французский, читал книги по теории литературы и музыки, истории древнего мира, мировой живописи, архитектуры, греческой мифологии, периодически погружался в работы мыслителей Средневековья и Просвещения <...> За время своего заключения до встречи с Карсавиным он основательно проштудировал фундаментальные учебники логики, высшей математики, проективной геометрии, физики, химии и астрономии, овладел стенографией и нотной грамотой, научился играть на мандолине, сочинял стихи к авторским романсам и

т. д.» [Шаронов, 2023а, с. 106]. В лагерной скудной библиотеке, конечно, не было всех интетресующих его книг. Их на последние деньги покупала и присылала мать, Фелицата Александровна. Он это понимал и запрашивал только самое качественное и нужное. Но в то же время сознавал, что пока не достиг чего-то главного, жизненно важного.

После карцера, в результате физического и морального истощения, Ванеев попал в больничный стационар. Здесь произошло его знакомство с Карсавиным. Его заинтересовал разговор ученого с соседом по палате о сущностном единстве каждой личности во множестве ее разнообразных проявлений. Ее непрерывное самораскрытие в земной жизни неизбежно проходит, по словам Карсавина, через истощенность, прерыв — через смерть, после чего личность находит себя заново, в новом моменте, в новой реализации как то же самое «я», и тем самым через прерыв являет непрерывность в своем воскресении. Далее речь шла о понимании Всеединства как Абсолютной личности, которая являет себя во всей полноте, в неисчерпаемости своих моментов [Ванеев, 1990, с. 16].

В конце разговора Карсавин дал собеседникам прочитать Венок сонетов, который представлял собой емкие поэтические формулы его религиозно-философских мыслей. Ванеев, еще не понимая этих мыслей, сразу открыл для себя духовное значение самого факта создания таких стихов в экзистенциально «пороговой» ситуации, на грани жизни и смерти: Венок сонетов «в 210 строк сложной стихотворной формы был сочинен Карсавиным в камере следственной тюрьмы». Ванеев помнил мучительное переживание своей внутренней пустоты в карцере — здесь же было нечто совсем другое: «Стихи Карсавина являли пример такой сосредоточенности, которой хватило бы, чтобы заполнить целую жизнь» [Ванеев, 1990, с. 20].

В чем была тайна этой спокойной сосредоточенности духа, этой предельной концентрации мысли, этой наполненности души? Ответ на данный вопрос приходил постепенно.

Увидев однажды, как блестяще парировал Карсавин отрицание исторического факта существования Христа, высказанное одним из лагерных скептиков, Ванеев попросил его прочитать лекцию по истории религии. Отказавшись от лекционной формы, Карсавин предложил просто поговорить на тему, интересующую молодого человека. Он сделал исторический экскурс, охарактеризовав этапы восхождения к познанию единой Истины от Платона через неоплатонизм к отцам Церкви и от них — к Ансельму Кентерберийскому и Николаю Кузанскому. Этот разговор с интересом прослушал подошедший к собеседникам Н. Н. Пунин и был поражен масштабностью мысли Карсавина.

А. А. Ванеев пишет в своих воспоминаниях: «Карсавин и Пунин теперь ежедневно поддерживали общение. Оба имели пристрастие к крепкому чаю, и для них процесс приготовления чая был одной из важных забот» [Ванеев, 1990, с. 25]. Хороший индийский чай Карсавину и Пунину присылали из дому. Ванеев, третий участник чаепитий, заботился о доставке кипятка. Австриец Тони, который работал в котельной, два раза в день подавал ему через форточку эмалиро-

ванный чайник прямо из паровозного котла. Пунин шутил: «Хвала чаю и его вяжущим свойствам!» Карсавин продолжал шуточный панегирик: «Не только вяжущим, но и связующим» [Там же]. Позволим себе продолжить шутку: философия всеединства нашла в этих «связующих» лагерных чаепитиях веское подтверждение.

Ванеев сделался постоянным слушателем Карсавина. Он отмечает: «Во всем, что говорил Карсавин, меня притягивала некая особая, до этого неведомая *существенность понимания* (здесь и далее выделено мною. — О. С.)» [Ванеев, 1990, с. 27]. Карсавин говорил с ним о сложных, нередко парадоксальных философско-богословских темах: о совпадениях понятия и бытия, о выражении невыразимого, о тайне и ее познании, об отношениях веры и разума. Учитель и ученик вместе размышляли о Боговоплощении и Воскресении, о покаянии как «умопреме», внутреннем перевороте, преображении личности.

Л. П. Карсавина привлекало в его ученике и последователе стремление дойти до сути любого вопроса. Он говорил о Ванееве: «Это человек, *раненный Истиной*» [Ванеев, 1990, с. 51]. Со своей стороны, Н. Н. Пунин ценил в А. А. Ванееве личность, сумевшую сохранить, как в ореховой скорлупе, свою *независимость* от лагерной среды, и, по его словам, он «обнадеживался таким примером» перед выпиской из больничного отсека, когда пагубное воздействие этой среды могло усилиться [Ванеев, 1990, с. 28].

У обоих профессоров, помимо А. А. Ванеева, на их «последней кафедре», созданной в Абези на лагерных нарах, был еще один очень способный и благодарный ученик, Юрий Константинович Герасимов (1923–2003). В будущем крупный ученый, специалист по русской литературе и театру Серебряного века, в конце жизни возглавлявший в Пушкинском Доме группу по изданию Полного собрания сочинений А. А. Блока, он в молодости прошел «свои университеты» в лагерях Коми АССР, где провел в общей сложности 8 лет. До этого, блестяще окончив школу № 2 (бывшую Бекетовскую гимназию) и поступив на славянское отделение филологического факультета ЛГУ, он прямо с первого курса в 18-летнем возрасте пошел на войну ополченцем, потом служил в Заполярье, в том числе в передовых частях. После войны восстановился в университете. В 1948 г., во время учебы на третьем курсе, был арестован по ложному обвинению в антисоветской деятельности и осужден по ст. 58-10 УК РСФСР на 10 лет лагерей строгого режима. Несколько лет работал в каменноугольных шахтах в Инте, но из-за изнурительных приступов недолеченной малярии, которой заболел еще во время пребывания под арестом в Большом доме, был комиссован, признан временно нетрудоспособным для тяжелых работ и отправлен вместе с инвалидами и стариками ближайшим этапом в Абезь.

Автор этой статьи была знакома с Юрием Константиновичем и дружила с ним и его семьей с 1973 г. В том же году, по его приглашению, мы небольшой группой отправились на малую родину ученого, в г. Кириллов Вологодской области, чтобы заодно побывать в музее Кирилло-Белозерского монастыря и по-

смотреть фрески Дионисия в Ферапонтовом монастыре Рождества Пресвятой Богородицы. В те времена обе эти обители были закрыты для церковных служб.

В Кириллове Юрий Константинович вспоминал о своем детстве: бедную жизнь на родине, суровые зимы. У него было еще три брата и две сестры. Он был самым младшим и самым задиристым в семье. Нелегкие условия жизни закаляли, воспитывали выносливость. Юра Герасимов стал отличным конькобежцем и впоследствии, уже в Абезьском лагере, немного подлечившись все в том же стационаре, выиграл какое-то соревнование по бегу на коньках (оказывается, было и такое). Сообщив об этом в письме матери, он с нежностью, стараясь ее приободрить, высказывал утопическое предположение, что спортивная победа побудит начальство хотя бы немного «скостить» ему срок (письмо хранится в семейном архиве Герасимовых). Мать, Надежда Кирилловна, дворянского происхождения, выпила полную чашу скорбей в перипетиях XX в. Рано потеряв мужа (он был мостостроителем, и поэтому семья в 1930-е гг. переехала из Кириллова в Ленинград), она одна вырастила хороших детей. Но трое старших сыновей погибли на войне, а младшему предстояли суровые послевоенные испытания. Тем не менее, он с честью выдержал эти испытания, которые, как представляется, можно считать не только ударом, но и даром судьбы, поскольку мы знаем, *какие* в тех лагерных «университетах» были у него профессора.

Ю. К. Герасимов, по собственному свидетельству, писал два очерка о последних днях Л. П. Карсавина и Н. Н. Пунина, но, к сожалению, в семейном архиве они пока не найдены. Однако сохранилась магнитофонная запись его воспоминаний об истории знакомства с обоими выдающимися учеными в Абезьском лагере. Этими воспоминаниями Юрий Константинович поделился на вечере, посвященном Н. Н. Пунину, который состоялся 14 апреля 1995 г. в петербургском Фонтанном доме, где находится Музей А. А. Ахматовой. Расшифровку звукозаписи этих воспоминаний, осуществленную К. Н. Кочкиной, впоследствии опубликовала в несколько сокращенном виде Ольга Ефимовна Рубинчик в статье «“Изнанка ковра”: Ю. К. Герасимов о духовном сопротивлении» (см.: [Рубинчик, 2017]). Текст воспоминаний предварен вступлением и сопровождается подробными комментариями, биографическими справками и примечаниями автора статьи. В дальнейшем мы будем ссылаться на данный текст, подчеркнув, что автором цитируемых воспоминаний является именно Ю. К. Герасимов, а О. Е. Рубинчик — публикатор его текста, однако в силу особенностей оформления данной статьи в ссылках будет указана ее фамилия.

Ю. К. Герасимов в своих воспоминаниях рассказывал, что в бараке, где находилось не менее тысячи человек, ему удалось с помощью знакомых разыскать известного ему по университетским лекциям Николая Николаевича Пунина и сразу же завести и упрочить знакомство с ним через игру в шахматы. В первую встречу юноша имел бестактность выиграть у профессора партию, чем вызвал поначалу прохладное к себе отношение. Впрочем, Пунин смягчился, когда в следующие их встречи (они, как правило, происходили «тайнообразующе», в непогоду, в пургу, так как свободно расхаживать по лагерю не дозволялось) Юрий

Герасимов стал цитировать труднодоступные и полузапрещенные в советское время стихи поэтов Серебряного века. Более того, за очередными шахматными партиями он знакомил профессора с не известной ему поэзией русской эмиграции. Дело в том, что за колючей проволокой Абезьского лагеря оказались некоторые авторы зарубежных монархических изданий, и между любителями поэзии происходил оживленный обмен текстами стихов, которые не только записывались в самодельные альбомы (их могли конфисковать и уничтожить во время регулярных обысков), но, главным образом, заучивались наизусть.

Литературные вкусы партнеров по шахматной игре во многом совпадали (см.: [Рубинчик, 2017, с. 178]). Юрий Герасимов знал и любил стихотворение К. Бальмонта «Безглагольность», так же высоко ценимое Н. Н. Пуниным, «пронзительно русское», по его определению:

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

Возможно, эти строки неслучайно вспомнились и нашли такой живой щемящий отклик в душах бывшего профессора и бывшего студента: они удивительно точно передавали столь знакомую им «боль затаенной печали».

В словесных портретах Н. Н. Пунина, созданных независимо друг от друга Ю. Герасимовым и А. Ваневым, можно найти явное сходство. Герасимов отмечает: «Он сохранил полностью трезвость, ясность и четкость своего ума, потребность в умственной работе, потребность в общении, лекционную какую-то...» [Рубинчик, 2017, с. 176]. В то же время Герасимов с сочувствием отмечает, что у Пунина был нервный тик лица, оно нередко подергивалось. «...Вообще внешность <...> была такая, как у человека, пережившего какую-то огромную катастрофу, хотя державшегося: никакой паники у него не было, и отчаяния не было <...> Он следил за собой, был очень чисто одет — это было непросто в лагере <...> Хотя там всегда давали все старое людям, у него все было как-то подштопано, воротничок меховой был пришит к бушлату, валенки с галошами были, это было очень практично, удобно» [Рубинчик, 2017, с. 176–177]. По свидетельству Герасимова, многие старики в лагере ходили в нелепых «чунях», кое-как сооруженных из разорванных автомобильных покрышек. А вот Пунина в лагере любовно называли «версальским щеголем».

Похожим образом А. А. Ванев описывает свои начальные наблюдения о внешнем облике Пунина: «Он был довольно высокого роста. Обыкновенное больничное белье на нем выглядело почти щеголеватой одеждой: рубашка была застегнута и аккуратно заправлена в кальсоны, штанины кальсон заправлены в носки. В лице совмещалась римская полновесность и старушечья округлая мягкость. Он страдал нервным тиком: межбровье его время от времени подергивалось ... для собственного удовольствия (он) напевал по-латыни негромким при-

ятным баритоном *et in saecula saeculorum*» [Ванеев, 1990, с. 17]. (На латыни была пропета Пуниным литургическая формула «и во веки веков».)

«Человек независимых привычек», — так охарактеризовал Пунина один из его соседей по нарам. И Ванеев, и Герасимов отмечали, что Пунин всегда держался очень прямо, он даже сидел сильно выпрямившись и не касаясь спинки стула. В этом нельзя было не усмотреть демонстрацию несгибаемости. Герасимов отмечал, что Пунин «старался держаться очень как-то прямо, не сдавшимся человеком» [Рубинчик, 2017, с. 177]. Аккуратность в одежде, внешняя подтянутость способствовали внутренней дисциплине мыслей и чувств.

Раз в неделю Пунин получал посылки из дому, поэтому обедать в общую столовую, как правило, не ходил. Благодаря тому, что содержимым этих посылок он щедро делился с лагерными служащими, у него, по свидетельству А. А. Ванеева, в каждом из мест его обитания было привилегированное положение, а по выражению Герасимова — «индивидуальное местечко». Например, в так называемом «бараке с верандой», где находилось более 200 человек и где Пунин одно время жил, его кровать стояла в отдельной секции с большой нишей, на кровати были водружены три матраса, три подушки, три одеяла. «Пунин называл это сооружение ложем Клеопатры» [Ванеев, 1990, с. 36].

Однажды, как вспоминает Ванеев, с профессором произошел такой курьезный случай. В очередной посылке Пунину прислали в подарок красивый клетчатый платок. Он носил его в нагрудном кармане вельветовой куртки. Один уголовник, которому этот платок приглянулся, потребовал его отдать. Пунин спокойно отказался, сообщив, что этим платком он протирает очки. «Тогда вор ударил его кулаком в лицо и вырвал платок. Удивившись такому обращению и позабыв надеть очки, Пунин, чтобы разглядеть вора, по причине своей близорукости приблизился лицом почти вплотную к его физиономии. Вор, увидев перед собой его лицо, выражавшее *не страх, а любопытство*, вдруг растерялся, сунул платок в руку Пунину и убежал. Пунин рассказывал об этом как о любопытном случае, но Карсавин после этого весь вечер оставался омраченным» [Ванеев, 1990, с. 78–79].

Ванеев обратил внимание на то, что, когда Пунин сообщил о только что полученном ударе по лицу, «Карсавин от этих слов весь как-то подтянулся» — очевидно, это была реакция на оскорбленное человеческое достоинство. Кроме того, дело могло обернуться совсем не так благополучно.

Юрий Константинович Герасимов, который даже через многие годы после реабилитации неохотно говорил на лагерные темы, тем не менее, с близкими людьми порой делился некоторыми страшноватыми подробностями Абезьской жизни — например, рассказывал, как он и еще некоторые зэки по очереди не спали, охраняя ночью человека, которого проиграли или «заказали» уголовники.

Уже в другой, более благополучной жизни Юрия Константиновича время от времени навещали его бывшие «со-узники». Чаше других в небольшой уютной квартирке на Канареечной улице Васильевского острова появлялся гость из Москвы — Виктор Михайлович Василенко (1905–1991), специалист по народно-

му искусству и народным промыслам, профессор кафедры искусствоведения МГУ. Кроме научной и преподавательской деятельности, он писал стихи и гордился тем, что ознакомившись с ними в 1962 г., А. А. Ахматова назвала его настоящим поэтом [Василенко, 1999] (в чем он долгое время сомневался, поэтому в лагере каждого из своих знакомых донимал вопросом, поэт ли он). Судьба его сложилась даже более сурово, чем у его товарищей по несчастью: в 1947 г. он был арестован по делу Даниила Андреева, писателя-мистика, автора знаменитой «Розы мира», сына писателя-символиста Леонида Андреева (см.: [Василенко, 1997]). Василенко был обвинен в покушении на Сталина, и во время следствия к нему применялись соответствующие меры физического и психологического воздействия — например, несколько раз имитировался расстрел. Однако вместо смертного приговора ему в конечном счете был назначен 25-летний лагерный срок. Как и Герасимов, он сначала находился на каторжных работах в Инте, затем по состоянию здоровья был направлен в Абезь.

С Н. Н. Пуниним у В. М. Василенко сложились своеобразные отношения. Познакомившись с московским искусствоведом и найдя его в совершенно «растрепанном состоянии души», лагерный старожил Пунин тут же взял его под свое покровительство и, используя некоторые полезные связи, устроил в бригаду, работавшую не за пределами, а внутри лагеря.

С другой стороны, он подчас свысока общался с Василенко и во время нередко возникавших между ними искусствоведческих диспутов позволял себе обидные резкости. «Отношения между ними были странным соединением взаимных нападок и взаимной же нужды друг в друге» [Ванеев, 1990, с. 64]. И Ванеев, и Герасимов в своих воспоминаниях сообщают, что Пунин получил из дому второй том «Всеобщей истории искусств» М. В. Алпатова и подарил его страстному библиофилу Василенко, которому потом прислали первый том, и он стал счастливым обладателем полного издания этого бесценного труда. Причем Пунин сделал на подаренной книге трогательную надпись: «Милому Виктору Михайловичу Василенко во искупление Абезьских обид на светлую память / Н. Пунин 1951. Май. Абезь» [Пунин, 2000, с. 400–401. Цит. по: Рубинчик, 2017, с. 182].

Однако подарок подарком, а профессия профессией. В упомянутой книге Алпатова, изданной в 1949 г., была помещена очень хорошая репродукция Владимирской иконы Богоматери, и по поводу этой иконы между двумя искусствоведами состоялся очередной диспут. Его очевидцем был Юрий Герасимов, и содержание диспута он потом пересказал Карсавину, пребывавшему в больничном полустационаре. Вот его рассказ: «Николай Николаевич — это при мне было <...> — спрашивает: “Виктор Михайлович, ну вот вы искусствовед..., — Скажите мне, в чем отличие Сикстинской Мадонны от Владимирской Божьей Матери? В чем разница?” Виктор Михайлович что-то начинает говорить про композицию, про колорит и т. д. А Николай Николаевич с таким сожалением говорит: “Вот ведь вы не можете понять. А разница состоит в том, что Сикстинская Мадонна смотрит на вас, видит вас, и вы с ней общаетесь. А Владимирская Божья Матерь

вас не видит, но она видит вашу душу, и тут общение совершенно другого качества: она вас судит, она знает, кто вы такой. Вот это — коренное отличие». Не знаю, это экспромт ли Николая Николаевича, или это его убеждение. Я передавал этот разговор Льву Платоновичу (он любил, когда я что-то приносил, как некая пчелка, которая чужой мудрости мёд собирает, поскольку своего-то я еще не мог ему предложить) — и в это время входят Николай Николаевич и Василенко. <...> И этот разговор был продолжен, но уже на другую тему, смежную — о «Джоконде» Леонардо да Винчи. Это был большой разговор, суть его была в том, как понимать эту [картину], <...> что содержит в себе образ Джоконды. <...> Лев Платонович говорил, что все православные люди, глубоко православные: священники или такие, как Алексей Константинович Толстой, то есть люди, глубоко верующие и в то же время образованные в религиозном плане, понимали сразу, что она вынашивает в чреве антихриста. <...> Загадка ее для православно-го пронизательного взгляда понятна» [Рубинчик, 2017, с. 184].

Репродукцию иконы Владимирской Богоматери, выпросив на время книгу Алпатова у Василенко, внимательно рассматривал, по рекомендации Н. Н. Пунина, и Анатолий Ванеев. Потом он поделился с профессором: «Действительно, очень сильное впечатление производят глаза Богоматери. Они смотрят на вас с печальным и совершенно живым пониманием. Пунин сказал, что глаза младенца не менее удивительны. Если перевести взгляд от лица Богоматери к глазам Младенца, то на миг кажется, что в них выражено сверхчеловеческое могущество. Пунин много раз видел эту икону после того, как ее выставили в Третьяковской галерее. Это шедевр, сказал он, которому нет равного, может быть, во всей мировой живописи. Хороши не только глаза. В лице Марии передана нежность и девственность. Удивительно хорошо соединение смуглого лица с золотистым фоном. Икона византийского происхождения. По преданию, она привезена в Россию матерью Владимира Мономаха» [Ванеев, 1990, с. 112–113].

Однажды эстетически и духовно чуткий Пунин сказал Ванееву, что Лев Платонович Карсавин представляется ему «золотистым», ну а сам Ванеев — «синим».

Ю. Герасимов брал у Льва Платоновича уроки древнегреческого языка. Впоследствии, в письме дочери Карсавина Сусанне Львовне от 22 января 1988 г., он писал о «горькой радости» общения с ее отцом. Это ценное письмо, в котором рассказывается о последних месяцах жизни философа, было любезно передано автору этой статьи и дочери Ю. К. Герасимова, Екатерине Юрьевне Герасимовой, Владимиром Ивановичем Шароновым, который сегодня является одним из главных хранителей памяти о Л. П. Карсавине, А. А. Ванееве и их духовно-философском наследии.

Юрий Константинович сообщал Сусанне Львовне, что даже в конце жизни сердце и разум ее отца были светлыми и высокими. «Он медленно угасал, однако никак своих страданий — ни телесных, ни душевных — не выказывал, и *светился* тихой радостью, источник которой я уразумел позднее» [Герасимов, 1988, с. 1].

Источником, как он действительно понял позднее, была вера, которая, как он выразился, мощно поддерживала людей в условиях лагеря. В своем выступлении в Фонтанном доме Герасимов признавался, что с годами в его восприятии лагерной жизни на первый план стало выходить самое главное: «*духовное сопротивление*» [Рубинчик, 2017, с. 179]. Оно никем из их маленького «общества» не декларировалось и, по словам Герасимова, скорее всего даже не осознавалось, но просто выражалось в том, что входящими в это общество людьми не обсуждались бытовые подробности и трудности, а тем более безобразные случаи лагерной жизни. Его участники спорили об искусстве, рассматривали серьезные философские проблемы, постоянно интеллектуально и духовно работали, пополняли знания, шутили, играли в шахматы, были подтянуты внутренне и внешне. Близкими к этому тесному кругу, по своему духовному и душевному складу, были египтолог М. А. Коростовцев, еврейский поэт Самуил Галкин, а также работавший в больничной регистратуре бывший военный переводчик и тайный рясофорный монах Н. С. Романовский. Время от времени они присоединялись к общим беседам или вели заинтересованные диалоги с каждым из постоянных участников этих встреч. Врач стационара Владас Шимкунас, до ареста работавший лаборантом на медицинском факультете Вильнюсского университета, еще с тех времен знал и уважал Л. П. Карсавина и в трудных лагерных условиях всеми силами старался ему помочь.

Лев Платонович Карсавин был мозговым центром этого дружеского научного кружка, который удачно назван последней его кафедрой. Ю. К. Герасимов еще раз подтвердил в своем выступлении в музее Ахматовой то, о чем он писал дочери Карсавина: «Он был слаб, ему было трудно ходить, но голова работала совершенно безотказно, и он все время работал <...> И, вот когда собирались там люди, *говорить о пустяках было нельзя* — это не то что запрещалось — это каждому было понятно...» [Рубинчик, 2017, с. 181].

«Находясь то в стационаре, то в полустационаре, Карсавин создал целый ряд религиозно-философских сочинений: облек в поэтическую форму свои идеи в «Венке сонетов» (это произошло еще в следственной тюрьме. — *О. С.*), потом в «Терцинах», написал «Поэму о смерти», статьи «О Молитве Господней», «О бессмертии души», «Апогей человечества», «Об искусстве» и др.» [Веттер, 1990, с. 12]. К большому сожалению, комментарии Карсавина на Никео-Константинопольский Символ веры во время обыска были изъяты у А. А. Ванеева и уничтожены. А «Поэма о смерти» была написана в 1932 г.

Л. П. Карсавин умер в лагерном изоляторе от милиарного (т. е. поразившего многие органы) туберкулеза 20 июля 1952 г. До самого конца он был в полном сознании, поэтому, как сообщил Ванееву лагерный врач Владас Шимкунас, сильно страдал. По настоятельному совету этого литовского друга и почитателя философа, А. А. Ванеев написал эпитафию, которая была помещена в стеклянную капсулу и вшита в тело покойного — это нужно было для того, чтобы впоследствии идентифицировать его могилу.

Ванеев вспоминает: «...На его лице сквозь тень предсмертных страданий ясно проступал свет полного покоя. Что было мне написать? Нужны были слова, которыми выразилась бы значительность личности Карсавина и которые были бы словами прощания с ним. Вот какой вышла, насколько помню, тайная эпитафия. "Лев Платонович Карсавин, историк и религиозный мыслитель. В 1882 г. родился в Петербурге. В 1952 г., находясь в заключении в режимном лагере, умер от милиарного туберкулеза. Л. П. Карсавин говорил и писал о Тройственном Боге, Который в непостижимости Своей открывает нам Себя, дабы мы чрез Христа познали в Творце рождающего нас Отца. И о том, что Бог, любовью превозмогая Себя, с нами и в нас страдает нашими страданиями, дабы и мы были в Нем и в единстве Сына Божия обладали полнотой любви и свободы. И о том, что само несовершенство наше и бремя нашей судьбы мы должны опознать как абсолютную цель. Постигая же это, мы уже имеем часть в победе над Смертью чрез смерть. Прощайте, дорогой учитель. Скорбь разлуки с вами не вмещается в слова. Но и мы ожидаем свой час в надежде быть там, где скорбь преображена в вечную радость"» [Ванеев, 1990, с. 184].

Немногим более чем через год от сердечного приступа в Абезьском лагере умер Н. Н. Пунин. Заменяв в похоронной бригаде двух литовцев, Ю. К. Герасимов и В. М. Василенко приняли участие в его похоронах и предали тело учителя и старшего друга земле. У Герасимова была замечательно натренированная память, запечатлевшая, в частности, некоторые важные приметы, связанные с местом захоронения Пунина и Карсавина (примерно 500 м от морга, землянка похоронной команды, ряд высаженных елей). В. И. Шаронову удалось дважды встретиться с ним и получить от него самые точные сведения об этих приметах.

И вот 14 июня 1989 г. в Абези, после долгих поисков, было найдено место могилы Л. П. Карсавина с сохранившейся под густой еловой веткой дощечкой, на которой была начертана литера П-11. Это был результат тщательной и упорной работы поисковой экспедиции, организованной В. И. Шароновым по настоянию его друзей, социолога А. Я. Куклина и религиозного философа К. К. Иванова, а также при поддержке доктора исторических наук, преподавателя-археолога из Сыктывкарского государственного университета Виктора Анатольевича Семенова. В поисках участвовали настоятель Вознесенской церкви под Сыктывкаром иеромонах Трифон Плотников, журналист Евгений Хлыбов из республиканской газеты «Молодежь Севера», директор Абезьской средней школы Альберт Михайлович Жаворонков, кочегары Иван Липовцев и Василий Ложкин и другие помощники-добровольцы (см.: [Шаронов, 1990]). В этом событии соединились человеческое подвижничество и чудо небесного Промысла.

Ученики оказались достойными своих учителей. А. А. Ванеев спас большинство карсавинских рукописей, а главное, всю последующую жизнь изучал, разъяснял и комментировал религиозно-философское наследие Карсавина (см.: [Ванеев, 1994, с. 211–253; Клементьев, 2023]). После освобождения в 1954 г. он окончил физический факультет Ленинградского университета, блестяще, по вос-

поминаниям его учеников, преподавал физику в 32-й, потом 30-й математической школе г. Ленинграда, в конце жизни работал в Институте усовершенствования учителей. Вместе с о. Сергием Желудковым и К. К. Ивановым создал религиозно-философский семинар, на котором обсуждались актуальные теологические и философские проблемы, была сделана попытка осуществить диалог верующих и неверующих участников семинара в устных беседах и возникшей на этой базе переписке (см.: [Шаронов, 2022, с. 203; Ванеева, 1994, с. 255–257]). А. А. Ванеев создал ряд статей, в которых раскрывал идеи своего учителя, а также написал книгу воспоминаний «Два года в Абези», которая явилась одним из основных источников настоящей статьи.

Заграницей книга Ванеева в сокращенном варианте впервые была издана в парижском альманахе «Минувшее» [Ванеев, 1988]. Интересно, что впервые в нашей стране два больших фрагмента книги Ванеева удалось каким-то чудом, преодолев немалые препятствия, напечатать в газете «Молодежь Севера» Республики Коми в апреле 1989 г. Несколько позже отрывки из книги были опубликованы историком философии С. С. Хоружим в «Литературной газете». Затем, в 1990 г., в двух номерах журнала «Наше наследие» (№ 3, 4) вышла уточненная, выверенная Еленой Ивановной, вдовой Ванеева, версия его воспоминаний. Наконец, в том же 1990 г. в Брюссельском издательстве «Жизнь с Богом» была напечатана наиболее полная редакция книги «Два года в Абези» со вступительной статьей, очерком жизни и идей Карсавина, комментариями к его сонетам и терциям, биобиблиографией и другими ценными дополнительными материалами.

А. А. Ванеев не дождался публикации своей главной книги. Он умер в 1985 г. в возрасте 63 лет, выполнив предназначенное ему на земле дело: увековечить память учителя (см.: [Иванов, 1990, с. 61; 2016, с. 28]). Хочется добавить, что супруги Ванеевы назвали единственного сына Львом.

Наряду с обнаружением могилы Карсавина, В. И. Шароновым была сделана недавно еще одна важная находка: с помощью директора РГИА Санкт-Петербурга С. В. Штуковой он сумел найти личный архив А. А. Ванеева и спасти его. На основе документов этого архива В. И. Шаронов осуществил культурологическую реконструкцию жизненного и духовного пути ученика и последователя Л. П. Карсавина, назвав ее «Умопремена Анатолия Ванеева». Отдельные части этого исследования опубликованы в «Вестнике культуры и искусств», издаваемом Челябинским институтом культуры [Шаронов, 2023, 2024].

Среди архивных документов, находящихся сейчас в обработке, наиболее ценной является переписка, которую А. А. Ванеев вел во время пребывания в лагере со своей матерью Фелицатой Александровной. В письмах проявилась бережная забота сына о душевном состоянии самого близкого человека, его стремление ободрить, успокоить, возродить надежду. В этой переписке, как считает Шаронов, с особенной явственностью проявилось «разумное спокойствие», духовный реализм Ванеева, его способность искать и находить свет во тьме и «добро в худе».

Столь же внимательно и заботливо относился к своей матери Надежде Кирилловне и Ю. К. Герасимов, судя по его письмам, хранящимся в семейном архиве. Мать дождалась сына и прожила в его семье еще многие годы. После реабилитации Ю. К. Герасимов восстановился на филологическом факультете ЛГУ и успешно закончил его. В 1964 г. под научным руководством Д. Е. Максимова он защитил кандидатскую диссертацию «Вопросы театра и драмы в критике А. Блока», после чего более 15 лет проработал на секторе источниковедения ЛГИТМиКа. В 1978 г. защитил докторскую диссертацию «Русская театральная мысль конца XIX — начала XX вв.». В 1979 г. он был приглашен на работу в Пушкинский Дом и возглавил Группу по подготовке академического «Полного собрания сочинений и писем А. А. Блока». В 1990-е гг. Юрий Константинович начал иногда рассказывать о своем пребывании в Абезьском лагере, не упуская благодаря своей цепкой и точной памяти разных, в том числе тяжелых, подробностей лагерной жизни. Вспоминал, например, о суровых морозах в 50 градусов, с туманной сыростью, когда трудно было дышать. Но физические трудности, утверждал он, преодолевались укреплением духовных сил. Большую роль в сохранении человеческого достоинства в экстремальных условиях Ю. К. Герасимов отводил религии. Кроме того, «маленькие эфемерные общества», подобные тому, в которое он входил, позволяли, как говорилось в его письме Сусанне Львовне, «оставаться людьми и жить» [Герасимов, 1988, с. 2].

Уже после кончины Ю. К. Герасимова в 2003 г. его коллеги из Пушкинского Дома в информационном письме о конференции, посвященной 100-летию со дня рождения ученого (2023), отмечали, что «в последние годы жизни доминирующим в его научной деятельности стало изучение литературных явлений в их связи с отечественной религиозно-философской традицией». Одной из наиболее ценных в этом отношении работ Ю. К. Герасимова является, на наш взгляд, статья «Религиозная позиция евразийства» (см.: [Герасимов, 1995]), где можно найти немало ссылок на эмигрантские работы Карсавина. К сожалению, остался неосуществленным замысел Герасимова написать книгу о теории «симфонической личности». Но можно сказать, что и сам русский философ Карсавин, и замечательный искусствовед Пунин, и их талантливые и благодарные ученики, выпускники Абезьской «кафедры духовной свободы», воплотили эту теорию в практике собственной жизни. Все они — поистине «симфонические личности».

Список источников

1. *Ванеев, 1988* — Ванеев А. А. Два года в Абези // Минувшее. Paris: Atheneum. 1988. № 6. С. 54–203.
2. *Ванеев, 1990* — Ванеев А. А. Два года в Абези. В память о Л. П. Карсавине. Брюссель: Жизнь с Богом; Paris: La Presse Libre, 1990. 414 с.
3. *Ванеев А. А.* Два года в Абези // Наше наследие. М., 1990. № 3 (15). С. 61–83; № 4 (16). С. 81–103.
4. *Ванеев, 1994* — Ванеев А. А. Вторая новизна // Символ. Журнал христианской культуры при Славянской библиотеке в Париже. Париж, 1994. № 32. С. 211–248.

5. *Ванеев, 1990* — Ванеев А. А. Очерк жизни и идей Л. П. Карсавина // Ванеев А. А. Два года в Абези, 1990. С. 337–366.
6. *Ванеев, 1990a* — Ванеев А. А. Под углом зрения уопремены // Символ. Журнал христианской культуры при Славянской библиотеке в Париже. Париж, 1994. № 32. С. 249–253.
7. *Ванеева, 1994* — Ванеева — Е. А. А. Ванеев // Символ. Журнал христианской культуры при Славянской библиотеке в Париже. Париж, 1994. № 32. С. 255–257.
8. *Василенко, 1999* — Василенко В. М. Ведет беседу М. В. Радзишевская // Анна Ахматова в записях Дувакина. М., 1999. С. 306–332.
9. *Василенко, 1997* — Василенко В. М. Далекие ночи [Воспоминания о Д. Андрееве] // Андреев Д. Собр. соч. : в 3 т. М., 1997. Т. 3. Кн. 2. С. 385–396.
10. *Веттер, 1990* — Веттер Г. А. Л. В. Карсавин. Библиографический очерк // Ванеев А. А. Два года в Абези. В память о Л. П. Карсавине. Брюссель: Жизнь с Богом, Paris: La Presse Libre, 1990. С. 9–19.
11. *Герасимов, 1995* — Герасимов Ю. К. Религиозная позиция евразийства // Русская литература. 1995. № 1. С. 159–196.
12. *Герасимов* — Герасимов Ю. К. Письмо Карсавиной С. Л. от 22 янв. 1988 г. // Из личного архива В. И. Шаронова. С. 1–2.
13. *Иванов, 1990* — Иванов К. К. Ванеев, ученик Карсавина // Наше наследие. М., 1990. № 3 (15). С. 60–61.
14. *Иванов, 2016* — Иванов К. К. Ванеев — ученик Карсавина // Иванов К. К. Камни. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 26–33.
15. *Карсавин, 1923в* — Карсавин Л. П. Диалоги. Берлин: Обелиск, 1923. 112 с.
16. *Карсавин, 1925* — Карсавин Л. П. О началах: Опыт христианской метафизики. Берлин: Обелиск, 1925. 143 с.
17. *Карсавин, 1932* — Карсавин Л. П. Поэма о смерти. Kaunas, 1932. 80 с.
18. *Карсавин, 1927* — Карсавин Л. П. Святые отцы и учителя Церкви. Paris: YMCA-PRESS, 1927. 175 с.
19. *Карсавин, 1923a* — Карсавин Л. П. Философия истории. Берлин: Обелиск, 1923a. 358 с.
20. *Карсавин, 1922* — Карсавин Л. П. «Noctes petropolitanae». Пг.: 5-я гос. тип., 1922. 202 с.
21. *Карсавин, 2021* — Карсавин Л. П. «Венок сонетов» и «Терцины» // Шаронов В. И. «Незнаем Ты без них и без меня». Предисловие к первой публикации полной редакции «Венка сонетов» и «Терцин» Л. П. Карсавина // Христианское чтение. 2021. № 3. С. 132–150.
22. *Карсавин, 1922a* — Карсавин Л. П. Восток, Запад и русская идея. Петербург: Academia, 1922. 120 с.
23. *Клементьев, 2023* — Клементьев А. Анатолий Ванеев и Лев Карсавин // «Вода живая». 2023. № 11. URL: https://aquaviva.ru/journal/anatoliy_vaneev_i_lev_karsavin (дата обращения: 29.11.2024).
24. *Пунин, 2000* — Пунин Н. Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000. 527 с.
25. *Пунин, 1928* — Пунин Н. Н. Новейшие течения в русском искусстве. Л.: Государственный Русский музей, 1927. Вып. 1. 14 с.; 1928. Вып. 2. 16 с.
26. *Пунин, 1976* — Пунин Н. Н. Русское и советское искусство. М.: Советский художник, 1976. 262 с.

27. *Рубинчик, 2017* — Рубинчик О. Е. «Изнанка ковра»: Ю. К. Герасимов о духовном сопротивлении в Абезьском лагере / О. Е. Рубинчик, подг., вступ. ст., примеч. // Сюжетология и сюжетография. Новосибирск, 2017. № 2. С. 173–189.

28. *Шаронов, 1990* — Шаронов В. «Он всегда был русским». История установления места захоронения Льва Платоновича Карсавина // Русская мысль (Париж). 1990. № 3828. 18 мая. Специальное приложение. С. 1–4.

29. *Шаронов, 2022* — Шаронов В. Религиозная мысль Анатолия Ванеева: продолжение через прерыв // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. 2022. № 4 (16). С. 199–220.

30. *Шаронов, 2023* — Шаронов В. Умопремена Анатолия Ванеева: культурологическая реконструкция жизненного и духовного пути ученика Льва Карсавина. Наследник // Вестник культуры и искусств. 2023. № 2 (74). С. 52–64.

31. *Шаронов, 2023a* — Шаронов В. Умопремена Анатолия Ванеева: культурологическая реконструкция жизненного и духовного пути ученика Льва Карсавина. Путник // Вестник культуры и искусств. 2023. № 3 (75). С. 97–117.

32. *Шаронов, 2023б* — Шаронов В. Умопремена Анатолия Ванеева: культурологическая реконструкция жизненного и духовного пути ученика Льва Карсавина. Собеседник // Вестник культуры и искусств. 2023. № 4 (76). С. 102–120.

33. *Шаронов, 2024* — Шаронов В. Умопремена Анатолия Ванеева: культурологическая реконструкция жизненного и духовного пути ученика Льва Карсавина. Мыслитель // Вестник культуры и искусств. 2024. № 1 (77). С. 116–138.

References

1. *Vaneev, 1988* — Vaneev A. A. Two years in Abesi. *Minuvshee* [The past]. Paris: Atheneum, 1988. Vol. 6. Pp. 54–203. (In Russ.)

2. *Vaneev, 1990* — Vaneev A. A. *Dva goda v Abezi. V pamjat' o L. P. Karsavine* [Two years in Abesi. In memory of L. P. Karsavin]. Brjussel': Zhizn' s Bogom; Paris: La Presse Libre, 1990. 414 p. (In Russ.)

3. *Vaneev, 1990* — Vaneev A. A. Two years in. *Nashe nasledie* [Our legacy]. Moscow, 1990. Vol. 3 (15). Pp. 61–83; Vol. 4 (16). Pp. 81–103. (In Russ.)

4. *Vaneev, 1994* — Vaneev A. A. The second novelty. *Simvol. Zhurnal hristianskoj kul'tury pri Slavjanskoj biblioteke v Parizhe* [Symbol. The Journal of Christian Culture at the Slavic Library in Paris]. Parizh, 1994. Vol. 32. Pp. 211–248. (In Russ.)

5. *Vaneev, 1990* — Vaneev A. A. An essay on the life and ideas of L. P. Karsavin. Vaneev A. A. *Dva goda v Abezi* [Two years in]. 1990. Pp. 337–366. (In Russ.)

6. *Vaneev, 1990a* — Vaneev A. A. From the point of view of the time. *Simvol. Zhurnal hristianskoj kul'tury pri Slavjanskoj biblioteke v Parizhe* [Symbol. The Journal of Christian Culture at the Slavic Library in Paris]. Parizh, 1994. Vol. 32. Pp. 249–253. (In Russ.)

7. *Vaneeva, 1994* — Vaneeva E. A. A. Vaneev. *Simvol. Zhurnal hristianskoj kul'tury pri Slavjanskoj biblioteke v Parizhe* [Symbol. The Journal of Christian Culture at the Slavic Library in Paris]. Parizh, 1994. Vol. 32. Pp. 255–257. (In Russ.)

8. *Vasilenko, 1999* — Vasilenko V. M. The conversation is conducted by M. V. Radzishhevskaya. *Anna Ahmatova v zapisjah Duvakina* [Anna Akhmatova in Duvakin's notes]. Moscow, 1999. Pp. 306–332. (In Russ.)

9. *Vasilenko, 1997* — Vasilenko V. M. Distant Nights [Memories of D. Andreev]. Andreev D. *Sobr. soch. : v 3 t.* [Collected works : in 3 vols.]. Moscow, 1997. Vol. 3. Book 2. Pp. 385–396. (In Russ.)

10. *Vetter, 1990* — Vetter G. A. L. V. Karsavin. Bio-bibliographic essay. Vaneev A. A. *Dva goda v Abezi. V pamjat' o L. P. Karsavine* [Two years in Abesi. In memory of L. P. Karsavin]. Brjussel': Zhizn' s Bogom, Paris: La Presse Libre, 1990. Pp. 9–19. (In Russ.)
11. *Gerasimov, 1995* — Gerasimov Ju. K. The religious position of Eurasianism. *Russkaja literatura* [Russian Literature]. 1995. Vol. 1. Pp. 159–196. (In Russ.)
12. *Gerasimov, 1988* — Gerasimov Ju. K. Letter from Karsavina S. L. dated January 22, 1988. *Iz lichnogo arhiva V. I. Sharonova* [From the personal archive of V. I. Sharonov.]. Pp. 1–2. (In Russ.)
13. *Ivanov, 1990* — Ivanov K. K. Vaneev, Karsavin's disciple. *Nashe nasledie* [Our heritage]. Moscow, 1990. Vol. 3 (15). Pp. 60–61. (In Russ.)
14. *Ivanov, 2016* — Ivanov K. K. Vaneev — Karsavin's disciple. Ivanov K. K. *Kamni* [Stones]. Saint Petersburg: Skifija-print, 2016. Pp. 26–33. (In Russ.)
15. *Karsavin, 1923v* — Karsavin L. P. *Dialogi* [Dialogues]. Berlin: Obelisk, 1923. 112 p. (In Russ.)
16. *Karsavin, 1925* — Karsavin L. P. *O nachalah: Opyt hristianskoj metafiziki* [About the Beginnings: The Experience of Christian Metaphysics]. Berlin: Obelisk, 1925. 143 p. (In Russ.)
17. *Karsavin, 1932* — Karsavin L. P. *Pojema o smerti* [A poem about death]. Kaunas, 1932. 80 s. (In Russ.)
18. *Karsavin, 1927* — Karsavin L. P. *Svjatye otcy i uchiteli Cerkvi* [Holy Fathers and Teachers of the Church]. Paris: YMCA-PRESS, 1927. 175 p. (In Russ.)
19. *Karsavin, 1923a* — Karsavin L. P. *Filosofija istorii* [Philosophy of History]. Berlin: Obelisk Publ, 1923a. 358 s. (In Russ.)
20. *Karsavin, 1922* — Karsavin L. P. «*Noctes petropolitanae*». Pg.: 5-ja gos. tip. 1922. 202 p. (In Russ.)
21. *Karsavin, 2021* — Karsavin L. P. "Wreath of sonnets" and "Tertsina". Sharonov V. I. «*Neznaem Ty bez nih i bez menja*» ["You don't know without them and without me."]. Predislavie k pervoj publikacii polnoj redakcii «Venka sonetov» i «Tercin» L. P. Karsavina. *Hristianskoe chtenie* [Christian Reading]. 2021. Vol. 3. Pp. 132–150. (In Russ.)
22. *Karsavin, 1922a* — Karsavin L. P. *Vostok, Zapad i russkaja ideja* [East, West and the Russian idea]. Peterburg: Academia Publ, 1922. 120 p. (In Russ.)
23. *Klement'ev, 2023* — Klement'ev A. Anatoly Vaneev and Lev Karsavin. «*Voda zhiva-ja*» ["Living Water"]. 2023. Vol. 11. Available at: https://aquaviva.ru/journal/anatolij_vaneev_i_lev_karsavin (accessed: 29.11.2024). (In Russ.)
24. *Punin, 2000* — Punin N. N. *Mir svetel ljubov'ju. Dnevnik. Pis'ma* [The world is full of love. The diaries. Letters]. Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr Publ, 2000. 527 p. (In Russ.)
25. *Punin, 1928* — Punin N. N. *Novejšhie techenija v russkom iskusstve* [The latest trends in Russian art]. L.: Gosudarstvennyj Russkij muzej, 1927. Vol. 1. 14 p.; 1928. Vol. 2. 16 p. (In Russ.)
26. *Punin, 1976* — Punin N. N. *Russkoe i sovetskoe iskusstvo* [Russian and Soviet art]. Moscow: Sovetskij hudozhnik Publ, 1976. 262 p. (In Russ.)
27. *Rubinčik, 2017* — Rubinčik O. E. "The wrong side of the carpet": Yu. K. Gerasimov on spiritual resistance in the Abes camp / O. E. Rubinčik, subg., introductory article, note. *Sjuzhetologija i sjuzhetografija* [Plotology and plotography]. Novosibirsk, 2017. Vol. 2. Pp. 173–189. (In Russ.)
28. *Sharonov, 1990* — Sharonov V. "He has always been Russian." The history of the establishment of the burial place of Lev Platonovich Karsavin. *Russkaja mysl'* (Parizh) [Russian Thought (Paris)]. 1990. No 3828. May 18. A special application. Pp. 1–4. (In Russ.)

29. *Sharonov, 2022* — Sharonov V. The religious thought of Anatoly Vaneev: continuation through interruption. *Trudy kafedry bogoslovija Sankt-Peterburgskoj Duhovnoj Akademii* [Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy]. 2022. Vol. 4 (16). Pp. 199–220. (In Russ.)

30. *Sharonov, 2023* — Sharonov V. The mind of Anatoly Vaneev: a cultural reconstruction of the life and spiritual path of the disciple Lev Karsavin. Heir. *Vestnik kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Culture and Arts]. 2023. Vol. 2 (74). Pp. 52–64. (In Russ.)

31. *Sharonov, 2023a* — Sharonov V. The mind of Anatoly Vaneev: a cultural reconstruction of the life and spiritual path of the disciple Lev Karsavin. The Traveler. *Vestnik kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Culture and Arts]. 2023. Vol. 3 (75). Pp. 97–117. (In Russ.)

32. *Sharonov, 2023b* — Sharonov V. The mind of Anatoly Vaneev: a cultural reconstruction of the life and spiritual path of the disciple Lev Karsavin. Interlocutor. *Vestnik kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Culture and Arts]. 2023. Vol. 4 (76). Pp. 102–120. (In Russ.)

33. *Sharonov, 2024* — Sharonov V. The mind of Anatoly Vaneev: a cultural reconstruction of the life and spiritual path of the disciple Lev Karsavin. The thinker. *Vestnik kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Culture and Arts]. 2024. Vol. 1 (77). Pp. 116–138. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Сокурова Ольга Борисовна

Olga B. Sokurova

доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры СПбГУ, член Союза театральных деятелей Российской Федерации
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

Doctor of Cultural Studies, Candidate of Art History, Associate Professor of the Department of History of Western European and Russian Culture St Petersburg University
Member of the Union of Theatre Workers of the Russian Federation
Institute of Russian Literature (Pushkin House)

199034, Россия, Санкт-Петербург,
наб. Макарова, 4

4, nab. Makarova, St. Petersburg, 199034,
Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	17.10.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	21.10.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	22.10.2024

**ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ, ОБЗОРЫ, МАТЕРИАЛЫ,
ВОСПОМИНАНИЯ**

PUBLICATION OF SOURCES, REVIEWS, MATERIALS, MEMORIES

Научная статья / Article

УДК 398.54

<https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-3-53>

**Богородица в лоемских устных рассказах и магических текстах:
избранные материалы из Фольклорного архива СГУ
им. Питирима Сорокина**

Подготовка текстов Татьяной Степановной Каневой

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,

Сыктывкар, Россия,

t-kaneva@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1748-0886>

Аннотация. Публикация вводит в научный оборот записи, сделанные в 1990 и 2022 гг. в селе Лойма Прилузского района Республики Коми и хранящиеся в Фольклорном архиве СГУ им. Питирима Сорокина. Это заговоры, устные рассказы об иконах, народные молитвы, которые объединены образом Богородицы. Материалы могут быть полезны для исследований феномена народного православия и севернорусской заговорно-заклинательной поэзии.

Ключевые слова: Богородица, Лойма, народное православие, магические тексты

Для цитирования: Богородица в лоемских устных рассказах и магических текстах: избранные материалы из Фольклорного архива СГУ им. Питирима Сорокина (подгот. текстов Т. С. Каневой) // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2024. № 3. С. 53–62. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-3-53>

**The Mother of God in the Loima oral narratives and magical texts:
selected materials from the Folklore Archive
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University**

Texts selected by Tatiana S. Kaneva

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia,

t-kaneva@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1748-0886>

Abstract. A number of records made in 1990 and 2022 in the village of Loima, Priluzskii District, Komi Republic and stored in the Folklore Archive of Pitirim Sorokin Syktyvkar State

University are introduced into scientific circulation. These are magic spells, oral narratives about icons, folk prayers associated with the image of the Mother of God. The data can be useful for studying the phenomenon of folk Orthodoxy and northern Russian spell poetry.

Keywords: *Mother of God, Loima, folk Orthodoxy, magical texts*

For citation: The Mother of God in the Loima oral narratives and magical texts: selected materials from the Folklore Archive of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (texts selected by Tatiana S. Kaneva). *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*. 2024, 3: 53–62. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-3-53>

В Прилузской студенческой этнокультурной экспедиции Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, состоявшейся 1–8 октября 2022 г. (научный руководитель — доцент Т. С. Канева) в рамках проекта «Духовная культура Севера: Прилузье в мультимедийной мозаике»⁷, от уроженки д. Рай / Анкерской (Лоемская сельская администрация) был записан рассказ о надругательстве над деревянной иконой Богородицы, которая, несмотря на то, что была разрублена представителем советской власти, продолжала, по мнению рассказчицы, беречь семью. Этот сюжет впечатлил собирателей и стал поводом для того, чтобы обратить внимание на место Богородицы, ее иконописных образов, иконы вообще в устных воспоминаниях и шире — в фольклорных текстах, в народных обрядовых практиках Лоймы.

В селе Лойма и прилегающих к нему деревнях (бывший Лоемский сельский совет), расположенных на правом берегу реки Лузы (приток Юга, бассейн Северной Двины), фольклористы Сыктывкарского университета ведут собирательскую работу на протяжении ряда лет (1990, 2002, 2008, 2009, 2011–2013, 2022 гг.)⁸, и лоемские фольклорно-этнографические и этнолингвистические материалы составляют значимый массив записей в архиве вуза⁹. В самых ранних по времени поступления лоемских материалах Прилузского собрания Фольклорного архива СГУ им. Питирима Сорокина (1990 г.) нами было выявлено несколько заговоров и народных молитв, включающих обращения к Богородице, а также пересказ апокрифического сюжета о жизни Богоматери¹⁰. Эти тексты представлены в данной публикации — как результат начального этапа выявления источников по обозначенной теме из лоемских записей нашего архива. Составитель счел возможным включить в предлагаемую подборку также два небольших рассказа из новых по-

---

⁷ О проекте см.: [Канева, Военушкина, 2022].

⁸ Диалектологи вуза начали свою работу там по сбору материалов к словарю русского говора с. Лойма в 1974 г.

⁹ О некоторых результатах и актуальных направлениях лоемских исследований, предпринимаемых филологами СГУ им. Питирима Сорокина, см., например: [Бунчук, 2012; Шевченко, 2013].

¹⁰ В народной традиции Богородица считается защитницей от бед-напастей, к ней часто обращаются в народных молитвах, заговорных текстах; она выступает и персонажем народных легенд и апокрифов (см.: [Толстой, 1995, с. 217; Фадеева, 2000] и др.).

ступлений (2022 г.) — об использовании икон в окказиональных обрядах (№ 3 и № 4); в них икона Богородицы упоминается, скорее, в качестве примера.

Тексты отобраны и подготовлены к публикации Т. С. Каневой. В расшифровке отдельных аудиозаписей, а также в компьютерном наборе материалов рукописного фонда принимали участие студенты-филологи в рамках учебных (фольклорных) практик (руководитель — Т. С. Канева), а также в рамках прилузского проекта 2022 г.; роль студентов при обработке текстов отмечена в примечаниях отдельно.

В публикуемых текстах в квадратных скобках курсивом приводятся вопросы собирателя, обычным шрифтом — уточнения, восполнения сокращенных в устной речи слов, введенные автором публикации; ломаными скобками показаны вырезки незначительных фрагментов (<...>) или не поддавшиеся расшифровке фразы.

Тексты сопровождаются примечаниями, включающими паспортные сведения о записи, а также некоторые пометы текстологического и пояснительного свойства; личные данные о современных рассказчиках не раскрываются из соображений приватности; к записям 1990 г. приведены полные данные об информантах. Все записи в 1990 г. (выполненные и на аудионосители, и в рукописном виде) осуществлялись одной группой, состоявшей из трех участников: Татьяны Каневой (руководителя экспедиционной группы, тогда — студентки 4-го курса СГУ им. 50-летия СССР), Марины Кирилловой (тогда — студентки 4-го курса Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена), Валентины Лагун (студентки-практикантки 4-го курса СГУ им. 50-летия СССР).

Рассказ о надругательстве над иконой Богородицы

1. ...Когда закрыли часовню, <...> в Лальск молиться ходили. Бабушка дожила до восьмидесяти шести годов, и в доме у нас стояла храмовая <...> икона. Она была на деревянной доске, Богородица. И бабушка говорила: «Вот, икона-то мне до сих пор помогает». Я спрашиваю:

– Бабушка, а как она попала [к нам]? И что с иконой? Почему она обрублена-то наполовину? — вот такой кусок от этой иконы обрублен.

Она говорит:

– Ой, Людочка, что было-то!..

Когда стали часовню разрушать, все жители, иконы-то чтобы спасти, по домам растащили. Но было запрещено... Божницы надо было в домах убрать. И ходили проверяли коммунисты, у кого на божнице иконы стоят эти. И пришёл в дом человек и сказал:

– Никитишна, <...> убери икону-то.

Она говорит:

– Нет, эту икону я не уберу, Богородица меня защищает.

Он взял топор на мосту и — хряп! И половина иконы, <...> половина иконы отвалилась. <...>

Но с бабушкой-то ничего не случилось, их-то куда <...> не раскулачили, она в совхоз не вступала долго — ничего. А вот человек, который это сделал, погиб. Причём его деревом задавило в лесу от топора, он то есть неудачно срубил дерево. Вот так вот. А семья моя сохранилась: и дом, и бабушка.

ФА СГУ, АФ 13399-Х: зап. в с. Лойма Прилузского р-на Республики Коми 03.10.2022 Н. В. Палагиным, А. А. Шумиловым (в составе экспедиционной группы). Расшифровка В. А. Дементьевой под ред. Т. С. Каневой.

После записи рассказчик внес поправки: правильно не «Никитишна», а Никитиха — жена Никиты; не «совхоз», а «колхоз».

Рассказы об иконе Богородицы, которой благословляли на замужество

2.1. Это вот старинная [икона], мама ею бла[го]словляла меня этой иконкой. Замуж пошла, нас с хозеином обеих бла[го]словила эту иконку и сказала: «Где ты будёшь — это пресвятая Богородица — где ты будёшь, икона чтоб была с тобой». Вот. И она у меня с собой. В Заполье жила, потом я сюды пришла, опять принесла её. Это бла[го]словленье у матери. Обе[и]х с хозеином бла[го]словляла. <...> И она, го[во]рила, она этой, освещённой этой церковью, той старинной ешо, которая была не ломаная, той церковью освещённая, она го[во]рила. [*А как-то помогала Вам эта икона?*] А я ей, её почитаю. Пресвятая Богородица. Вишь, она вот на... на горячем камне и стоит, вытерпиват, и вот на горячем камне и в горячем, вишь как. И там рядышком ишо две, и овечка есть ишо ведь. Это старинная, это старинны иконы, не теперешние. Теперя картинки. <...> А вот их, стары-ти иконы собирают, просят. Я не отдаю. Много раз спрашивали вон. Я говорю: «Нет, это у меня материнское бла[го]словлениё. Я нет, я не за какие, — говорю, — как говорится, [за] гроши не отдам, не за чё». Зачем? Одно материнское благословление на всю жись дано, да я это вам отдам? Нет, пока я жива. Она сказала: «Девка, где жить будёшь, икона чтоб была с тобой». Но-ка, а чё она тамока благословляла, дак она ведь потихонечку говорила, потихонечку говорила, бла[го]словляла дак.

ФА СГУ, АФ 13397-92: зап. в с. Лойма Прилузского р-на Республики Коми 02.10.2022 Е. А. Военушкиной, В. А. Дементьевой, А. М. Михалюк, А. А. Шумиловым. Расшифровка С. С. Мишариной под ред. Т. С. Каневой.

Речь идет об изображении явления Божьей Матери инокам на Почаевской горе, во время которого Богородица стояла на камне в окружении огня; это чудесное явление видел и пастух.

Ср. от этой же рассказчицы: № 2.2.

2.2. А из дому меня вот этой иконой мать бла[го]словляла, вот этой иконкой. Пресвятой Богородицей, вот она. <...> И сказала слова: «Где будёшь жить, чтобы икона была с тобой» — это мама своя родная сказала. И вот она у мяя всё служит. Много раз уже просили эти, что, мол, мы тебе заменим. Я говорю: «Нет». <...> И вот я в Заполье жила тридцать лет, она там у меня стояла. Сюды пришла,

опеть с собой взяла. Вот такие дела. Старые люди, конечно, божественные были они ведь, в церкви ходили, а потом всё нарушили дак, так, домашним, а всё равно служили и зажигали свечу и всё [в] праздники, молились и. <...> Вот это мама-то говорила: «Вы в год раз, мол, протирайте хоть этим, святой водой». А где у нас теперь? И церква есть, рóбит, дак тоже святая-та вода, приносят ведь. Так вот, она го[во]р[и]т: «В год раз хоть, но обтирайте святой водой».

ФА СГУ, АФ 13400-16: зап. в с. Лойма Прилузского р-на Республики Коми 03.10.2022 Т. С. Каневой, В. А. Дементьевой, А. М. Михалюк, А. А. Шумиловым. Расшифровка С. С. Мишариной под ред. Т. С. Каневой.

Ср. от этой же рассказчицы: № 2.1.

Рассказ об иконе и утопленнике

3. [*А таких случаев не было, что по реке пускали икону?*] Да, если, вот, утонут, ну, мо[ж]ет, человек утонет, старые люди опускали икону, и человек находился. Да. Отпускали икону. А если он уж, вот щас-то, как говорится, дак отпускали икону, и потом даже через два года находили тело. Бывало, найдётся. Правду или неправду. Иконка. [*А кто там должен быть изображен? Любая икона или кого-то особого?*] Да чё — большинство-то всё эти... этот, Пресвятая Богородица всё ведь это как вроде, да Николай Чудотворец да. Оне ведь как будто чудеса творят. Дак вот отпускали на воду.

ФА СГУ, АФ 13400-17: зап. в с. Лойма Прилузского р-на Республики Коми 03.10.2022 Т. С. Каневой, В. А. Дементьевой, А. М. Михалюк, А. А. Шумиловым. Расшифровка С. С. Мишариной под ред. Т. С. Каневой.

Рассказ об иконе и умирающем

4. И иконку полó<скают>, святую Богородицу — тоже дают водичку пить больным людям, которые страдают уже, не могут успокоиться уже, рады, но не могут, мучаются только уже. И, говорят, вот они успокаиваются после этого. [*А как человек просит эту воду?..*] Он уже сам просит, ну. У меня вот и хозяин тоже уж в последнё время, го[во]рит: дайте, дай, г[овор]ит, мне принеси иконочку какую-ту, пресвятую Богородицу, ополосни, го[во]рит, я попью, го[во]рит, с неё водичку. И правда: два дня прошло и...

ФА СГУ, АФ 13400-19: зап. в с. Лойма Прилузского р-на Республики Коми 03.10.2022 Т. С. Каневой, В. А. Дементьевой, А. М. Михалюк, А. А. Шумиловым. Расшифровка С. С. Мишариной под ред. Т. С. Каневой.

Рассказ о Богородице

5. Богоматерь родилась от одной женщины. У ней детей не было, и она молилась. Потом она родила девочку и отдала ее трехлетнюю в монастырь. И поселили ее в святое святых, тут она и росла до 12[-ти] лет. Пришло время выдавать ее замуж. Она говорит: «Замуж я выходить не могу». Тогда вызвали вдовцов и приказали поставить жезлы и сказали: «На какой жезл придётся, тот и возьмёт

эту женщину». У одного мужчины жезл расцвел. Тогда сказали: «Он должен её взять». Он стал отказываться и говорить, что ему уже 80 лет и у него 3 сына. Но тут на его жезл сел голубь. И ему сказали, что нельзя теперь отказываться. И она жила с ним.

Дева Мария читала книгу, а там было сказано, что у одной девушки родится сын и она наречёт его Иисусом Христом. Она подумала: «Хоть бы мне этой девушке служанкой быть». Тут явился ей ангел и сказал: «Святой Дух снизойдёт на тебя, и ты родишь сына и наречешь его Иисусом Христом». Это было благовещение. В этот день птица гнезда не вьёт, а девица косы не плетет.

ФА СГУ, РФ 1302-29: Безносикова Мария Ивановна, 1901 г. р., д. Тарасовская Прилузского р-на Республики Коми; зап. М. Кирилловой в 1990 г. Компьютерный набор текста В. Тебеньковой.

Молитва «Сон Богородицы»

6. Я, раба божья (имя), где была, где гуляла, евоного сна не видала. Видала сон страшный: на купоровском кресте Иисуса Христа избивали, в руки, ножки гвоздики набивали. Кто эту молитву знает, с утра до вечера читает, того Бог ото всяких бед избавляет. Избавь меня, Господи, ото всяких бед, от огня, от потопа, от зверей и злых людей, ото всех болей во веки веков. Аминь. Аминь. Аминь.

ФА СГУ, РФ 1301-166: Макаровская Евдокия Петровна, 1915 г. р., д. Галактионовская Прилузского р-на Республики Коми; зап. В. Лагун в 1990 г.

«Евоного сна»: так в записи собирателя (не «сына»).

Молитва в дорогу

7. Пресвятая Богородица, Мати-Владычица, спаси и сохрани в избе, в поле, в небе, в пути и в дороге. Аминь.

ФА СГУ, РФ 1301-121: Сюткина Анна Захаровна, 1915 г. р., д. Вотинская Прилузского р-на Республики Коми; зап. В. Лагун в 1990 г.

Примечание в тетради собирателя: «Когда едешь в дорогу».

Молитвы перед сном

8. «[Я легла спа]ть, ко мне никто не должен пристать: ангелки по бокам, Божья Мать взголовах, Иисус Христос в ногах». Три разá проговорить это. <...> потом: «Аминь. Аминь».

ФА СГУ, АФ 1319-91: Макаровская Евдокия Петровна, 1915 г. р., д. Галактионовская Прилузского р-на Республики Коми; зап. Т. Каневой, М. Кирилловой, В. Лагун в 1990 г. Расшифровка Т. С. Каневой.

9. Богородица взголовах, хранители во дверях, ангелы по углам, пастыри по краям, святая вода во храме, святой водой окроплено, святым духом освящено, животворящим крестом заперто. Аминь.

ФА СГУ, АФ 1322-13: Жебова Нина Евлампиевна, 1920 г. р., д. Кузнецовская Прилузского р-на Республики Коми; зап. Т. Каневой, М. Кирилловой, В. Лагун в 1990 г. Расшифровка Т. С. Каневой.

10. Богородица в головах, Спаситель во дверях, святая вода во храме, святой водой окроплено, святым духом освечено, прижато, смертным ключом заперто. Во имя креста, святого духа. Крест, аминь, крест.

ФА СГУ, РФ 1301-123: Сюткина Анна Захаровна, 1915 г. р., д. Вотинская Прилузского р-на Республики Коми; зап. В. Лагун в 1990 г.

«Святая вода во храме»: в рукописной записи собирателя «святая вода в охране»; «прижато»: в рукописной записи собирателя «прижать».

11. Ложусь я спать, в головах пресвятая Богородица, по краям святые ангелы, по углам святые пастыри, святой водой посвечена, животворящим крестом покрещена духа свята. Крестом крещусь, крестом благословлюсь, крестом Христа призываю, крестом врага отживаю. Во имя отца и сына и святого духа. Ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ФА СГУ, РФ 1301-141: Шехонина Вера Лекарионовна, 1905 г. р., д. Заполье Прилузского р-на Республики Коми; зап. В. Лагун в 1990 г.

Молитвы при болезни

12. Пресвятая Мати Богородица, спаси, сохрани рабу божью Анну <...> от всякой болезни, шипоты и лomotы, паденья и <...> родимешня. Как ночная заря Татьяна тухнет, потух, так бы и вся скорбь и болез[н]ь иссыхала веки на веки, отныне и до веков. Заря утренняя Мария, денная Марьевна, ночная Салана... Саланада и Монида. Спаси, сохрани рабу божью Анну во имя отца и сына и святого духа. Аминь.

ФА СГУ, АФ 1319-13: Сюткина Анна Захаровна, 1915 г. р., д. Вотинская Прилузского р-на Республики Коми; текст прочитан информантом по рукописной записи в тетради; зап. на аудионоситель Т. Каневой, М. Кирилловой, В. Лагун в 1990 г. Расшифровка Т. С. Каневой. Рукописные записи информанта скопированы собирателями (см.: ФА СГУ, РФ 1301-115).

13. Матушка Пресвятая Богородица Мария, спаси, сохрани рабу Божью (имя) от всякой скорби, болезни, шипоты, лomotы, ходобная и родимчатая. Как ночная заря Татьяна тухнет, потухая, так бы вся скорбь и болезнь сохла и иссыхала у рабы Божьей (имя) веки на веки, отныне до веки. <...> Аминь.

ФА СГУ, РФ 1301-21: Шехонина Екатерина Степановна, 1906 г. р., с. Лойма Прилузского р-на Республики Коми; зап. В. Лагун в 1990 г. Компьютерный набор текста В. Усатовой.

Дополнения в тетради собирателя: «9 раз на заре» (перед текстом); «Заря утренняя Мария, денная Марьевна, вечерняя Соломонида, ночная Татьяна» (после текста).

Заговор от уроков¹¹ («урочные слова»)

14. Господи, благослови, Христос! Во имя отца и сына и святого духа. Аминь. Стану я, раба Божья (имя), пойду из дверей в двери, из ворот в ворота, в чистое поле, там стоит пресвятая Божья церковь. На престоле сидит пресвятая Божья Дева Мария, держит ножницы на золотой тарелке. Я, раба Божья, Пресвятой Деве помолюсь и покорюсь. Пресвятая Божья Дева Мария, подстригай, вычищай, все притчи, боли, уроки, озёвы у рабы Божьей (имярек) от лёгких, от сердца, от печени, от рук, от ног, от головы, от зубов, от глаз, от крови, от 77-ми жил, от 77-ми суставов, от каждой шерстинки, от каждой волосинки, сердца, дерева, листованные, морские зубы, от своей думы, от лихой крови. Я раба (имярек), урочному человеку три пуда соли в глаза высыплю при солнышке, при младом месяце. Будьте мои слова крепки, имки и лепки.

ФА СГУ, РФ 1301/2-13: Карманова Евдокия Афанасьевна, 1918 г. р., д. Галактионовская Прилузского р-на Республики Коми; зап. Т. Каневой в 1990 г. Компьютерный набор текста В. Усатовой.

Примечание в тетради собирателя (записано со слов информанта): «Урочные слова: произносят на воду, на сахар, на другое. При этом воду в руки не давать; если человек даст деньги, обратно ему не отдавать, медные деньги брать нельзя».

Заговоры на облегчение родов домашней скотины

15. Когда скотина какая-то — или корова, или там ещё кто — рожают, произносили слова: «Пресвятая Мати Божия ходит по калинову мóсту, носит золотые ключи, отпирает мясную гóру, проливает святую вóду. Пресвятая Мати Богородица Иисуса Христа родила — никаких мук не приняла, так же моя... там коровушка, как её — или Пеструха, или там Белянка, или как — пусть рóдит, никаких мук не примет». Вот и всё, такой приговор. Хозяйка говорит, поглаживает коровушку по этому... или там козочку...

ФА СГУ, АФ 1317-46: Лобанова Александра Ильинична, 1923 г. р., с. Лойма Прилузского р-на Республики Коми; зап. Т. Каневой, М. Кирилловой, В. Лагун в 1990 г. Расшифровка Т. С. Каневой.

16. Встану я благословеса, пойду перекрестеса из дверей в двери, из ворот в ворота, в чистое поле. В чистом поле стоит столб, у столба стоит стол, на столе сидит сама Пресвятая Богородица, держит трон, немецкие замки, трои золотые ключи. Покорюсь, помолюсь пресвятой Богородице: Пресвятая Богородица, у

---

¹¹ Уроки — порча, сглаз.

паровицы божьей, коровушки [или] козы выими теленочка встречного, поперечного и попутчего. Аминь.

ФА СГУ, РФ 1301-119: Сюткина Анна Захаровна, 1915 г. р., д. Вотинская Прилузского р-на Республики Коми; зап. В. Лагун в 1990 г. Компьютерный набор текста В. Усатовой.

Примечание в тетради собирателя (записано со слов информанта): «Чтобы корова (коза) легче отелилась».

Сокращения

ФА СГУ — Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар (АФ — аудиофонд, РФ — рукописный фонд)

Список источников

1. *Бунчук, 2012* — Бунчук Т. Н. Словарь русского говора села Лойма как источник этнокультурных сведений // Научный диалог. 2012. № 3. С. 64–89.

2. *Канева, Военушкина, 2022* — Канева Т. С., Военушкина Е. А. О проекте «Духовная культура Севера: Прилузь в мультимедийной мозаике» [Электронный ресурс]. URL: <https://territory.syktso.ru/etnokulturnoe-nasledie/priluze/o-proekte/> (дата обращения: 29.09.2024).

3. *Толстой, 1995* — Толстой Н. И. Богородица // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. А–Г. С. 217–219.

4. *Фадеева, 2000* — Фадеева Л. В. Богородица в русских заговорах: Роль христианских источников в формировании образа : дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 269 с.

5. *Шевченко, 2013* — Шевченко Е. А. Похоронно-поминальные причитания Лоймы (современные записи) // Народная культура в слове и тексте : сборник исследований и материалов памяти Валентины Викторовны Филипповой. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2013. С. 198–206.

References

1. *Bunchuk, 2012* — Bunchuk T. N. Russian dialect dictionary for Loima village as source of ethnocultural data. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue]. 2012. No 3. Pp. 64–89. (In Russ.)

2. *Kaneva, Voenushkina, 2022* — Kaneva T. S., Voenushkina E. A. *O proekte «Duhovnaya kul'tura Severa: Priluz'e v mul'timedijnoj mozaike»* [About the project “Spiritual culture of the North: Priluz'e in multimedia mosaic”] [Electronic resource]. Available at: <https://territory.syktso.ru/etnokulturnoe-nasledie/priluze/o-proekte/> (accessed: 29.09.2024). (In Russ.)

3. *Tolstoi, 1995* — Tolstoi N. I. Mother of God. *Slavyanskije drevnosti : etnolingvisticheskiy slovar'* : v 5 t. [Slavic antiquities : an ethno-linguistic dictionary : in 5 volumes]. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995. Vol. 1. A–G. Pp. 217–219. (In Russ.)

4. *Fadeeva, 2000* — Fadeeva L. V. *Bogorodica v russkih zagovorah: Rol' hristianskih istochnikov v formirovanii obraza : dis. ... kand. filol. nauk* [Mother of God in Russian incantations: the role of Christian sources in image formation : dis. ... candidate of Philology. sciences]. Moscow, 2000. 269 p. (In Russ.)

5. *Shevchenko, 2013* — Shevchenko E.A. Funeral and memorial lamentations of Loima (modern notes). *Narodnaya kul'tura v slove i tekste: Sbornik issledovaniĭ i materialov pamyati Valentiny Viktorovny Filippovoj* [Folk culture in a word and a text. Collection of research papers in memory of Valentina V. Filippova]. Syktyvkar: Publishing house of the SSU, 2013. Pp. 198–206. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Канева Татьяна Степановна

Tatiana S. Kaneva

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русской филологии,
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Candidate of Philology, Associate Professor
of the Department of Russian Philology,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

167001, Россия, Сыктывкар, Октябрьский
пр., 55

55, Oktyabrskii Prosp., Syktyvkar, 167000,
Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	06.10.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	08.10.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	10.10.2024

Научная статья / Article

УДК 94(47)084

<https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-3-62>

**Владимир Александрович Чистяков (1923–2001).
Преодоление испытаний судьбы
(Воспоминания политзаключенного)**

Подготовка текста и комментарии Александра Николаевича Розова

Институт русской литературы РАН, Санкт-Петербург, Россия
rosov@list.ru

Аннотация. В публикации представлены воспоминания В. А. Чистякова, участника Великой Отечественной войны, который после школы в конце 1941 г. закончил артиллерийское училище и ушел на фронт. В одном из боев попал в плен и через несколько месяцев бежал из него. На Родине был осужден по 58-й статье и отправлен на 10 лет в Воркутлаг за измену и на два года в ссылку. В 20 лет оказался политзаключенным в лагере, где пережил нечеловеческие испытания, но остался жив. Его воспоминания — это страшный, но мужественный рассказ о пережитом.

Ключевые слова: сталинские репрессии, воркутинские лагеря, судьбы политзаключенных, автобиографическая проза

Для цитирования: Владимир Александрович Чистяков (1923–2001). Преодоление испытаний судьбы (Воспоминания политзаключенного) (подготовка текста и комментарии А. Н. Розова) // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2024. № 3. С. 62–85. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-3-62>

Vladimir Alexandrovich Chistyakov (1923–2001). Overcoming the trials of fate (memoirs of a political prisoner)

Text and comments by A. N. Rozov

Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia,
rosov@list.ru

***Abstract.** The publication presents the memoirs of V. A. Chistyakov, a participant in the Great Patriotic War, who graduated from the artillery school at the end of 1941 and went to the front. He was captured in one of the battles, escaped and escaped from it a few months later. At home, he was sentenced to 10 years in Vorkutlag under Article 58 for treason and two years in exile. At the age of 20, he turned out to be a political prisoner in a camp, where he survived inhuman trials, but remained alive. His memoirs are a terrible but courageous account of his experience.*

***Keywords:** Stalinist repressions, Vorkuta camps, the fate of political prisoners, autobiographical prose*

For citation: Vladimir Alexandrovich Chistyakov (1923–2001). Overcoming the Trials of Fate (Memoirs of a Political Prisoner) (text and comments by A.N. Rozov). *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya gumanitarnyh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*. 2024, 3: 62–85. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-3-62>

От составителя. В 2001 г. Владимира Александровича Чистякова, моего дяди, не стало. Только спустя несколько лет я обнаружил его архив, в котором оказались его воспоминания о трудных годах жизни, фотокопии официальных документов НКВД (МГБ). Они являются свидетельством тяжелых испытаний, которые выпали на долю этого совсем молодого человека: ведь его арестовали, когда ему было всего 20 лет.

Владимир Александрович родился в Петрограде 17 января 1923 г. В начале войны был направлен в артиллерийское училище, после окончания которого в декабре 1941 г. получил звание лейтенанта. Служил заместителем командира батареи на Юго-Западном фронте. В августе 1942 г. попал в плен, где некоторое время выполнял обязанности переводчика. В январе 1943 г. бежал из лагеря в одном из городов Воронежской области. В марте 1943 г. был арестован СМЕРШем в г. Калач Воронежской области. Приговором Особого Сопещения НКВД от 2 октября 1943 г. был осужден за измену родине по статье 58-1 б. Получил срок: 10 лет в исправительном трудовом лагере и два года ссылки. В июне 1944 г. был этапирован в Воркутлаг. Вспоминая те страшные годы, он писал: «В самом деле, давайте задумаемся, как человек мог прожить в потоке таких ужасов 5 ... 10 ... 15 ... 20 лет? А ведь прожили миллионы». Выжил в этих условиях и

Владимир Александрович. Он работал на нескольких шахтах, позже — лекпомом в сангородке, что, вероятно, и спасло ему жизнь. Мой дядя никогда не рассказывал о своем тяжелом прошлом.

Находясь в ссылке в Воркуте, В. А. Чистяков окончил заочное отделение Ленинградского инженерно-экономического института. Был активным участником Воркутинского шахматного клуба, сочинял стихи. Освобожден 26 марта 1953 г., реабилитирован 26 марта 1955 г. После этого он вернулся в Ленинград. Работал в Ленэнерго, а потом в Энергопроекте. За боевые заслуги был награжден орденом Красной Звезды. В марте 1983 г. ушел на пенсию. Умер в Санкт-Петербурге 25 февраля 2001 г.

Сензаг

Наступило лето 1945-го года. Сошел последний снег, и тундра зазеленела. Недавно победоносно окончилась страшная война. Еще до ее окончания ходило много слухов или, как их называли в лагере, «параш», по поводу предполагаемой амнистии.

Естественно, каждый ждал ее, надеясь на облегчение своей участи. Наиболее горячие головы считали, а порой и утверждали, что освободят всех участников войны — это выглядело бы логично. Но таких наивных романтиков было очень и очень мало. Кое-кто считал, что участникам войны скостят половину срока.

Однако старые и опытные лагерники, посаженные еще до войны по 58-й статье, ко всем этим «парашам» относились скептически. Они утверждали, что 58-ая статья никогда не попадала под амнистию и не попадет и ... конечно, оказались правы. Амнистия коснулась воров, бандитов, бытовиков, то есть людей, близких по духу «друзьям народа», и частично дезертиров, которым скинули половину оставшегося срока.

В нашем лагере попало под амнистию очень немного заключенных, так как большинство имело всеядную 58-ую статью.

Лагерь был сравнительно немногочисленным — всего человек 350, и находился он при совхозе «Приполярный». Жили мы в землянках, которые при таянии снега обильно заливало талой водой. Зимой в них было прохладно, так как уголь отпускался в весьма ограниченном количестве, ведь он был привозным, а завозили его в короткий период навигации по реке. Совхоз содержал коров и имел полеводческое хозяйство. За короткий вегетативный период удавалось вырастить турнепс, репу, брюкву и еще кое-что из огородных культур. Круглый год эти овощи можно было видеть на лагерной кухне, причем зимой большей частью в замороженном виде.

Как я уже упомянул — наступило лето. Светло круглые сутки, трава росла прямо на глазах. Начали поговаривать о сенозаготовках — «сензаге», как говорили здесь. В этот лагерьпункт меня пригнали несколько месяцев назад, и все мне было в диковинку. В совхозе были ближние и дальние луга, где предстояло заго-

тавливать сено. Часть лугов была покрыта обильным количеством кочек, «кочкарная» тундра, и косить там невероятно трудно.

Правда встречались и гладкие места, но их было мало и находились они вдали от лагеря. Самые дальние места луга раскинулись в предгорьях полярного Урала.

Формировать бригады на дальние участки, а их было три, начали недели за две до отправки. Бригады составляли, как говорится, без отрыва от производства, то есть на работу гоняли, а после возвращения в зону шел медосмотр и проверка вещевого имущества. Желающих попасть на дальний сензаг, естественно, не было. Все упиралось в начальника участка, ведь на дальнем сензаге он был полномочным хозяином и мог творить все что угодно. Ни один сензаг не обходился без человеческих жертв. Но люди в счет не шли, это были зека, а кто спросит за их смерть? Обычно фамилию начальника держали в секрете до последнего дня. На медосмотре я попробовал увильнуть от поездки («косануть»), но из этого ничего не вышло. Видимых заболеваний не имелось, а лет мне было немногим больше двадцати. «Бросить на лапу» фельдшеру, который производил осмотр, — нечего, кому-то за два стакана табаку удалось увильнуть «по состоянию здоровья». При чем об этом говорили открыто, так как подобные взятки считались в порядке вещей. Единственной привилегией для тех, кто попадал на дальний сензаг, являлись новые добротные ботинки, которые выдавались из каптерки. Получив эти ботинки, нужно было суметь сохранить их до отъезда. Это, к сожалению, не всегда удавалось выполнить. Я их просто «затырил», то есть надежно спрятал, а на работу ходил в старых чунях¹².

Перед отправкой нам дали день отдохнуть, так как путь предстоял не близкий — 70 км по бездорожью. Кроме того, выдали по две пачки махорки, случай, надо сказать, небывалый: война-то окончилась. Наличие махорки в таком количестве породило новые заботы: где взять бумагу для курева? Газеты у нас были редкостью, журналы и книги вообще не попадали, а в конторе над каждым листом чистой бумаги тряслись, как над ребенком. Наблюдались случаи, когда рабочие наряды писали на березовой коре. Но и березовые поленья являлись большой редкостью. Бумажный голод ощущался всюду. Эту проблему полностью решить не удалось никому. Я, например, за пол-листа газетной бумаги отсыпал водовозу изрядную толику махорки (водопровода у нас, естественно, не было, и воду возили из реки, которая протекала поблизости). Но вот наступил день отправки. После завтрака нам выдали на два дня сухой поек.

Все наше скудное имущество, а также месячный запас продуктов погрузили на три подводы, и бригада, в составе 30 человек, трех конвойных, одной собаки и начальника участка (второй собаки) из вольнонаемных, тронулась в путь. Начальник участка попался хуже некуда, еще с прошлых лет за ним укрепилась дурная слава. Говорили, что у него на участке бывали смертельные случаи, а не-

---

¹² Чуни — вид резиновой обуви, сшитой из старых автомобильных покрышек.

сколько человек после возвращения с сензага попадали в сангородок, а оттуда шли на вечный покой. Зато план на его участке выполнялся чуть ли не на 150 %, что являлось главным, а человеческая жизнь котиновалась очень низко.

Фамилия начальника была Петерсон. Латыш по национальности, он в свое время отсидел в лагере положенный ему срок и теперь работал в совхозе по вольному найму. Рост он имел под два метра, носил большие усы и бородку клинышком, а его маленькие глазки вечно бегали с предмета на предмет, в них не было ни капли доброты, а всегда какая-то настороженность. Ходили слухи, что он бывший чекист, чуть ли не с 1918 года. По его возрасту в это можно было поверить, выглядел он лет на 50. Ну а за что он сидел, никто не знал, версии ходили разные, но ни в одну из них нельзя было поверить. Двоих конвойных мы знали хорошо, один из них по фамилии Басов был вполне приличный человек и никогда не относился серьезно к своим обязанностям, зато к нам по-человечески. Другой, носивший странную фамилию Щекотько, — типичный пример отменной тупой сволочи. В лагунке он исполнял обязанности надзирателя, отличался самодурством и непредсказуемой глупостью. О третьем, собаковоме, ничего известно не было, он появился у нас недавно. Старшим этой группы назначили Басова, хотя Щекотько имел на погонах на лычку больше, но, очевидно, начальство знало о его достоинствах. Первым препятствием на нашем пути была река. Пройдя километра два, остановились на ее берегу и стали ждать парома, который в это время находился на противоположном берегу. Паром представлял собой обыкновенный плот с наспех сделанным ограждением и передвигался с помощью обыкновенного шеста. Паромщика не было видно, и он изволил появиться, наверное, часа через два. Поругали его, но беззлобно. В течение часа он переправил всю нашу «экспедицию». Когда одна из подвод съезжала на берег, с нее в воду упал мешок крупы — наше пропитание. Мешок, конечно, вновь водрузили на телегу, но крупа подмокла, и это впоследствии обернулось бедой. Когда все имущество и люди переправились, конвой для порядка пересчитал нас, и мы молча двинулись в далекий путь. Погода стояла теплая и солнечная, была середина июля. Шли мы по едва заметной дороге, вернее колее. Привал сделали часа через два, перекусив хлебом и селедкой, двинулись дальше.

Вокруг до горизонта расширялась бескрайняя тундра, она казалась какой-то вымершей. Сделав еще один привал, минут на 30, мы шли без отдыха, пока солнце не приблизилось к горизонту. Вот тогда остановились на ночлег. Начальник участка шел этой дорогой уже не в первый раз и хорошо знал этот путь.

В большом котле или кастрюле, используя предварительно взятые дрова, повар сварил не то кашу, не то суп. Подзаправившись, перекурили это дело и после вечерней проверки, которую проводил неугомонный Щекотько, улеглись спать. Пересчитывал он нас трижды, так как сбивался со счета.

Конвой расположился поодаль. Один из них с винтовкой и собакой уселся на кочку нас караулить. Те, кто вставал ночью, могли видеть, как наш бдительный охранник, положив под себя винтовку, крепко спал. Не реагировала и собака,

утомленная тяжелой дорогой, она также спала. О побеге, конечно, никто и не помышлял.

Наутро первым встал повар и развел под котлом огонь, используя остатки дров. Один доброхот уже залил котел водой. «Подъем!» — раздалась команда Петерсона. Усталые люди неохотно зашевелились, ведь поспали не больше пяти часов. Однако вскоре все побежали к реке умываться, благо у каждого имелся кусочек настоящего хозяйственного мыла.

Мне очень не хотелось вставать, потому что только что снился очень приятный сон: школа, моя соседка по парте Лина, почему-то в купальном костюме; мне кажется, что я слышу ее звонкий голосок, зовущий меня купаться, и даже ощущаю, как она тянет меня за рукав. Но увы... это меня дергает Петерсон, я смотрю в его злые глаза, ничего не соображая. «Чего разлегся ... твою мать, подъема, гад, не слышишь!» Все становится на свои места. Я вскакиваю, как на пружинах, и первое мое желание заехать в эту гнусную рожу, но, быстро подавив все эмоции, бегу умываться, а потом под злобный окрик Щекотько становлюсь в строй. Утром считает Басов, у него с первого раза все сходится. После завтрака трогаемся опять в путь. Говорят, что топать надо еще километров 40. Погода второй день стоит отличная, на небе ни облачка, но и не жарко, ведь еще раннее утро.

После двух часов ходьбы первый привал. Тундра уже постепенно переходит в лесотундру, мы движемся к югу. Появляется невысокий кустарник и вскоре даже небольшие деревья. От этого на душе делается почему-то светлее. Нет, не радостнее, а именно как-то светлее. Кажется, что на тебя дохнуло чем-то родным, но радоваться в лагере нас отучили.

Сталинские мучители хотя и выполняли свое дело за страх (совести у них просто не было), но старательно.

Не могу сказать, что я сильно устал, ведь шли мы налегке. Под вечер дорога пошла уже низкорослым лесом. Вот последний короткий привал. Показалась быстрая мелководная река — это был пережат, по которому мы перешли речку вброд и очутились на месте нашего жительства. Это были четыре землянки, три рядом, а одна в отдалении. В дальней разместились охрана. В той землянке, что была поменьше, поселились начальник, бригадир и повар, в остальных мы, работяги, по 14 человек в каждой.

В наших землянках во всю длину шли нары, сколоченные из неструганных досок. На досках прошлогоднее трухлявое сено. Покуда мы не накопили и не высушили новой травы, придется спать на этой трухе, а это все равно, что на голых досках. Мешки под матрасы нам выдали перед отправкой. В землянках находились металлические печки, около них теоретически полагалось сушить промокшую одежду. Забегая вперед, скажу, что за ночь ничего не удавалось высушить, так как печка после отбоя довольно быстро *прогорала*, ведь дневальных не было, а все беспробудно спали, утомленные работой.

Люди часто простужались, по ночам кашляли, заболели, но начальник участка всех выгонял на работу. Кроме плана по сенозаготовке, для него ничего не существовало.

Наш маленький поселочек находился на берегу речки Хорь-Яга. Вода в ней чистая, прозрачная, но очень холодная, так как она брала свое начало где-то в горах Урала.

Помню первое утро нашего пребывания на сензаге. Очевидно, потому оно запечатлелось, что нам выдали двойную порцию каши перед отправкой на работу. До первой лужайки рукой подать, каких-то 200 метров. На Севере сено заготавливают особым способом. Раскидывать скошенную траву нельзя, так как из-за частых дождей и короткого лета трава не успевает высохнуть. Сено сушат в вертикальном положении на «вешалках». Для этой цели из кольев делается нечто вроде деревянной изгороди метров 10–12 длиной и высотой около 3 метров. На вертикально забитые колья делают поперечины в три ряда. На эти поперечины навешивается свежескошенная трава, которая мокнет, сохнет, опять мокнет, затем мерзнет и в конце концов высыхает. Зимой сено вывозят. Деревенские жители, а их в бригаде большинство, в первые дни косили с каким-то азартом. Видимо, соскучились по деревенской работе. Жжи... жжи... жужжали косы, и скошенная трава ложилась ровными рядами. Но так было только в первые дни, а потом народ выдохся довольно быстро, ведь питание-то было не для этой работы. Я по указанию бригадира заготавливал колья, наше звено состояло всего из четырех человек, старшим назначили меня.

Мы работали не спеша, много говорили «за жизнь», часто курили (закрутку на двоих — табак надо расходовать экономно), никто нас не подгонял. Работая с прохладцей, свою норму выполняли, наверное, тому причина — долгий рабочий день, который длился не меньше 14 часов... Потянулись бесконечные дни за днями, выходных не было. Конвой с нами не ходил, но знал место нашей работы; иногда в хорошую погоду прибежал Щекотько вместе с собаководом и устраивал проверку, так полагалось по инструкции. Мы считали, что эти проверки устраивали «для понту», так как бригада трудилась на большой площади, точнее в разных местах, и при способности Щекотько к счету сосчитать всех было нелегко. Однако к концу рабочего дня все собирались в одном месте и шли «домой». Мне очень часто доводилось работать с поэтом Семеном Супокоцким, он постоянно повторял полюбившиеся ему стихи или сочинял сам, для этой цели он никогда не расставался с толстой синей тетрадью. Физически это был слабосильный и больной человек, приступы кашля никогда не покидали его. Почему при таком состоянии здоровья его отправили на сензаг? — недоумевали некоторые из нас. Мне кажется, в этом нет ничего удивительного, фельдшер выполнял чье-то указание «отобрать 30 человек». Здоровых за «лапу» он освободил, а больных признал здоровыми. Кроме Семена, еще один человек постоянно жаловался на боль в груди.

Семену, так же как и мне, немногим было больше 20 лет, срок у него был небольшой — всего пять лет, из которых 2,5 года он уже отсидел. Мы спали с ним рядом, и я порой наблюдал, как он все время кашлял, выходил из землянки, чтобы не мешать людям спать. Замечали это и другие и по достоинству оценивали его поступок. Из его стихов мне запомнились такие:

Свинцом меня гнет воркутинское небо,
Жестокий мороз жжет огнем,
Давно я в девичьем объятии не был,
Уж вымерзла память о нем.
Хотелось бы нежности, ласки,
Бежать от полярных ночей,
Минуту пожить бы, как в сказке,
Под взглядом теплых очей.

С каждым днем Семен слабел все больше и больше. Плохая пища, непосильная работа и простуда сделали свое дело. Однажды утром он не смог встать, силы совсем его покинули. Он лежал в холодном поту, с нездоровым румянцем на щеках и горящими черными глазами. Увидев его болезненное состояние, я доложил об этом бригадиру, и тот дал мне термометр, чтобы измерить у Семена температуру.

Смотреть на градусник после измерения температуры бригадир пришел сам. Как у всех туберкулезных больных, температура утром была пониженная, что-то в пределах 35°. Бригадир доложил об этом Петерсону. Тот, узнав о температуре, разъярился и, вбежав в землянку, рывком сбросил Семена с нар, при этом со страшной силой матерился. Семен, лежа на земляном полу, надсадно кашлял, и с его губ капала розовая слюна. Эта сцена вызвала у нас страшное возмущение, и бригадир вместе со мной загородил больного от взбесившегося изверга. Несколько человек, схватив косы, заорали: «Не трожь, падло, больного — косами перережем!». Косы в руках у них приготовлены «к бою». Петерсон выскакивает из землянки и орет, что всех посадит на голодный паек. Затем он вбегает в свою «резиденцию» и вскоре выскакивает оттуда с ружьем в руках и кричит: «Кто, падлы, подойдет, убью!». Бригада не расходится, на работу никто не идет. Конвой безмолвствует. Я помог Семену вскарабкаться на нары, поставил рядом с ним его завтрак и вышел из землянки. Обстановка там разрядилась, это бригадир Миша сумел успокоить возбужденных людей. Закурили и вскоре пошли на работу. Петерсон с нами не пошел, он вообще часто по утрам ходил ловить рыбу, ее в реке было много. По дороге я услышал, как двое молодых ребят, бывших дезертиров, сговариваются «увести» у Петерсона рыбу, которую он вялит на солнце, когда бригада на работе. Пришли на свою полянку через полчаса. Звено, в котором я состоял, работала на самой дальней полянке. На этот раз, как, впрочем, бывало часто, на мою долю выпало подгрести скошенную траву и грузить ее на «волокушу». Во время работы мои мысли невольно обращались к Семену. Мне

было безумно жалко его, но помочь ему я мог только словами. Кое-какие медицинские средства находились в небольшой аптечке, которая хранилась у Петерсона. Когда мы возвращались с работы, я предложил бригадире сходить с ним к Петерсону и посмотреть, что находится в аптечке: «в медицине я немного разбираюсь», сказал ему. Нужно признаться, что это было далеко от истины, но во всяком случае в лекарствах я разбирался лучше всех в бригаде. Бригадир не возражал, и мы вошли к Петерсону. Он сидел на своем топчане и с усердием что-то искал в своей рубашке. «Вшей», — подумал я. Тут впервые пришлось увидеть смущение на роже этого чудовища, а может быть, это была гримаса неудовольствия. «Чего надо?» — прорычал он и прекратил свое занятие. «Да вот аптечку надо бы посмотреть, он в лекарствах разбирается, — сказал бригадир Миша, указав на меня, — может, чем поможем больному». В голосе у Миши звучали больше просительные нотки, чем требовательные. Вероятно, он побаивался Петерсона: спали-то они в одной землянке, а мало ли что могло прийти в голову этому негодяю. «Чего жиду помогать, все равно подойдет», — сказал Петерсон, но рукой указал в сторону аптечного ящика. Из скудного запаса, а там в основном находились бинты да йод, я нашел средство от кашля: несколько таблеток кофеина и какую-то микстуру, на которой была надпись: «сердечное, принимать по 15 капель». Взяв микстуру и таблетки, мы с бригадиром пошли к Семену.

Проходя мимо кухни, услышали какой-то гвалт. Прислушались. Оказалось, что в каше, которую раздал повар, обнаружили черви. Сначала это обнаружил один, затем другой и ... пошло, поехало.

Я побежал в землянку, где лежал Семен, а Михаил остался на кухне выяснять ситуацию. В землянке, кроме Семена, никого, все на кухне. Он сидел на корточках, лицом к стене и тяжело дышал. Дыхание вырывалось с каким-то хрипом. «Сеня!» — окликнул его, ответа не последовало. Мой мозг пронзила страшная догадка, но я вторично громко сказал: «Сеня!». «Умираю, — последовал ответ, — а ты напиши... адрес в тетрадке». Это последняя в его жизни фраза далась с большим трудом, он стал валиться на бок и рухнул на доски. Жизнь в нем еще теплилась, но сознание оставило его. Я положил его тело на спину и вытянул скрюченные ноги. Он начал заглатывать воздух, перерывы между этими глотками все увеличивались. К моему горлу подступил какой-то комок, я не мог сделать ни одного движения, а по щекам что-то покатилося теплое и неприятное... Наконец он совсем затих, и я закрыл его глаза.

Когда вышел из землянки, то услышал со стороны кухни сильный гвалт. «Жизнь продолжается», — подумал я, но на кухню не пошел. Закурил, захотелось побыть одному, что в лагере удастся редко (разве что в изоляторе), но у меня эта возможность была, я спустился к реке, курил и смотрел на воду. «Странно, очень странно, — думалось мне, — как на войне, так и в истребительном лагере смерть не воспринимается как чрезвычайное событие, это обыкновенное событие. То же самое, вероятно, ждет и меня. Но где и когда?». Грусть недолго душила, она отпрыгнула довольно быстро, как будто провалилась куда-то. Нужно было

жить дальше. Поплелся на кухню, где уже возвышалась фигура начальника и откуда доносилась нормальная лагерная многоголосая ругань. Я прислушался, чтобы узнать, что к чему. Петерсон орал, что это не черви, а просто сорняки, и каша пригодна для ужина. Но работяг обмануть не удалось, к носу Петерсона потянулись ладони, на которых белели черви. Большинство от такой каши отказались, но были и такие, которые начали вылавливать этих червей с тем, чтобы эту кашу съесть. Группа доходяг не вмешивалась в скандал, а молча ковырялась в каше. Привлеченный шумом, пришел на кухню старший конвоир Басов. Он убедился, что каша червива и к употреблению не годна. Как здравомыслящий человек, он предложил составить акт. Петерсон заорал на него, чтобы не лез не в свое дело. Но не таков Басов, чтобы испугаться этого негодяя, он поручил бригадиру писать акт, включив туда себя, его и кое-кого из работяг, кем оказался я. Для составления акта необходима чистая бумага, но ее-то как раз и не было. Тут я вспомнил про синюю тетрадь покойного Семена, сказал об этом бригадиру и добавил, что Семен только что умер. Последнее обстоятельство большого впечатления не произвело, только Басов добавил, что нужно составить еще один акт о смерти, куда следует включить начальника участка.

Вот так буднично воспринялась смерть человека, вернее заключенного, который по сталинской терминологии считался человеческим веществом «второго сорта». Примерно через час оба акта были оформлены, а тетрадь со стихами я взял себе, Басов не возражал. Стоявший рядом Щекотько подозрительно на меня поглядел, я это заметил и принял меры. Когда он впоследствии попытался эту тетрадь отобрать, у меня там находилось всего несколько листочков черновых набросков, а стихи я надежно спрятал, а чистые листы пошли на курицу. Итак, два значительных события в течение одного вечера.

Тело Семена из землянки вынесли и, закрыв его одеялом, положили неподалеку. Хоронить решили утром на старом кладбище, где покоилось, как говорили, три человека. Место захоронения знал Петерсон, а те, кто был на прошлом сензаге, вспомнить не могли.

Утром нарубили жердей, сделали из них подобие гроба и похоронили метрах в ста от землянки. Старое кладбище отыскать не сумели, а Петерсон помогать отказался. Над могилой установили деревянный крест, хотя по этому поводу возникли разногласия, так как Семен был евреем. Однако все решила фраза Миши, который сказал, что у нас нет национальности, все мы заключенные и хоронить следует, как принято исстари на Руси.

Вопрос с питанием решался очень долго. После похорон набросились на повара, отвесили ему пару плюх, но он кричал, что не виноват, о червях в крупе докладывал Петерсону, но тот не поверил и, не посмотрев на крупу, велел засыпать ее в котел. «Сожрут и с червями!» — будто бы сказал наш начальник. Петерсон, конечно, все отрицал, но кто ему поверит.

В конце концов он и Басов решили, что нужно ехать в лагпункт за крупой, а пока использовать эту муку для приготовления каши. Кстати говоря, хорошим

подспорьем в нашем рационе являлись грибы, их было множество. А кое-кто, и я в том числе, пробовали сыроежки кушать сырыми — ведь должны же они оправдывать свое название.

Ехать на лагпункт предстояло самому Петерсону (за него оставался бригадир), а в сопровождающих, по режимным соображениям, могли быть те, у кого не было 58-ой статьи. Таких у нас было двое, сидели они по статье 193-ей (дезертирство).

Утром бригада на работу не пошла: сначала похороны, потом «червивое дело», а затем сборы в дорогу. Из имевшихся у нас трех лошадей одна направлялась в лагпункт.

Рыбу у Петерсона все же «увели», и он ходил злой как черт, грозился, ругался и искал пропажу. Конечно, не нашел, ее «затырили с концами» (то есть спрятали надежно). С проклятиями и руганью, замахнувшись на своих попутчиков и пообещав им повыдергать ноги, если они вздумают бежать, Петерсон и двое сопровождающих его зека тронулись в далекий путь. Надо отметить, что двое сопровождающих постоянно ссорились между собой по поводу и без оного. Что они не поделили — никто не знал, да, пожалуй, и они сами тоже. Кто-то бросил вслед отъезжающим: «Лебедь, рак и щука взялись с поклажей воз везти». Хоть воз везла лошадь, но немало истины было в этой шутке.

Их возвращения следовало ждать дней через 6–7, так как на дорогу в оба конца уходило 4 дня и 2–3 дня на оформление документов и получение продуктов. Более опытные среди нас полагали, что подвода приедет не раньше, чем дней через 10, да и посланные туда Щипко и Разуваев вряд ли вернуться, они ведь взяли с собой все свое скудное имущество. Это пророчество полностью оправдилось.

Хоть мы и ходили на работу, но работали ни шатко ни валко, больше «кантовались», по лагерному выражению. Кое-кто варил кашу из этой активированной, червивой крупы. К хорошему это, естественно, не привело. Три человека заболели расстройством желудка и настолько потом ослабли, что не сползали с нар, чтобы лишний раз оправиться, при этом загадили всю территорию вокруг землянок.

Если взглянуть на заготовку сена на нашем участке с экономической точки зрения, то каждая тонна сена обходилась в большую копеечку, когда ее доставляли на скотный двор. Это сено привозили зимой, воз был очень маленьким, так как дорога дальняя. Кроме того, зимой находили не все стога.

Не лишним будет отметить, что каждый стог при его заготовке учитывался усредненным весом, а фактически до «усредненного» вряд ли какой стог и дотягивал. Количество стогов на бумаге никогда не соответствовало действительности. Никто из проверяющих не горел желанием тащиться в такую даль. Говорили, что на этот участок приезжал какой-то зоотехник из вольнонаемных в прошлом году, но и он не смог как следует все сосчитать. Его хорошо обвели за нос, показывая по два раза одни и те же стога.

Конечно, экономически совхозу выгоднее было купить сено в России и привезти его по железной дороге, но кто в лагере, да и во всей стране, всерьез занимался экономикой?

При помощи «туфтологии» счета стогов нам практически гарантировалось выполнение плана на 130 %, а это обеспечивало третий котел (самый высший) и 850 граммов хлеба в день. Из такого расчета и отпускались нам продукты.

Со дня отъезда Петерсона прошла неделя, за ней вторая. Норму хлеба и приварки уже на десятый день пришлось уменьшить. Никто не роптал, все понимали, что это печальная необходимость. Конечно, все ослабли, хорошо хоть были грибы, и на работе от недоедания еле-еле шевелились.

Бригадир нас не подгонял, он также был голоден, а конвой не вмешивался; как у них обстояло дело с продуктами, мы не знали.

Похищенную у Петерсона рыбу после его отъезда пустили в общий котел и уже давно съели. Как-то, шастая по кустам, я обнаружил петерсоновский невод — это была замечательная находка.

«Теперь живем», — сказал бригадир Миша. Он быстро договорился с Басовым, и тот вместе с нами, группой в четыре человека, отправился на рыбную ловлю, в том числе и я. Лодка на участке имелась, весла также.

Река Хорь-Яга имела на своем пути много заливчиков, их называли «курьи». Они были различной величины по акватории и довольно глубокие. Найдя значительную по величине курью, примерно километрах в четырех от нашего стойбища, забросили невод. Хотя опытных рыбаков среди нас не было, но все сделали почти верно.

Первый же заброс превзошел все ожидания. Мошня (то есть мешок) невода оказалась заполненной рыбой. Там было, наверное, побольше пуда, это почувствовали, как только улов вытащили на берег. Камнями оглушили рыбу и побросали в лодку. Второй заброс был менее удачен, а третий почти пустой. Тут же на берегу разложили костер, сварили уху (соль припасли на всякий случай), а все остальное отвезли на кухню. Часть рыбы, конечно, взял конвой.

Пойманной рыбы хватило на два дня, хранить ее было негде. Через два дня предприняли второй заезд, кое-что тоже привезли, но не так много, как в первый раз. Рыба все же поддержала людей.

Трое больных совсем измучились, аппетита у них не было, питались только сухарями да пили какой-то отвар из трав, который им приготовил повар. Лекарств не было, а ослабленный организм сопротивлялся плохо.

Курева почти ни у кого не было. Жуткое ощущение обреченности охватило многих. На работе почти ничего не делали, а ходили туда ради грибов. То тут, то там слышалось: «Бросили на произвол судьбы, подыхать нам тут!». Конвой это заметил и стал более бдительным. На рыбалку удалось съездить еще только один раз. Когда, как казалось, напряжение достигло апогея, наконец притащился обоз. Это было оповещено радостным криком: «Едут!». На берегу у переправы последние дни всегда кто-нибудь сидел. Пришел именно обоз, потому что при-

были три подводы и много людей, в том числе 10 зека. Приехал начальник лагпункта, в прошлом фронтовой офицер, фельдшер с медикаментами, а вместо Петерсона новый начальник сензага, заключенный. Кроме того, прибыл «кум» (оперуполномоченный), два конвоира и еще двое каких-то «вольняшек». Разуваева и Щипко среди прибывших не было. На подводах привезли продукты и даже мясные консервы. Этот обоз прибыл только на 17-ый день после отъезда. О причинах задержки рассказывали так: Петерсон со своими «спутниками» прибыл на лагпункт не на второй, а на третий день, причем один из сопровождавших его зеков был избит так, что не мог идти и лежал на телеге.

Прибыв на лагпункт, Разуваев, а это был он, заявил, что его избил Петерсон, заподозрив в краже своей рыбы.

После медицинского обследования сообщили оперуполномоченному, составив соответствующий акт. Петерсон, естественно, отрицал это, уверяя, что заключенные подрались между собой. Однако Щипко подтвердил показания Разуваева. Петерсона было решено отстранить от руководства; как сумел отвертеться от сензага Щипко, никто не знал. Я высказал предположение, что его оставил «кум» как свидетеля (это в дальнейшем подтвердилось). Дело об избииении ничем не окончилось, вернее, было «спущено на тормозах». Кум допросил некоторых работяг, которые показали (паршивое выражение, но так говорят юристы), что Разуваев и Щипко постоянно враждовали, а однажды даже подрались, и их пришлось разнимать. Вероятно, эти показания дали основания для прекращения дела. Ворон ворону глаз не выклюет — гласит пословица, а Петерсон, как утверждали, в прошлом чекист.

Ну а как же заготовка сена? Из-за проливного дождя два дня мы не ходили на работу; все-таки поднабрались сил, кормили хорошо; порции были большие.

Когда дождь прекратился, начальник лагпункта, зоотехник и новый руководитель сензага пошли осматривать нашу работу. Обмануть их Мише не удалось, так как бывший фронтовой командир хорошо ориентировался на местности. Проверка установила, что план с натягом выполнен только наполовину, а ведь шла уже вторая половина августа. Стало очевидным, что нам придется работать до «белых мух». О комарах и мошках, которые нас мучили, говорить нечего. Особенно доставалось от мошкар, которая появилась во второй половине августа. И никакие накомарники от нее не защищали, так как эта тварь проникала сквозь сетку.

Фельдшер осмотрел всех работяг и шесть человек признал негодными для работы, направив их в лагпункт. На наше несчастье старшим конвоиром назначался Щепотько, а Басов уходил в казарму. Теперь конвоиров становилось четверо. Отзыв Басова мы связывали с Петерсоном, впоследствии выяснилось, что мы не ошиблись, да и Щепотько сунул ему какую-то записку. Вспоминали, что Щепотько не раз, на виду у всех спорил со своим начальником.

Вскоре начальство уехало, оставив нам еще одну лошадь, теперь их у нас стало четыре. Всю бригаду разбили на четыре звена, по семь человек в каждом, и

мы получили свои задания. Упущенное необходимо наверстать. Наступило тяжелое время, световой день становился все короче, а работы непочатый край, причем на дальних полях.

Новый начальник сензага, Федор Иванович, как я уже отмечал, был также заключенным. Сидел он по 58-ой статье за то, что при немцах работал сапожником, шил и чинил офицерам сапоги. Его обвинили в пособничестве врагу, а какой пункт родимой 58-ой статьи ему пришили, я не помню.

Ему было лет 60, но мужик он был еще крепкий, а характер имел вполне покладистый. Хорошо зная крестьянскую работу, он немало нам помогал сам. Но теперь Щепотько, став главным, совал всюду свой нос и покрикивал не только на нас, но и на Федора Ивановича. Своим вмешательством он приносил только вред, так как был дураком.

Федор Иванович выходил на работу вместе с нами и косил, наверное, за двоих, причем делал это в разных звеньях. Иногда, взяв с собой два-три человека, отправлялся с ними на рыбную ловлю, и почти весь улов шел в общий котел, однако определенный «налог» отчислялся конвоем, иначе Щепотько бы не разрешил этой акции. Часто в компанию рыболовов попадал и я, вероятно, из-за того, что при моем участии нам чаще сопутствовала удача. После удачного улова варили уху.

Окончился август, наступил сентябрь, по утрам стало очень прохладно, а вскоре начались и утренние заморозки. У многих возникли простудные заболевания, основанием для освобождения от работы служила повышенная температура. У нас имелось три термометра, а по утрам все были в «работе». Частенько Щепотько совал свой нос в это дело, проверял показания термометра — такой уж был этот человек.

Ежедневно оставалось человек пять-шесть, лечения практически не было никакого; вся надежда на защитные силы организма. Щепотько для лечения предлагал дышать дымом, но его никто не слушал.

Во второй половине сентября цифра заболевших подскочила вдвое. Утром люди надевали непросохшую одежду и обувь, а нас на работе обдувало пронзающим холодным ветром.

У одного из больных температура не опускалась ниже 39°. Ему давали глотать стрептоцид и таблетки от кашля, но ничего не помогало. Он харкал мокротой ржавого цвета, вместо плевательницы всем давали пустые консервные банки (сами же больные их не мыли). Вскоре несчастный больной умер, вероятно, у него возникло воспаление легких, и ослабленный организм не смог сопротивляться. Составили акт и похоронили рядом с могилой Семена. А под конец сентября там был поставлен и третий крест. Народ слабел прямо на глазах, а план еще не был выполнен.

Федор Иванович — неплохой человек, но крестьянская душа в нем брала верх над заключенными. В этом мы отметили его недостаток. Очевидно, какое-то

подсознательное чувство крестьянина заставляло его все время думать о скотине: чем кормить ее в стойловый период.

По утрам лужицы покрывались уже тонкой пленкой льда. Ропот в бригаде рос ото дня ко дню. Видя падающую работоспособность и угрозу новых смертей, Федор Иванович в последних числах сентября решился на окончание работ. Щекотко возражал, так как нашел нескошенную поляну, но остальные трое конвоиров резко ему возразили.

Обратно мы шли три с половиной дня, двое лежали на подводах, идти они уже не могли. Лишь к вечеру четвертого дня, совершенно обессиленные и измученные, притащились к зоне.

Человек десять на другой день отправили в сангородок на стационарное лечение, в их числе оказался и я. Двое вскоре умерли; врачи поставили диагноз: запущенная пневмония.

В стационаре, куда я попал, был очень хороший медицинский персонал. Среди медработников находились как заключенные, так и вольнонаемные, но последние также были бывшие зека и не уезжали из Воркуты из-за опасности повторного ареста на новом месте. Тогда действовало сталинское правило: если ты сидел по политической статье, значит, враг на всю твою жизнь.

После того, как я поправился и немного окреп, меня добрые люди приобщили к медицине — я сделался лекпомом. Эта должность в лагере весьма почетная. Благодаря этому обстоятельству я смог пережить все ужасы лагерного режима. Ну а сензаг? На нашем участке он унес пять человеческих жизней, а на других еще столько же.

Скот поел людей? Да, но только в человеческом образе; четвероногий скот не виновен, людей уничтожила лагерная система, будь она проклята и прокляты навеки те, кто ее создал и поддерживал.

Новгородская область, Боровичевский район, деревня Ёгла. Лето 1990/91 гг.

«Малая зона»

В крупных лагерях (лагпунктах) Воркуты выделялась так называемая «малая зона». Обычно это был барак, стоявший где-нибудь в углу большой зоны и отгороженный от нее колючей проволокой. Нетрудно догадаться, что он представлял из себя своеобразный штрафной лагерь в лагере.

Попадали туда как за провинность (за систематический невыход на работу либо за другой лагерный грех), так и по воле лагерного начальства — ни за что. Никакого «уложения о наказаниях» не существовало, равно как и срока пребывания. Большей частью дело ограничивалось месяцем или двумя, но повторяю, никакого кодекса не было. Властвовал «его величество» произвол, впрочем, как и во всей стране в ту пору. В лагере все происходящее в стране в гротесковой форме отражено было очень ярко. Мне приходит на память суждение одного старого (по возрасту и сроку) зека, немца по национальности из покойной рес-

публики немцев Поволжья, где он был первым секретарем райкома партии. Под «малой зоной» этот человек понимал весь лагерь, в то время как по ту сторону проволоки, по его разумению, находилась «большая зона».

В самом деле, в те годы прав у народа, «где так вольно дышит человек»¹³, кроме обязательного голосования, не было никаких.

Иногда после отбытия срока заключения по суду определялось 3 или 5 лет поражения в правах («по рогам», как это именовалось в лагере). Особое совещание при НКВД лишено было удовольствия «давать по рогам».

Я попал в «малую зону» совершенно случайно: в чем-то провинился мой одноклассник, а расплачиваться пришлось мне. Дело было так: вечером после изнурительной 12-часовой работы я пошел в вещевую каптерку, чтобы получить «новый» (одно название) бушлат взамен старого, где заплат сидела на заплате, но все равно из него лезла ключьями грязная серая вата: как правило, дырки — это следы искр от костра.

Едва я успел надеть бушлат, который именовался новым, а на самом деле был уже ношенный (новые давались по блату и списывались на простых работяг, вроде меня), как в каптерку ворвались два коменданта из числа заключенных. Растолкав толпившихся у барьера работяг, один из них, взглянув на бумажку, что была у него в руках, выкрикнул мою фамилию. Ничего не подозревая, я откликнулся. Точно голодные звери на добычу, бросились на меня оба коменданта, слегка побили, и, обругав на лагерном жаргоне, погнали в «малую зону».

В обращении комендантов не было ничего особенного, ведь на эту должность подбирались отпетые бандиты из уголовного мира, обладавшие достаточной физической силой и полной беспринципностью, «сеученные воры», так именовались они в лагере, в отличие от честных воров, «чеснят», которые подобную работу по воровскому закону выполнять не могли. Занимать должность коменданта считалось выгодным делом, хотя и небезопасным. Работники кухни предпочитали жить с ними в дружбе и в их котелки накладывали весьма щедрые порции. Дежурный комендант малой зоны спросил у меня на вахте фамилию, дал пинка и втолкнул в барак.

Это было сравнительно небольшое помещение с двухэтажными нарами по обе стороны. Нары шли сплошняком во всю длину стены. У входа в барак, в тамбуре, воняла большая параша, так как на ночь барак запирался, и выхода в уборную не было. В дальнем конце белела дверь, в ней зияло небольшое окошечко. Через это окошечко раздавалась пища — два раза в сутки, утром перед работой и вечером после возвращения бригад. Кроме того, за дверью размещалось начальство малой зоны, тоже из числа заключенных. Дверь эта называлась «комендантской». Обитатели малой зоны за ту дверь не допускались. Весь барак, судя по длине нар, был рассчитан человек на 80, но на момент моего при-

---

¹³ Строка из «Песни о Родине» в фильме «Цирк» (1936), стихи В. Лебедева-Кумача, музыка И. Дунаевского.

хода там находилось, по крайней мере, вдвое больше. Само собой понятно, что при такой перенаселенности спали не только на нарах, но и на полу, скамейках, столах. О постельных принадлежностях говорить не приходится: их не было, и быть не могло.

Дежурный комендант имел кличку «шиш»; был он невысокого роста, имел широкие плечи, длинные руки и зверское выражение лица, на котором выделялся широкий, приплюснутый нос, и обильно росли волосы, отчего он походил на обезьяну. Иногда его называли «шишаком», что обозначает нечистую силу.

Когда «шиш» втокнул меня в эти «апартаменты», то в нос ударил смрадный запах, от которого помутнело в глазах. Но это было лишь первое мгновение. Зэки приучены ко всему. В тюремной камере воздух также не озонирован, но с тех пор, как я ее покинул, прошло немало времени.

Обитатели этого ада большей частью уже спали, так как время приближалось к отбою, а усталость валила с ног. Очувтившись в этой клоаке, я вскоре перестал ощущать смрадный запах. Передо мной стояла задача: отыскать место для ночлега. Как ни странно, но свободное место я нашел на верхних нарах. Почему там были свободные места, я понял, как только лег. Причиной были клопы. Едва коснувшись головой досок, почувствовал на своем лице ползущих насекомых. Для них тут было раздолье — пищи хоть отбавляй! Уставшие, измученные люди засыпали почти мгновенно, едва голова касалась досок. Ни храп, ни смрад, ни клопы не могли нарушить сон.

Проснувшись утром, обнаружил, что мои карманы пусты: исчез пакетик с табаком и кусок газетки на несколько закруток, но самое главное: ложка оказалась на месте. Этот «инструмент» всегда должен быть при себе, мало ли что подвернется из еды.

Утренний туалет продолжительностью не отличался. В неограниченном количестве для умывания предоставлялся снег. Полотенец у людей не было, носовой платок («марочка» на блатном языке) и то считался роскошью. А что касается мыла, то его в лагере можно было видеть два раза в месяц, да и то в жидком виде, в бане, где выплескивался маленький черпачок на голову перед мытьем.

Еда также не отнимала много времени. Утром полагалась небольшая мисочка жидкой каши, напоминавшей суп, и пайка хлеба от 300 до 600 граммов в зависимости от заработанного котла. Котлы делились на «подземные» от 4-го и 6-го и «наземные» от 1-го до 3-го. «Наземные» назначались тем, кто работал на поверхности, «подземельные»¹⁴ — соответственно, в шахте. А какой котел выдадут, зависело от раздатчика, его рука владыка. В спор вступать с ним было бесполезно, да и небезопасно. Едва я проглотил последний кусок хлеба по второму котлу, как ударили в рельс и раздалась команда: «Выходи на развод, без последнего!». Мгновенно напялив бушлат и шапку, все бросились к двери, тесня и толкая друг друга. Этим людским потоком я был подхвачен и буквально вынесен из

---

¹⁴ Так в РКП.

барака. А через несколько минут оттуда послышался крик, это коменданты били последнего.

В этом и заключался смысл развода «без последнего». Тот, кто выбегал последним, подвергался побоям. Бывали случаи, когда последних не было, так как в летнее время выскакивали через окна, благо решеток на них не было. Как только все оказались во дворе, коменданты-нарядчики, ругаясь и раздавая оплеухи, разбили нас на три группы и сдали ожидавшему у наружных ворот конвою.

Конвой, построив нашу группу по четыре человека в ряд и дважды пересчитав, пропел свою молитву: «Шаг влево, шаг вправо считается побегом, конвой стреляет без предупреждения», погнал в сторону лесозавода.

Выражение «конвой повел» употреблялось среди эков крайне редко, обычно говорили «конвой погнал», что, конечно, больше соответствовало действительности, так как люди шли не по своей воле.

На железнодорожной ветке лесозавода, на лесобирже, стояло 8 вагонов, груженных лесом. Нас было 20 человек, на каждый вагон приходилось по 5 человек из расчета два вагона на звено. Бревна были довольно крупные и возвышались над высокими бортами вагонов.

Территория лесобиржи тускло освещалась электрическими лампочками, подвешенными на высоких столбах. Погода стояла холодная и ветреная. Ветер проникал в каждую дырку нашей одежды. Около лампочек отчетливо было видно, как кружатся тысячи снежинок. Верхние бревна с вагона скатывали по направляющим довольно легко, только нужно было проявлять ловкость, чтобы самому не свалиться: балансировать на обледеневшем лесе нелегко. Но особенно трудно приходилось, когда пошли бревна, лежавшие на дне вагона. Тут не обошлось без несчастия, упавшее на дно вагона бревно сломало человеку ногу. Помощь ему оказали не сразу, конвой не спешил вызывать санитаров из зоны. «Отлежитесь», — посчитал старший конвоя, но когда бедняга начал от боли терять сознание, наконец вызвали санитаров с носилками. Нас осталось четверо на второй вагон. Выгружать стало труднее, но помощь ждать не приходилось. Мы выгрузили вагон последними, остальные мерзли у вагонов. Костер разводить конвой не разрешил, хотя сами грелись у костра и периодически требовали от нас дров. Выгрузка продолжалась долго. Когда бригада вернулась в барак, там многие уже спали. Лавируя между лежавшими на полу телами, мы пробрались к раздаточному окошку, чтобы получить холодный обед, совмещенный с ужином (это лишний черпачок жидкой каши). Вокруг слышна была ленивая ругань, это кто-то задевал спящих на полу.

Воркута — там 12 месяцев зима, остальное лето. А зима там без пурги не бывает. И вот задула злая северная пурга, да такая, что в двух шагах ничего не видно, сплошная белая пелена. В щели окошек проникал снег, и на полу образовывались лужи. Конвой в такие дни не выводил бригады за зону, и день активировался. Вот и просидели мы три дня в бараке, томясь от скуки. Кто-то играл в са-

модельные карты, но это в основном воров, а остальные либо лежали на нарах, либо нехотя переговаривались.

Вот в такие дни к горлу у меня подкатывала какая-то невыразимая тоска. Но держалась она недолго, очевидно, срабатывали какие-то защитные средства, а то ведь и сойти с ума можно.

Иногда появлялся какой-нибудь рассказчик, который, собрав вокруг себя небольшую аудиторию, рассказывал роман или «травил баланду» из своей воровской жизни на воле. Правды в этих рассказах не было ни на грош.

Однажды молодой, разбитной парень — Сашка, по кличке «поп», выдал, вероятно, в своей интерпретации басню Крылова «Ворона и лисица». Привожу ее по памяти, с небольшими поправками, так как отдельные выражения пришлось сделать более деликатными.

Ворона и лисица

Ворона где-то фраера помыть сумела,
И с сыром тем на ветку кантоваться села.
На ту пору конвой ведет лису.
Какой-то зверь лисе наколку дал,
Мол, у вороны кишера,
И коль не будем фраера,
Нам ломанется правильная доля.
Лиса из-под конвоя свозанула,
Увидела ворону на суку,
И речь такую сказанула:
«Красючка ты у нас,
Не оторвать ведь прямо глаз,
Тебя люблю я, как родную,
Ну спой мне песенку одную».
Сидит ворона, как фуфло,
А в клюве сыр лисе назло.
Лиса кобенилась и так, и эдак,
И рассердилась напоследок.
«Ты, сука, сыр мне дай сюда,
Не то, тля буду, я устрою здесь такой переворот,
Сам лев струхнёт, порвать мне рот!»
Ворона сыр затырила в заначку,
И на понтярную подначку
Промолвила лисе:
«Что, падлю, глатничаешь, надыбала слабинку,
Ложись себе на спинку ж.
Ответ тебе мой будет прост:
Кусай себя за длинный хвост,
И знай, поскуда, ты:

Вороны нынче не глупы,
Вам отошли крыловски времена,
Теперь ты не получишь ни хрена!»

Басня имела успех, читал он ее неоднократно, поэтому я хорошо запомнил содержание.

После декларации на лицах слушателей появлялось подобие улыбки, что для лагеря, а тем более малой зоны, явление редкое.

Человек приспосабливается ко всему, но не привыкает, приспособился к такой жизни и я, оправдывая болгарскую поговорку: «Не приведи, Господь, человеку пережить столько, сколько он сможет!».

В одиночку переносить невзгоды еще трудней, поэтому я сошелся там с одним весьма приятным человеком, юристом по образованию, хотя был он значительно старше меня, ему было под сорок, я же только начинал третий десяток. Он мне рассказал, что до ареста жил и работал в Москве госарбитром. Однажды, разбирая хозяйственную тяжбу между МВД и другим министерством, вынес решение не в пользу МВД, хотя его и предупреждали о неприятностях, которые могут возникнуть в этом случае. Возникали они очень быстро, вскоре он был арестован и всего через месяц осужден на 10 лет по статье 58/10 (антисоветская агитация). Причем в качестве свидетельницы выступала одна машинистка из его учреждения, с которой он ни разу в жизни не разговаривал, да и видел мельком один-два раза.

К лагерной жизни он еще не успел приспособиться, был вежлив и даже любезен, что порой вызывало насмешки, и довольно грубые.

Через несколько дней после пурги меня и Соловьева (такой была фамилия юриста) послали на работу в шахту, называлось это: «назначить на ударник». Такой «чести» мы были удостоены по воле случая, а проще говоря, так решил комендант-нарядчик на разводе. Это было облегчение. На работы мы шли без конвоя, так как вокруг поселка промзоны существовало оцепление.

В шахте нас не обременяли работой, все-таки узники малой зоны. Выдали небольшое задание (доставку с поверхности крепежного леса), выполнив которое, мы получали от бригадира удостоверяющую записку (без печати) и могли быть свободными до окончания смены, то есть до 16 часов. На выполнение задания уходило 4–6 часов, после чего можно было делать что угодно.

В малой зоне по записке бригадира давали двойную порцию обеда (суп и каша). Чем это было вызвано — является загадкой, и, следуя ненаписанным лагерным законам, никто и не пытался выяснить причину.

На шахту я начал попадать ежедневно, а Соловьева после двух «ударников» направили на другую работу, с бригадой.

Проблема возникла с бумагой, на которой следовало писать записки о выполненной работе. Бригадир бумаги не имел и сказал: «Это твоя забота, раз тебе надо». Тут мне просто повезло, когда я шел на шахту, порывом ветра нанесло на меня целую газету «Правда». Это была удача, какая редко выпадает. Во-первых,

я обеспечил себя бумажкой для курева, ведь даже при отсутствии табака за бумажку всегда давали докурить, а во-вторых, обменял лист газеты на плотную белую бумагу, которая для курева не годилась. На этой бумаге бригадир писал мне спасательные записки. Почему я назвал их «спасательными», будет ясно в дальнейшем.

Однажды, спустившись в шахту и получив задание от бригадира доставить крепежный лес, я поднялся на поверхность, предварительно оценив, что леса в лаве хватит на полсмены. Выбравшись из шахты, я направился не на лесной склад, а в поселок. Там, как я знал, можно было подзаработать. Дело в том, что утренние часы были наиболее безопасными с точки зрения передвижения по поселку. Там шныряли оперативники и ловили тех зеков, у которых не было пропуска. Встреча с оперативниками мне, естественно, ничего хорошего не сулила, ведь пропуска у меня не было, да и быть не могло из-за 58-ой статьи с пунктом 1-б. Утром оперативников практически не было, говорили, что у них до 11 часов проводится политучеба, а потом обед. Насколько это было верно — судить не берусь. Однако я был свидетелем такого эпизода: один из заключенных подошел к вохровской собаке и начал ее гладить (в прошлом он был дрессировщиком), стоявший неподалеку надзиратель крикнул: «Не подходи к собаке-то, она вольная-то, а ты зык (понимай — зэк)». Как видно, политзанятия для него даром не прошли.

Итак, я пробрался в поселок, где быстро нашел работу по очистке дорожек около дома от снега. Заработал кусок хлеба и махорки на несколько закуток. С делом я справился вовремя, добрался в безопасное время до шахты и доставил в лаву две вагонетки с лесом. Перед концом смены нашел бригадира, поделился с ним табаком и газетной бумагой, а взамен получил записку о выполнении сменного задания. Бригадир был старый лагерник — сел еще в 1937-ом году и, конечно, понял, где я был. Мне он сказал, чтобы я был осторожен, так как в шахте была проверка, сколько людей работает «на ударнике», и многих недосчитались.

То, что произошло ночью в малой зоне, навсегда осталось в памяти у тех, кто ее пережил. Среди ночи вдруг раздалась команда: «Встать, всем встать, мать вашу так!». Шестеро комендантов пинками ускоряли процесс подъема, сгоняя всех в один конец барака. Когда все сгрудились у запертых входных дверей, наступила зловещая тишина, ничего хорошего не предвещавшая. Но вот открывается комендантская дверь и выходит сам «сатана», Василий Васильевич — начальник малой зоны, который славился особой жестокостью¹⁵. Его красное лицо перекошено от бешеной злобы, в правой руке какая-то бумажка, в левой — плетка. По его команде началась фильтрация. «Проходи, проходи!» — говорил он сквозь зубы, спросив фамилию и глядя в бумажку. Прошедшие фильтр со вздохом облегчения прыгали на нары.

---

¹⁵ Номинально начальником числился какой-то офицер, который изредка появлялся на разводе.

«Стой, падло, давай налево!» — закричал он на какого-то парня, и дюжие подручные потащили того за комендантскую дверь. Когда таким образом было задержано человек пять, я отметил про себя, что четверо ходили со мной на шахту. Вспомнил, что вечером никто не спросил у меня бригадирскую записку, и усиленную порцию не выдали. Поспешно достаю из кармана гимнастерки записку и держу наготове. Когда наступила моя очередь проходить через «фильтр», назвав свою фамилию, протягиваю записку Василию Васильевичу. Он берет записку, бросает на нее небрежный взгляд и буквально впивается в мое лицо своими злыми глазами. Так продолжалось несколько секунд, которые мне показались часами. Наконец он произносит: «Проходи» — и дает мне пинка ногой. Я понял, что опасность миновала. Наконец фильтрация окончилась. Задержано было 6 человек. «Всем по нарам!» — закричал сам. На нары забрались и те, кто обычно спал на полу или на столах.

«Выводи!» — крикнул Василий Васильевич и скинул с себя свой синий китель. Я про себя отметил белоснежную чистоту его сорочки. Такое белье я видел только на воле.

Коменданты вытолкали одного из задержанных, по лицу которого текли слезы. Василий Васильевич сощурил один глаз (я сидел довольно близко от лобного места) и с разворотом ударил свою жертву в лицо. От этого удара несчастный упал. Коменданты его подняли, и палач ударил его ногой, каблуком своего офицерского сапога по пальцам ступни. Парень взвыл от боли и опять упал, но коменданты его подняли вновь. Я отвернулся, чтобы не видеть этой дикой сцены.

«Давай следующего!» — раздался злобный выкрик. Избитый тихо стонал, подняться у него не было сил, но коменданты подхватили его и кинули нам на нары.

Следующего ожидала такая же участь. Только Василий Васильевич избивал его плеткой. По нарам пошел глухой ропот. Он усиливался с очередной жертвой, уже раздавались отдельные угрожающие выкрики. Коменданты не уловили зловещей перемены. Может быть, ничего не было, если ... Когда наступила очередь последнего, «сам» уже тяжело дышал, по его лицу катились крупные капли пота, и было видно, что он изрядно устал.

Очевидно, уловив наше настроение, последняя жертва повела себя иначе. Едва выйдя из комендантской кабины, здоровый на вид парень вырвался из цепких комендантских рук и бросился на изувера. Все произошло мгновенно. Василий Васильевич получил сильный удар в челюсть, от которого зашатался, а от удара коленом в пах рухнул на пол. Но это было всё, что мог сделать этот смелый парень. Коменданты, как тигры, бросились на него, хватили за руки и ноги и стали бить его тело об пол. Озверевшие коменданты били его в каком-то иступлении, такого ведь здесь не бывало. «Помогите, помогите!» — кричал парень. Гул, который шел по бараку, все усиливался и перерос в дикий рев с отдельными бранными выкриками.

И вдруг все, как по команде, соскочили с нар и бросились на комендантов. Некоторые из них успели укрыться за дверями, но не все. Обезумевшая и озлобленная толпа буквально задавила оставшихся комендантов. Ударить ползущих по полу комендантов норовил каждый. Белоснежную рубашку Василия Васильевича порвали в клочья, сам он был уже без сознания.

Кто-то бросился ломать нары и вырванными досками стали бить по комендантской двери. Вскоре филенки из двери были выбиты, дверь сломана, но комендантская оказалась пуста. Оставшиеся коменданты бежали, спасаясь от справедливой кары.

Часовой на вышке, заметив неладное, дал в воздух предупредительный выстрел. В бараке было беспокойно, возбужденные люди не могли прийти в себя, и кое-где вспыхивали драки местного значения — это сводились старые счеты. Через несколько минут после сигнала часового примчался вооруженный наряд охраны и стал у наружных ворот, держа наготове винтовки. Благо двери в комендантском конце барака были открыты, многие выбежали из душного барака.

В открытые внутренние ворота ворвалась толпа комендантов и надзирателей. Побили кое-кого около барака, из числа тех, кто не успел нырнуть в барак. В бараке стояла кромешная тьма, так как все лампочки были разбиты, и только светились в беспорядке красными огоньками одинокие сигарки. У некоторых надзирателей оказались карманные фонарики, и они осветили барак. Открылась жуткая картина: выбитые стекла, зияющие дыры поломанных нар и окровавленные тела едва шевелившихся избитых.

Из санчасти принесли носилки и убрали всех лежащих. Вызванный лекпом оказывал помощь тем, кто после побоев мог двигаться своим ходом. К счастью, убитых не оказалось.

Вызванные надзиратели и коменданты пинками и зуботычинами всех загнали на нары. Принесли два фонаря типа «летучая мышь» и установили их в разных концах барака. Постепенно все страсти утихли, и уже стал раздаваться храп.

Весь следующий день мы приводили барак в порядок и ходили давать показания оперу. По совету юриста Соловьева все твердили одно и то же: «Было темно, ничего не видел, кто бил комендантов, не знаю». Вероятно, и побитые коменданты не запомнили ни одного лица. Но оперуполномоченный не был бы сотрудником НКВД, если бы прекратил начатое дело. Он был из тех людей, которые умели находить виновных даже там, где их нет.

Через несколько дней в следственный изолятор («кондей» по лагерному жаргону) без вывода на работу было посажено пять человек, в том числе и парень, который дал отпор, коменданты не успели его основательно побить. Остальные четверо уже давно, еще до войны, были посажены в лагерь, и их срок подходил к концу, а статью они имели 58-ю.

В ту пору многим, осужденным по этой статье, продлевали срок, когда он заканчивался, даже без всяких причин.

Позже мы узнали, что всем пятерым за «лагерный бандитизм» суд проштамповал еще 10 лет заключения. Само собой разумеется, что из числа комендантов никто к ответственности привлечен не был.

В результате «варфоломеевской ночи» в малой зоне заменили комендантов. Уже после выхода из малой зоны я слышал, что Василий Васильевич был признан инвалидом, актирован и освобожден из лагеря. Кто-то утверждал, что в прошлом он работал следователем в НКВД, это было вполне вероятно, ведь каблуками своих сапог следователи наносили удары при допросах.

Вскоре в малой зоне произвели чистку. Меня и Соловьева выпустили и определили в бригаду ЖКО (жилищно-коммунального отдела). Всего я пробыл в малой зоне немногим более месяца.

Нашим бригадиром оказался немного помятый «шиш», который в потасовке пострадал незначительно. Мы возили уголь в зону и барак ВОХР, для чего нам дали трое тяжелых саней, на которых были укреплены большие ящики. Когда дорога шла на подъем и сани становилось трудно тащить, «Шиш» хватал лопату и бил ее черенком по нашим спинам, помогая «тащить». Но после того, как мы его сообща побили лопатами, он уже впрягался сам в лямку.

Все шло своим чередом, а впереди ждал еще долгий лагерный срок, и до «большой зоны» было еще далеко.

Г. Санкт-Петербург. 1999 г.

Информация об авторе / Information about the author

Розов Александр Николаевич

Alexander N. Rozov

доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Институт русской литературы РАН

Doctor of Cultural Studies, Leading Researcher at the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences

199034, Россия, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4,

4, emb. Makarova, St. Petersburg, 199034, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	23.09.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	23.09.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	25.09.2024

